

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 19 № 6 (163) июнь 2024

В НОМЕРЕ:

Зубков С. Б.

О проблемах «двойной защиты»

Брежнев О. В.

Проблемы противодействия терроризму
в решениях Конституционного Суда
Российской Федерации

Зайков Д. Е.

Применение института частных
определений арбитражными судами

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашпилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msai.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 24.06.2024
Объем 23,13 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенко

Редакторы

М. В. Баукина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).

Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.

Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.

Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.

Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.

Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).

Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.

Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

24.06.2024
Volume: 23.13 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Брежнев О. В.** Проблемы противодействия терроризму
в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 11

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Андреечев И. С.** Нормативное содержание и практика применения
принципа общего (совокупного) покрытия расходов
в бюджетной системе Российской Федерации 21

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Зайков Д. Е.** Применение института частных определений арбитражными судами 40

- Долгушин А. Е.** Право, применимое к порядку извещения стороны
судебного разбирательства на территории иностранного государства 50

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Залялов Д. А.** Границы правомерной и неправомерной трансляции видеоигр 62

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Афанасьев А. О.** Участие работников в управлении организацией
в государствах — членах ЕАЭС: традиции и новации 71

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Ерчак С. В.** Иски корпорации, предъявляемые ее участниками 86

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Бирюков И. И.** Уголовно-правовые механизмы
обеспечения безопасности пожилых лиц 102

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Бухарина Н. П.** Ретроспектива возникновения и развития ведомственного
процессуального контроля как элемента механизма исправления
следственных ошибок (на примере деятельности
общих революционных трибуналов в 1917–1922 гг.) 116

АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

- Зубков С. Б.** О проблемах «двойной защиты» 130

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- Карпов С. Ю., Понимаскин А. Я.** Практика аттестации
пожарно-технических экспертов: тенденции, вопросы, предложения 144

Чистилина А. С. Генезис и современное состояние теории судебно-экспертного прогнозирования	156

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Каграманов А. К. Единство и борьба противоположностей концепций о праве наций на самоопределение В. И. Ленина и В. Вильсона	167

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Газина Н. И. Международно-правовые подходы к вопросу о допустимости использования геномных технологий в медицине	177

Бородина Е. А. Позитивные и негативные обязательства по защите прав человека: вопросы классификации	190

Contents

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

- Brezhnev O. V.** Problems of Countering Terrorism in the Decisions
of the Constitutional Court of the Russian Federation 11

FINANCIAL LAW

- Andreechev I. S.** Normative Content and Practice of Application
of the Principle of General (Aggregate) Cost Coverage
in the Budget System of the Russian Federation 21

CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

- Zaikov D. E.** Application of the Institute of Private Rulings of Arbitrazh Courts 40
- Dolgushin A. E.** Law Applicable to the Procedure for Notifying
a Party of a Court Proceeding on the Territory of a Foreign State 50

LEGAL PROTECTION OF INTELLECTUAL ACTIVITY RESULTS

- Zalyalov D. A.** The Limits of Legal and Illegal Video Game Streaming 62

LABOR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY

- Afanasyev A. O.** Employees' Participation in Organization
Management in the EAEU Member States: Traditions and Innovations 71

BUSINESS AND CORPORATE LAW

- Erchak S. V.** Corporate Suits Brought by Corporate Members 86

CRIMINAL LAW

- Biryukov I. I.** Criminal Law Mechanisms
for Ensuring the Safety of the Older Adults 102

CRIMINAL PROCEDURE

- Bukharina N. P.** Retrospective of the Emergence and Development
of Departmental Procedural Control as an Element of the Mechanism
for Correcting Investigative Errors. Case Study of the Activities
of Revolutionary Tribunals in 1917–1922 116

ADVOCACY AND NOTARY

- Zubkov S. B.** On the 'Double Protection' Issue 130

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY. FORENSIC EXAMINATION

- Karpov S. Yu., Ponimaskin A. Ya.** Fire Experts
Certification: Trends, Issues, Proposals 144

Chistilina A. S. Genesis and Current State of the Forensic Prediction Theory 156

INTERNATIONAL LAW

Kagramanov A. K. The Unity and Struggle of Opposites in Concepts
of the Right of Nations to Self-Determination Developed by V. I. Lenin and V. Wilson 167

Gazina N. I. International Legal Approaches to the Issue
of Admissibility of the Use of Genomic Technologies in Medicine 177

Borodina E. A. Positive and Negative Obligations
for Human Rights Protection: Classification Issues 190

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.011-020

О. В. Брежнев*

Проблемы противодействия терроризму в решениях Конституционного Суда Российской Федерации

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы, касающиеся различных аспектов деятельности по противодействию терроризму в России. Данная деятельность предполагает применение комплекса политических, социально-экономических, информационно-пропагандистских, правовых, специальных и иных мер, возможность введения правового режима контртеррористической операции, а также обеспечение восстановления прав лиц, пострадавших в результате действий террористов. Показано содержание правовых позиций Конституционного Суда РФ, касающихся вопросов о формах и методах антитеррористической деятельности, в том числе о критериях оценки применяемых при этом правоограничений, их допустимости, соразмерности и пропорциональности. Особое внимание уделено конституционно значимым аспектам рассмотрения уголовных дел о терроризме, проблемам антитеррористической защищенности объектов транспортной и иной инфраструктуры, вопросам социальной защиты военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и иных лиц, осуществляющих противодействие терроризму. Раскрыта значимость сформулированных Конституционным Судом РФ правовых позиций, характер их воздействия на правотворческую и правоприменительную деятельность в исследуемой области.

Ключевые слова: конституционный контроль; орган; конституция; суд; регламентация; правосудие; права; ограничения; противодействие; правовой акт; терроризм.

Для цитирования: Брежнев О. В. Проблемы противодействия терроризму в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 11–20. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.011-020.

Благодарности. НИР в рамках государственного задания на 2024 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-20200033).

© Брежнев О. В., 2024

* *Брежнев Олег Викторович*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства Юго-Западного государственного университета, профессор кафедры административного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
50 лет Октября ул., д. 94, г. Курск, Россия, 305040
obrezhnev@yandex.ru

Problems of Countering Terrorism in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation

Oleg V. Brezhnev, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Procedures, Southwestern State University; Professor, Department of Administrative Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Kursk, Russian Federation
obrezhnev@yandex.ru

Abstract. The paper elucidates the problems related to various aspects of counter-terrorism activities in Russia. This activity involves the use of a set of political, socio-economic, information and propaganda, legal, special and other measures, the possibility of introducing a legal regime for a counter-terrorism operation, as well as ensuring the restoration of the rights of persons affected by the actions of terrorists. The author examines the content of the legal standing of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning the forms and methods of anti-terrorist activities, including the criteria for evaluating the legal restrictions applied in this case, their admissibility and proportionality. Special attention is paid to constitutionally significant aspects of the consideration of criminal cases on terrorism, problems of anti-terrorist protection of transport and other infrastructure facilities, issues of social protection of military personnel, law enforcement officers and other persons engaged in countering terrorism. The author explains the significance of the legal standings defined by the Constitutional Court of the Russian Federation, the nature of their impact on law-making and law enforcement activities in the area under consideration.

Keywords: constitutional review; body; constitution; court; regulation; justice; rights; restrictions; counteraction; legal act; terrorism.

Cite as: Brezhnev OV. Problems of Countering Terrorism in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):11-20. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.011-020.

Acknowledgments. Research within the framework of the state task for the year 2024 «Transformation of private and public law in conditions of evolving personality, society and the State» (No. 0851-20200033).

Терроризм, представляющий собой идеологию и практику использования направленных на устрашение населения и имеющих противоправный характер мер насилия с целью воздействия на принятие решений органами публичной власти, международными организациями, является одной из глобальных проблем XXI в. Каждое из современных государств разрабатывает и применяет систему способов противодействия терроризму¹. Именно комплексный характер использования политических, социально-экономических, информационно-пропагандистских, правовых, специальных и иных мер

позволяет наиболее эффективно противостоять этому опасному социальному явлению.

В России действует федеральное законодательство, регламентирующее осуществление государством политики, направленной на противодействие терроризму². Оно включает в себя Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»³, указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁴, Концепцию противодействия терроризму в РФ, утвержденную Президентом РФ 5 октября 2009 г., регулярно принимаемый на определен-

¹ См.: Бастрыкин А. И. Современные способы противодействия терроризму и экстремизму // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6 (127). С. 167–170.

² См.: Мешев И. Х. Правовая политика государства в сфере противодействия терроризму // Образование и право. 2021. № 6. С. 324–329.

³ СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

⁴ СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

ный период Комплексный план противодействия идеологии терроризма в РФ и другие акты.

Следует отметить, что федеральное законодательство о противодействии терроризму предполагает возможность введения особого правового режима контртеррористической операции (ст. 11 Федерального закона «О противодействии терроризму»), в условиях которого допускается применение правоограничительных мер, в том числе связанных с принудительным воздействием на лиц, не исполняющих требования соответствующего режима. Кроме того, предусмотрены различные меры юридической ответственности как непосредственно за совершение террористических актов (ст. 205 УК РФ), так и за содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), публичные призывы к ее осуществлению (ст. 205.2 УК РФ), нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) (ст. 217.3 УК РФ, ст. 20.35 КоАП РФ) и др.

Практика применения мер по противодействию терроризму актуализирует как вопрос о том, насколько эти меры эффективны и способствуют решению задач в рассматриваемой области, так и проблему соразмерности, пропорциональности содержащихся в них ограничений целям защиты конституционно значимых ценностей, в том числе основ конституционного строя⁵. Данные аспекты антитеррористических норм, а также особенности их применения неоднократно становились предметом рассмотрения КС РФ в делах, связанных с конституционным нормоконтролем. При этом КС РФ формулировал правовые позиции, основанные на конституционно-правовой интерпретации федерального законодательства.

Прежде всего отметим те из них, которые касаются *форм и методов осуществления антитеррористической деятельности*.

Статья 16 Федерального закона «О противодействии терроризму» допускает в целях сохранения жизни и здоровья людей проведение переговоров с террористами, но при этом

не могут рассматриваться выдвигаемые ими политические требования. Аналогичная норма содержалась и в ранее действовавшем Федеральном законе от 25.07.1998 № 130-ФЗ «О противодействии терроризму»⁶ (п. 2 ст. 14).

КС РФ дал оценку этой норме в определении от 19.02.2009 № 137-О-О, принятом в связи с коллективной жалобой группы граждан, признанных потерпевшими в результате террористического акта в г. Беслане 1–3 сентября 2004 г. По мнению заявителей, в ситуации, когда террористами никаких иных, кроме политических, требований не заявляется, данная ограничительная норма вступает в противоречие с ч. 1 ст. 20 Конституции РФ, гарантирующей право на жизнь, ибо она, по сути, исключает проведение переговоров для спасения жизни заложников.

КС РФ отметил, что терроризм представляет собой опасность для конституционного строя государства. Международно-правовые акты ориентируют все государства на бескомпромиссную борьбу с этим явлением, на недопустимость выполнения любых политических требований террористов, рекомендуют применение комплекса профилактических мер, способствующих отказу от террористической деятельности.

По своей сути терроризм — это политический акт, целью которого является запугивание населения, нарушение общественной безопасности, оказание воздействия именно на политическую сферу, направленного на изменение конституционных принципов организации государства и общества. Таким образом, оспариваемое заявителями положение является именно гарантией данных конституционных ценностей, исключая не только удовлетворение политических требований террористов, но даже ведение об этом переговоров с ними. Кроме того, запрет на рассмотрение политических требований террористов играет и важную превентивную роль: он является мерой предупреждения террористических актов, делая достижение их политических целей невозможным, а сам акт терроризма по этой

⁵ См.: *Темираев А. В.* О состоянии и проблемах совершенствования конституционно-правового регулирования противодействия терроризму в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 14. С. 13–17.

⁶ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3808.

причине — бессмысленным. Иной подход привел бы к существенному усилению агитационно-пропагандистского эффекта террористического акта и способствовал бы совершению подобных действий в дальнейшем, превращению их в некий механизм политического управления, что несовместимо с принципами демократического правового государства (ст. 1 Конституции РФ).

Предметом рассмотрения КС РФ являлась также ст. 14.1 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле»⁷ о том, что погребение лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено из-за смерти в результате пресечения террористического акта с их участием, осуществляется в особом порядке, установленном Правительством РФ, при этом тела данных лиц для захоронения не выдаются и о месте их погребения не сообщается даже родственникам (постановление от 28.06.2007 № 8-П⁸). В качестве заявителей выступали родственники лиц, погибших при нападении террористов на г. Нальчик 13–14 октября 2005 г. и принимавших, по мнению следствия, участие в этом террористическом акте.

КС РФ сформулировал правовую позицию о том, что конституционное положение об охране государством достоинства личности (ч. 1 ст. 21) предполагает создание такого правового режима, который гарантировал бы и достойное отношение к памяти человека, т.е. его личные права должны охраняться не только при жизни, но и после смерти, а государственные органы — воздерживаться от посягательств на них. Отсюда вытекает необходимость обеспечения для умершего человека таких обрядовых действий по погребению, которые соответствовали бы национальным и религиозным традициям с учетом волеизъявления и пожелания родственников.

Таким образом, норма об особом порядке захоронения лиц, участвовавших в совершении террористических актов, выступает как опре-

деленное ограничение конституционных прав на охрану достоинства личности и физическую неприкосновенность, а также свободы совести и убеждений (ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 22, ст. 28, ч. 1 и 3 ст. 29 Конституции РФ). Однако такое ограничение является соразмерным и оправданным: оно направлено на ослабление информационного и психологического воздействия, оказываемого террористическим актом, т.е. его агитационно-пропагандистского эффекта. Погребение лиц, принимавших участие в террористическом акте, в общем порядке могло бы способствовать пропаганде идей террора, оскорблять чувства родственников жертв теракта, нагнетать межнациональную и межконфессиональную рознь. Места захоронения террористов могли бы тогда превратиться в объект культового поклонения экстремистски настроенных граждан, использоваться для пропаганды идеологии террора и вовлечения в эту деятельность иных лиц. А это, в свою очередь, создавало бы угрозу общественному порядку и безопасности, правам и законным интересам граждан, т.е. конституционно значимым ценностям⁹.

Вместе с тем КС РФ указал, что родственникам лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено в связи со смертью в результате пресечения террористического акта, в котором они принимали участие, должно быть гарантировано право на обжалование в суд решения об отказе в выдаче тела соответствующего лица. Надлежащей правовой формой для подобного решения является постановление о прекращении уголовного дела в отношении данного лица в связи с его смертью, которое собственно и будет предметом судебного обжалования в этом случае.

В решениях КС РФ также затронут вопрос о составе суда при рассмотрении уголовных дел, связанных с террористической деятельностью (постановление от 19.04.2010 № 8-П¹⁰). Первоначально УПК РФ допускал их рассмотрение

⁷ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 146.

⁸ СЗ РФ. 2007. № 27. Ст. 3346.

⁹ См.: Пчелинцев С. В. Новое законодательство о противодействии терроризму и ограничения прав и свобод граждан // Журнал российского права. 2006. № 5 (113). С. 36–45.

¹⁰ СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2276.

судом с участием коллегии присяжных заседателей, однако позднее Федеральный закон от 30.12.2008 № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму»¹¹ изъял эти дела из подсудности суда с участием присяжных и установил, что они рассматриваются в первой инстанции коллегией из трех профессиональных судей.

Оценивая эту новацию, КС РФ отметил, что из Конституции РФ (ч. 2 ст. 47, ч. 4 ст. 123) не вытекает право каждого обвиняемого на рассмотрение его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Таким образом, определение перечня тех уголовных дел, рассмотрение которых допускается таким составом суда, составляет дискрецию федерального законодателя. Соответственно, изменение данного перечня не является ограничением права на судебную защиту. Единственный случай, когда Конституция РФ (ч. 2 ст. 20) прямо предусматривает право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей, — когда в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкое преступление против жизни может быть назначена смертная казнь. Однако с учетом того, что в РФ в течение длительного времени сложился конституционно-правовой режим неприменения смертной казни, данная оговорка утратила практический смысл.

Специфика террористических преступлений состоит в том, что они направлены на устрашение населения, нередко совершаются общепропагандным способом и предполагают придание данным действиям широкой огласки с тем, чтобы вызвать у людей страх за свою жизнь, здоровье, имущество. Поэтому присяжные заседатели по таким делам, как правило, имеют возможность получать информацию относительно их обстоятельств из многочисленных непроцессуальных источников. Такая информация (не всегда достоверная и проверенная) способна влиять на позицию присяжных. Исходя из это-

го, федеральный законодатель обязан принять меры по обеспечению независимости и беспристрастности суда при рассмотрении соответствующих уголовных дел. Одной из возможных мер, направленных на достижение этой цели, является изменение законодательных норм, определяющих состав суда, что не может рассматриваться как необоснованное решение.

Кроме того, следует учесть повышенную сложность и специфику преступлений террористической направленности, что предопределяет правомочие именно коллегии из профессиональных судей решать вопрос о виновности лиц, обвиняемых в совершении данных преступлений, на основе установленных фактических обстоятельств и оценки собранных доказательств.

Дополнительным свидетельством сложности квалификации данной группы преступлений является то, что *некоторые ее аспекты* неоднократно рассматривались КС РФ. В определении от 29.01.2015 № 153-О КС РФ указал, что составом преступления, предусмотренного частью 2 ст. 205 УК РФ («Террористический акт») не охватывается такой признак, как умышленное причинение смерти, что в случае наступления такого последствия требует квалификации деяния по совокупности ст. 205 и 105 («Убийство») УК РФ. В свою очередь, состав преступления, предусмотренного статьей 105 УК РФ, не охватывает специфических признаков террористического акта, таких как устрашение населения, дестабилизация деятельности органов власти как цели деяния¹² и др.

В определении от 25.09.2014 № 2055-О КС РФ рассматривал вопрос о том, насколько уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ) соотносится с конституционными свободами мысли, слова и совести (ст. 28, ч. 1, 3–5 ст. 29 Конституции РФ). КС РФ отметил, что соответствующая норма об уголовной ответственности установлена в порядке испол-

¹¹ СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 29.

¹² См.: *Каноква Л. Ю.* О некоторых проблемах совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации в отношении противодействия терроризму и экстремизму // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 5. С. 124–128.

нения международных обязательств РФ, вытекающих из Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма, утвержденной Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1994 49/60, и других международно-правовых актов, которые указывают на необходимость принятия государствами мер, направленных на пресечение публичных подстрекательств к совершению террористических действий.

Ввиду этого норма ст. 205.2 УК РФ призвана обеспечить защиту общественной безопасности и устанавливает ответственность только за такие призывы к террористической деятельности, которые осуществляются публично. Решая вопрос о публичности призывов, суды должны учитывать место, способ их распространения (в общественных местах, на публичных мероприятиях, в сети Интернет и т.д.). Поэтому соответствующий уголовно-правовой запрет не может рассматриваться как нарушающий конституционные права и свободы граждан.

Определенные правовые позиции КС РФ касаются *защиты прав пострадавших от террористических актов*¹³. В определении от 27.12.2005 № 523-О¹⁴, принятом в связи с жалобами заложников и родственников погибших в результате террористической акции 23–26 октября 2002 г. в Доме культуры 1-го ГПЗ (г. Москва), КС РФ рассматривал предусмотренный федеральным законодательством механизм возмещения имущественного и морального вреда, причиненного террористами. Суды общей юрисдикции толковали его неоднозначно: во многих случаях отказывали в удовлетворении требований к органам исполнительной власти РФ и субъектов РФ о возмещении морального вреда, ссылаясь на то, что такие требования могут быть адресованы только его причинителю, иногда отказывали также в возмещении органами власти вреда, причиненного смертью кормильца, и расходов на погребение.

КС РФ установил, что порядок возмещения вреда, причиненного пострадавшим от терро-

ристического акта, включает несколько составляющих:

1) компенсационные выплаты государства физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта (ч. 1 ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму»);

2) возмещение вреда в порядке уголовного судопроизводства;

3) возмещение вреда в исковом порядке в соответствии с нормами ГК РФ (ст. 1064 и др.).

Все элементы данного механизма не являются взаимоисключающими. Использование уголовно-процессуального и гражданско-процессуального порядка предполагает возмещение вреда за счет его причинителя в части, превышающей выплаченную государством компенсацию.

Механизм компенсационных выплат носит публично-правовой характер. Государство фактически берет на себя ответственность за действия третьих лиц. Тем самым оно гарантирует возмещение вреда пострадавшим с учетом того, что иным образом они часто не могут реализовать право на возмещение, т.к. причинителя вреда (террориста) либо нет в живых, либо у него нет средств, либо он не установлен. В некоторых случаях возмещение вреда в исковом порядке не исключено, но оно будет неизбежно носить отсроченный характер, а выплата лицам, попавшим в подобную жизненную ситуацию, должна осуществляться незамедлительно. Таким образом, выплачивая компенсации, как правило, в виде фиксированной суммы, как отметил КС РФ, «государство выступает не как причинитель вреда (что требовало бы полного возмещения причиненного вреда) и не как должник по деликтному обязательству, а как публичный орган, выражающий общие интересы, и как распорядитель бюджета, создаваемого и расходуемого в общих интересах».

Кроме того, не исключается оспаривание потерпевшими в порядке административного судопроизводства законности действий государ-

¹³ См.: Метельков А. Н. Противодействие терроризму: коллизии в правовой минимизации последствий // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 2. С. 23–30.

¹⁴ СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1326.

ственных органов и должностных лиц, направленных на пресечение террористической акции и устранение ее последствий. Так, потерпевшие в результате теракта в Доме культуры 1-го ГПЗ (г. Москва) в жалобе в КС РФ ссылались на необходимость возмещения вреда, связанного с организацией и проведением операции по освобождению заложников, предоставлением неполной или недостоверной информации о происходящем в месте совершения теракта, неправильной организацией эвакуации, не оказанием первой медицинской помощи и т.д. Признание конкретных действий незаконными открывает возможность компенсации причиненного ими имущественного и морального вреда с учетом ранее сформулированной КС РФ правовой позиции о том, что государство, по смыслу ст. 53 Конституции РФ, несет обязанность по возмещению вреда, связанного с его деятельностью в различных сферах, независимо от возложения такой ответственности на конкретные органы и должностных лиц (постановление КС РФ от 01.12.1997 № 18-П¹⁵).

КС РФ сформулированы ряд правовых позиций, касающихся необходимости *соблюдения требований по антитеррористической защищенности различных объектов и применения мер административной ответственности за их неисполнение*. Особенно это касается объектов транспортной инфраструктуры.

Статья 11.15.1 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение требований в области транспортной безопасности, в том числе связанных с антитеррористической защищенностью транспорта (отсутствие на транспортном объекте технических средств обеспечения безопасности, проведение досмотров не аттестованными в установленном порядке лицами, нарушения пропускного режима и др.)¹⁶. При этом часть 1 данной статьи предусматривает ответственность по неосторожности, а часть 3 —

за умышленное деяние. Разграничение этих составов в тех случаях, когда к административной ответственности привлекается транспортная организация, представляло собой определенную проблему для правоприменительной практики. Если ранее организация уже привлекалась за нарушение соответствующих требований по неосторожности и не выявлено обстоятельств, которые препятствовали бы принятию мер по обеспечению транспортной безопасности, суды общей юрисдикции считали возможным квалифицировать данное правонарушение, совершенное юридическим лицом, как умышленное.

КС РФ в постановлении от 14.04.2020 № 17-П¹⁷ дал конституционно-правовое истолкование соответствующим нормам КоАП РФ, отметив, что привлечение юридического лица к административной ответственности по ч. 3 ст. 11.15.1 КоАП РФ за умышленное неисполнение требований транспортной безопасности допустимо лишь в тех случаях, когда установлен и надлежащим образом мотивирован в постановлении по делу об административном правонарушении умышленный характер действий (бездействия) должностных лиц (сотрудников) организации, ответственных за транспортную безопасность. Во всех иных случаях, когда умысел в действиях данных лиц не усматривается, но при этом организацией не были приняты все зависящие от нее меры по исполнению соответствующих требований, транспортная организация может быть привлечена к административной ответственности только по неосторожности (ч. 1 ст. 11.15.1 КоАП РФ).

Данные правовые позиции КС РФ получили развитие в постановлении от 21.07.2021 № 39-П¹⁸ применительно к составу административного правонарушения, предусмотренному частью 1 ст. 11.15.2 КоАП РФ «Нарушение установленных в области обеспечения транспортной безопасности порядков и правил». Заявитель — транспортная организация — был привлечен

¹⁵ СЗ РФ. 1997. № 50. Ст. 5711.

¹⁶ См.: Канунникова Н. Г. К вопросу о реализации механизма административно-правового регулирования противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 36–38.

¹⁷ СЗ РФ. 2020. № 20. Ст. 3221.

¹⁸ СЗ РФ. 2021. № 31. Ст. 5988.

к административной ответственности за нарушение порядка разработки планов обеспечения безопасности транспортных средств. Он полагал, что только одновременное нарушение порядков проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и формирования планов обеспечения ее безопасности, с учетом бланкетного характера данной нормы, образует состав правонарушения, предусмотренного частью 1 ст. 11.15.2 КоАП РФ. Кроме того, по его мнению, не являются определенными нормы об исчислении срока давности привлечения к административной ответственности за это правонарушение и о форме вины.

КС РФ выявил конституционно-правовой смысл соответствующих норм КоАП РФ. Он указал, что ответственность по ч. 1 ст. 11.15.2 КоАП РФ возможна за нарушение *любого из предъявляемых указанными порядками требований*, повлекшее за собой по истечении установленных законом сроков неисполнение правил транспортной безопасности либо отказ в их утверждении. Это вытекает из предназначения этой нормы. Привлечение организации к административной ответственности за это правонарушение по неосторожности может иметь место в тех случаях, когда из обстоятельств дела не следует умышленный характер действий соответствующих работников организации, ответственных за транспортную безопасность, и при этом у юридического лица имелась возможность исполнения соответствующих порядков, но им не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению. Срок давности по данным делам должен исчисляться со дня истечения установленных законодательством об обеспечении транспортной безопасности сроков представления результатов проведенной оценки и (или) разработанных планов, а в случае отказа в их утверждении — со дня соответствующего отказа, принятого после истечения таких сроков.

Большое внимание в практике КС РФ было уделено различным аспектам *социальной защиты военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и иных лиц*, осуществ-

ляющих борьбу с терроризмом, в том числе получивших при этом ранение (увечье).

Федеральное законодательство устанавливает систему мер социальной поддержки для лиц, осуществляющих на профессиональной основе деятельность в антитеррористической сфере, включая пособия, иные выплаты. Очень непростым для правоприменительной практики оказался вопрос о том, как в определенных жизненных ситуациях сочетаются назначения различных выплат.

В постановлении от 29.03.2019 № 16-П¹⁹ КС РФ рассмотрел ситуацию гражданина, который, проходя службу во внутренних войсках МВД России, в ходе контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе получил тяжелое минно-взрывное ранение, в связи с чем ему была произведена единовременная выплата, предусмотренная частью 3 ст. 21 Федерального закона «О противодействии терроризму», в размере 300 тыс. руб. Впоследствии он заключил новый контракт о прохождении военной службы, который через три года был расторгнут в связи с признанием его не годным к военной службе по состоянию здоровья, обусловленному полученным ранением. Его заявление о выплате предусмотренного в случае расторжения контракта по этому основанию в соответствии с п. 1 ч. 12 ст. 3 Федерального закона от 07.11.2011 № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»²⁰ единовременного пособия в размере 2 млн руб. было оставлено без удовлетворения. Эту позицию поддержали военные суды, мотивируя тем, что из ч. 6 ст. 21 Федерального закона «О противодействии терроризму» (в действовавшей тогда редакции) вытекало, что единовременное пособие по одному основанию (в данном случае — в связи с получением ранения) может быть назначено только один раз и заявитель уже воспользовался этой возможностью.

КС РФ пришел к выводу о том, что с учетом конституционно-правового смысла данных норм выплата одного пособия не должна ис-

¹⁹ СЗ РФ. 2019. № 14 (ч. IV). Ст. 1649.

²⁰ СЗ РФ. 2011. № 45. Ст. 6336.

ключать выплату другого. Иное, вопреки цели формирования особых мер социальной защиты для лиц, участвующих в мероприятиях по противодействию терроризму, препятствовало бы надлежащему возмещению вреда военнослужащим, принимавшим участие в контртеррористической операции, и ставило бы их в худшее положение по сравнению даже с теми из них, кто не участвовал в подобной операции, что недопустимо, поскольку защита прав граждан в РФ как демократическом, правовом и социальном государстве должна осуществляться на началах справедливости и юридического равенства.

Впоследствии федеральный законодатель, исходя из правовых позиций КС РФ, изменил норму ч. 6 ст. 21 Федерального закона «О противодействии терроризму», расширив объем социальной помощи лицам, участвующим в борьбе с террористами (Федеральный закон от 18.03.2020 № 54-ФЗ «О внесении изменений в статью 21 Федерального закона “О противодействии терроризму”»²¹).

В постановлении от 15.11.2011 № 24-П²² КС РФ рассматривал проблему признания ветеранами боевых действий участников отрядов самообороны, образованных при вторжении международных террористов в Республику Дагестан в августе — сентябре 1999 г. Формирование данных отрядов по решению Государственного совета Дагестана следует рассматривать как участие этого субъекта Федерации в осуществлении полномочий по противодействию терроризму. Отряды самообороны были организованы из числа добровольцев с правом ношения огнестрельного оружия в конкретных населенных пунктах для охраны важных объектов, административных границ и обеспечения правопорядка, а их направление для выполнения задач непосредственно в зоне военных действий допускалось только по решению Совета безопасности Республики Дагестан. Данные подразделения совместно с органами внутренних дел принимали участие в блокиро-

вании и локализации отдельных территорий, на которых имели место вооруженные столкновения, в разоружении и ликвидации незаконных вооруженных формирований. Многие добровольцы, принимавшие участие в отрядах самообороны, проявили мужество и героизм, в связи с чем были удостоены государственных наград РФ, в том числе посмертно.

КС РФ установил, что участие в деятельности отрядов самообороны в Республике Дагестан следует рассматривать как форму исполнения гражданами РФ своего долга по защите Отечества (ч. 1 ст. 59 Конституции РФ). Хотя ст. 3 Федерального закона от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах»²³ на момент рассмотрения дела прямо не относил участников отрядов самообороны к ветеранам боевых действий, она не препятствовала федеральному законодателю установить специальное правовое регулирование, направленное на признание их заслуг перед Отечеством, включая дополнительные меры социальной поддержки. Федеральный закон от 02.08.2019 № 320-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3 и 4 Федерального закона “О ветеранах”»²⁴ отнес данную категорию лиц к числу ветеранов боевых действий.

В завершение следует отметить, что правовые позиции КС РФ в области противодействия терроризму имеют существенную значимость в целом ряде аспектов.

Во-первых, они способствуют совершенствованию федерального законодательства в рассматриваемой области, приведению его в соответствие с принятыми международными стандартами в этой сфере, устранению имеющихся пробелов.

Во-вторых, они выявляют конституционно-правовой смысл действующих норм, обеспечивая их правильное применение.

В-третьих, правовые позиции КС РФ воздействуют на правоприменительную, в том числе судебную, практику, способствуя полной и эффективной защите прав лиц, пострадавших

²¹ СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1646.

²² СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 7012.

²³ СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 168.

²⁴ СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4479.

от террористических актов, а также военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, иных лиц, осуществляющих деятельность в сфере противодействия терроризму.

В-четвертых, они способствуют развитию конституционной доктрины РФ в сфере обес-

печения общественной безопасности, которая предполагает обусловленность используемых государством в антитеррористической сфере средств исключительно целями защиты конституционно значимых ценностей, пропорционально и соразмерно им.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бастрыкин А. И.* Современные способы противодействия терроризму и экстремизму // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6 (127). — С. 167–170.
2. *Канокова Л. Ю.* О некоторых проблемах совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации в отношении противодействия терроризму и экстремизму // Пробелы в российском законодательстве. — 2022. — Т. 15. — № 5. — С. 124–128.
3. *Канунникова Н. Г.* К вопросу о реализации механизма административно-правового регулирования противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации // Административное право и процесс. — 2022. — № 7. — С. 36–38.
4. *Метельков А. Н.* Противодействие терроризму: коллизии в правовой минимизации последствий // Пробелы в российском законодательстве. — 2023. — Т. 16. — № 2. — С. 23–30.
5. *Мешев И. Х.* Правовая политика государства в сфере противодействия терроризму // Образование и право. — 2021. — № 6. — С. 324–329.
6. *Пчелинцев С. В.* Новое законодательство о противодействии терроризму и ограничения прав и свобод граждан // Журнал российского права. — 2006. — № 5 (113). — С. 36–45.
7. *Темираев А. В.* О состоянии и проблемах совершенствования конституционно-правового регулирования противодействия терроризму в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 14. — С. 13–17.

Материал поступил в редакцию 23 января 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Bastrykin A. I.* Sovremennye sposoby protivodeystviya terrorizmu i ekstremizmu // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2021. — T. 16. — № 6 (127). — S. 167–170.
2. *Kanokova L. Yu.* O nekotorykh problemakh sovershenstvovaniya ugovnogo zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii v otnoshenii protivodeystviya terrorizmu i ekstremizmu // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. — 2022. — T. 15. — № 5. — S. 124–128.
3. *Kanunnikova N. G.* K voprosu o realizatsii mekhanizma administrativno-pravovogo regulirovaniya protivodeystviya ekstremizmu i terrorizmu v Rossiyskoy Federatsii // Administrativnoe pravo i protsess. — 2022. — № 7. — S. 36–38.
4. *Metelkov A. N.* Protivodeystvie terrorizmu: kollizii v pravovoy minimizatsii posledstviy // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. — 2023. — T. 16. — № 2. — S. 23–30.
5. *Meshev I. Kh.* Pravovaya politika gosudarstva v sfere protivodeystviya terrorizmu // Obrazovanie i pravo. — 2021. — № 6. — S. 324–329.
6. *Pchelintsev S. V.* Novoe zakonodatelstvo o protivodeystvii terrorizmu i ogranicheniya prav i svobod grazhdan // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2006. — № 5 (113). — S. 36–45.
7. *Temiraev A. V.* O sostoyanii i problemakh sovershenstvovaniya konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya protivodeystviya terrorizmu v Rossiyskoy Federatsii // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2009. — № 14. — S. 13–17.

Нормативное содержание и практика применения принципа общего (совокупного) покрытия расходов в бюджетной системе Российской Федерации

Аннотация. В статье представлено комплексное исследование значения принципа общего (совокупного) покрытия расходов для становления бюджетной системы России, формирования бюджетного и налогового законодательства, реализации современной бюджетной политики и развития правоприменительной практики. Особое внимание уделяется не только научно-теоретическому осмыслению данного принципа, но и систематизации и исследованию различных введенных практик связи расходов бюджета с конкретными источниками доходов (прежде всего, обязательных публичных платежей) или финансирования дефицита бюджета. В статье приводятся различные законодательные предложения введения исключений из запрета увязывать расходы бюджета и определенные доходы бюджета, которые были отклонены из-за противоречия принципу общего (совокупного) покрытия расходов. Исследование позволило автору внести предложения, основываясь на конституционном принципе взаимного доверия государства и общества. Государство, вводя обязательный публичный платеж, уплата которого обусловлена предназначенностью для осуществления особых расходов публичной власти, должно создавать гарантированный целевой механизм финансирования таких расходов с помощью специальных механизмов аккумуляции бюджетных доходов.

Ключевые слова: принципы бюджетной системы Российской Федерации; принцип общего (совокупного) покрытия расходов; доходы бюджета; источники финансирования дефицита бюджета; публичный платеж; расходы бюджета; общие налоги; целевой налог; целевой фонд; дорожный фонд; курортный сбор; утилизационный сбор; экологические платежи; доверие к закону; доверие к действиям государства.

Для цитирования: Андреечев И. С. Нормативное содержание и практика применения принципа общего (совокупного) покрытия расходов в бюджетной системе Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 21–39. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.021-039.

© Андреечев И. С., 2024

* Андреечев Игорь Сергеевич, заместитель руководителя администрации — директор правового департамента администрации Губернатора Архангельской области и Правительства Архангельской области
Троицкий пр., д. 49, г. Архангельск, Россия, 163004
andreechev@dvinaland.ru

Normative Content and Practice of Application of the Principle of General (Aggregate) Cost Coverage in the Budget System of the Russian Federation

Igor S. Andreechev, Deputy Head of Administration — Director of the Legal Department, Administration of the Governor, Arkhangelsk Region; Government of the Arkhangelsk Region, Arkhangelsk, Russian Federation
andreechev@dvinaland.ru

Abstract. The paper presents a comprehensive study of the importance of the principle of general (aggregate) cost coverage for the formation of the Russian budget system, formation of budget and tax legislation, implementation of modern budget policy and development of law enforcement practice. Special attention is paid not only to the doctrinal and theoretical understanding of this principle, but also to the systematization and research of various introduced practices of linking budget expenditures with specific sources of revenues (primarily mandatory public payments) or financing budget deficits. The paper presents various legislative proposals for the introduction of exceptions to the prohibition of linking budget expenditures and certain budget revenues, which were rejected due to their contradiction to the principle of total (aggregate) cost coverage. The study allowed the author to make proposals based on the constitutional principle of mutual trust between the State and society. By introducing a mandatory public payment, the payment of which is conditioned by the purpose of carrying out special expenses of public authorities, the state must create a guaranteed target mechanism for financing such expenses using special mechanisms for accumulating budget revenues.

Keywords: principles of the budget system of the Russian Federation; principle of general (aggregate) cost coverage; budget revenues; sources of financing budget deficits; public payment; budget expenditures; general taxes; target tax; trust fund; road fund; resort fee; recycling fee; environmental payments; trust in the law; trust in government actions.

Cite as: Andreechev IS. Normative Content and Practice of Application of the Principle of General (Aggregate) Cost Coverage in the Budget System of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):21-39. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.021-039

З апрет на увязывание расходов бюджета с определенными доходами или поступлениями от источников финансирования его дефицита является одним из системообразующих принципов бюджетной системы Российской Федерации. Данный принцип получил наименование и нормативное закрепление как «принцип общего (совокупного) покрытия расходов».

Сущностное значение данного принципа связано с перераспределительной функцией публичных финансов, в рамках которой осуществляется материальное обеспечение задач и функций публичных образований. Как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях публичного управления все средства, поступающие в бюджеты, зачисляются на единый счет бюджета и расходуются на различные цели вне зависимости от направленности расходов.

Отсутствие связи расходов бюджета с конкретными источниками доходов или финансирования дефицита бюджета обеспечивает безусловное исполнение расходных обязательств соответствующего публичного образования. Исключительно в процессе ежегодного формирования бюджета публичного образования на соответствующий финансовый год и плановый период определяется объем бюджетных ассигнований на конкретные расходные обязательства соответствующего уровня публичной власти.

Н. А. Лунякова реализацию данного принципа связывает с обеспечением маневренности (мобильности) формирования бюджета, так как он позволяет на этапе планирования бюджета управлять доходами, направляя их на осуществление расходов, которые предусмотрены бюджетной политикой; при реализации принципа

доходы обезличиваются и не закрепляются за конкретными направлениями¹.

С другой стороны, данный принцип взаимосвязан с нецелевым или абстрактным характером налогов. В этом проявляется соотношение налогового и бюджетного права, на что справедливо обращает внимание И. Ф. Харисов². И. И. Кучеров признак нецелевого или абстрактного налогового взыскания увязывает с бюджетно-правовым принципом запрета на индивидуализацию (специализацию) бюджетных доходов³. Нецелевой характер налогов проявляется в их обезличенности⁴. Такой подход не отменяет существования так называемых целевых, специальных или маркированных налогов и сборов, которые имеют целевое назначение. В налоговом праве применяется классификация налогов по бюджетному назначению или в зависимости от характера использования; по этому критерию выделяют общие и целевые налоги⁵. Например, целевые налоги могут направляться в бюджетные фонды, созданные для определенных целей, и могут быть израсходованы только на специальное направление, для которого созданы. В отличие от них общие или абстрактные налоги не имеют целевой направленности, формируют в абстрактной массе доходную часть бюджета и направляются на любые цели⁶.

Нормативное закрепление общего (совокупного) покрытия расходов как принципа бюджет-

ной системы в БК РФ в юридической литературе справедливо соотносится с кардинальными изменениями финансирования публичных расходов⁷. Вступившая в силу с 01.01.2000 первоначальная редакция ст. 35 БК РФ принцип общего (совокупного) покрытия расходов раскрывала через два аспекта. Первый — все расходы бюджета должны покрываться общей суммой доходов бюджета и поступлений из источников финансирования его дефицита. При изложении ст. 35 БК РФ в новой редакции, действующей с 28 апреля 2007 г.⁸, это законоположение было исключено. Такое уточнение можно объяснить тем, что указанное нормативное содержание характерно для иных принципов бюджетной системы (например, сбалансированность бюджета).

Второй содержательный аспект данного принципа в первоначальной редакции ст. 35 БК РФ предусматривал, что доходы бюджета и поступления от источников финансирования его дефицита не могут быть увязаны с расходами. Законодательно установленные исключения составляли доходы целевых бюджетных фондов, а также случаи централизации средств из бюджетов других уровней бюджетной системы РФ. В действующей с 28.04.2007 редакции данной статьи указывается, что расходы бюджета не могут быть увязаны с определенными доходами бюджета и источниками финанси-

¹ *Луныкова Н. А.* Теоретические основы экономического содержания бюджетного фонда // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2023. № 3. С. 21–33.

² *Харисов И. Ф.* Налог как инструмент национальной рыночной экономики // Финансовое право. 2008. № 11. С. 26–29.

³ *Кучеров И. И.* Теория налогов и сборов (правовые аспекты) : монография. М. : ЮрИнфоР, 2009. С. 31–32.

⁴ *Налоговое право : учебник / под ред. И. А. Цинделиани.* 3-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2019.

⁵ См., например: *Финансовое право : учебник.* 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. С. В. Запольский. М. : Контракт, Волтерс Клувер, 2011 ; *Налоговое право России : учебник / отв. ред. Ю. А. Крохина.* 3-е изд., испр. и доп. М. : Норма, 2008. С. 49.

⁶ *Шарова М. А.* Налогообложение и налоговые льготы при предоставлении и получении образовательных услуг // Реформы и право. 2015. № 3. С. 33–46.

⁷ *Гинзбург Ю. В.* Эволюция транспортного налога: от фискальной к экологической функции // Финансовое право. 2013. № 11. С. 27–31.

⁸ Федеральный закон от 26.04.2007 № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 18. Ст. 2117.

вания дефицита бюджета. С учетом разъяснений Минфина России расходы бюджетов бюджетной системы РФ невозможно детализировать в разрезе средств, полученных от различных видов доходов бюджетов, установленных статьей 41 БК РФ⁹.

Закон (решение) о бюджете устанавливает исключения из рассматриваемого запрета, учитывая случаи, предусмотренные данной статьей БК РФ. Это, например, целевые субвенции и субсидии, целевые иностранные кредиты и бюджетные кредиты, средства самообложения граждан, инициативные платежи, а также отдельные виды неналоговых доходов, предлагаемые к введению (отражению в бюджете) начиная с очередного финансового года, и расходы бюджета, осуществляемые в случаях и в пределах поступления отдельных видов неналоговых доходов.

Введение ст. 35 БК РФ (наряду с иными его принципами и нормами) послужило основанием изменения бюджетной системы. В частности, отменены многочисленные бюджетные фонды как «отступление от принципа совокупного покрытия расходов бюджета»¹⁰. Статья 35 БК РФ стала основанием для комплексного изменения законодательства. Например, были пересмотрены Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» (статьи 20 и 21 предусматривали, что средства, полученные за счет платы за нормативные и сверхнормативные выбросы и сбросы вредных веществ, размещение отходов и другие виды вредного воздействия на окружающую природную среду, не могут расходоваться на цели, не связанные с природоохранительной деятельностью), Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» (согласно ст. 44 часть отчислений на воспроизводство минерально-сырьевой базы направляется в бюджеты субъектов РФ для це-

левого финансирования работ по воспроизводству минерально-сырьевой базы в соответствии с территориальными программами геологического изучения недр) и т.д.

Статья 35 БК РФ стала основой формирования соответствующей судебной практики для оценки разнообразных нормативных предписаний. Например, судом признаны недействующими:

— положение регионального закона, что 1 % от зачислений единого налога на вмененный доход для определенных видов деятельности для физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, направляется на поддержку деятельности территориальных органов Министерства РФ по налогам и сборам и Министерства внутренних дел РФ¹¹;

— положение о проведении взаимозачетов по целевому погашению задолженности получателей бюджетных средств из областного бюджета по оплате поставленной продукции (выполненных работ, услуг). Данным положением нарушен механизм уплаты налогов, предусматривающий поступление всех налогов в порядке взаиморасчетов на счет областного финансового управления; оно устанавливает целевое использование налогов от определенных налогоплательщиков, чем нарушается статья 35 БК РФ¹².

С теоретико-практической точки зрения интерес представляют связи расходов бюджета с конкретными источниками доходов (прежде всего, обязательных публичных платежей) или финансирования дефицита бюджета. Примерами таких практик в последние годы являются:

— введение с 2011 г. системы формирования дорожных фондов¹³ с постепенным расширением перечня целевых доходов, учитываемых в дорожных фондах (например, в дорожном фонде субъекта РФ с 01.01.2019 учитываются

⁹ Письмо Минфина России от 14.05.2013 № 02-04-12/16702 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ *Комягин Д. Л.* Система принципов бюджетного права: российское законодательство и научная доктрина // Реформы и право. 2012. № 4. С. 19–31.

¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 28.10.2002 № 1-Г02-93 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Определение Верховного Суда РФ от 19.12.2000 № 81-Г00-22 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Федеральный закон от 06.04.2011 № 68-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2041.

доходы от денежных взысканий (штрафов) за нарушение законодательства о безопасности дорожного движения¹⁴;

— введение с 1 сентября 2012 г. утилизационного сбора¹⁵;

— введение с 1 декабря 2017 г. в рамках проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры курортного сбора или платы за пользование курортной инфраструктурой (далее — курортный сбор)¹⁶ с последующим расширением территории реализации эксперимента;

— включение с 1 января 2019 г. в перечень доходов, подлежащих зачислению в бюджет Пенсионного фонда РФ (с 1 января 2023 г. — Фонда пенсионного и социального страхования РФ), конфискованных денежных средств, полученных в результате совершения коррупционных правонарушений, а также денежных средств от реализации конфискованного имущества, приобретенного в результате совершения коррупционных правонарушений¹⁷;

— введение с 1 сентября 2023 г. целевого назначения («окрашивание») экологических платежей в природоохранных целях¹⁸.

Анализ законодательской практики свидетельствует о большом количестве различных законодательных предложений по введению исключений из запрета увязывать расходы бюджета и определенные доходы бюджета. Например, отклонялись следующие законодательные предложения, в том числе в силу противоречия принципу общего (совокупного) покрытия расходов:

— покрытие расходов на охрану общественного порядка и содержание муниципальной милиции за счет установленных представительным органом муниципального образования специальных местных налогов и (или) сборов с граждан и юридических лиц¹⁹;

— средства, получаемые в виде платы за регистрацию прав на гражданские воздушные суда, используются исключительно на создание, поддержание и развитие системы государственной регистрации²⁰;

— формирование целевых бюджетных средств энергосбережения за счет средств от реализации энергосберегающих проектов и программ, а также за счет других источников²¹;

¹⁴ Федеральный закон от 04.06.2018 № 141-ФЗ «О внесении изменений в статью 179.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации в части формирования бюджетных ассигнований дорожных фондов» // СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3408.

¹⁵ Федеральный закон от 28.07.2012 № 128-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об отходах производства и потребления” и статью 51 Бюджетного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4317.

¹⁶ Федеральный закон от 29.07.2017 № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4763.

¹⁷ Федеральный закон от 03.10.2018 № 351-ФЗ «О внесении изменений в статьи 46 и 146 Бюджетного кодекса Российской Федерации в части расширения перечня доходов бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 41. Ст. 6191 ; Федеральный закон от 19.11.2021 № 375-ФЗ «О внесении изменений в статью 17 Федерального закона “Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2021. № 47. Ст. 7744.

¹⁸ Федеральный закон от 30.12.2021 № 446-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об охране окружающей среды” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 15.

¹⁹ Проект федерального закона № 385-7 «О муниципальной милиции в Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/385-7> (дата обращения: 08.09.2023).

²⁰ Проект федерального закона № 313907-3 «О государственной регистрации прав на гражданские воздушные суда и сделок с ними» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/313907-3> (дата обращения: 08.09.2023).

²¹ Проект федерального закона № 157652-3 «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об энергосбережении”» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/157652-3> (дата обращения: 08.09.2023).

— создание экологического фонда субъекта РФ за счет определенных доходов бюджетов субъектов РФ²²;

— исполнение органами государственной власти субъектов РФ полномочий в области водных отношений за счет денежных средств, поступивших в бюджетную систему РФ в счет уплаты водного налога²³;

— компенсация убытков, причиненных в результате процедур, направленных на введение государственной монополии на производство и оборот этилового спирта на территории Российской Федерации, в том числе возникших у лиц, чье имущество подлежит изъятию, за счет доходов федерального бюджета, полученных в результате деятельности по производству и обороту этилового спирта с момента окончания таких процедур²⁴;

— целевое расходование субъектами РФ средств, полученных от организаций в виде обязательной платы за невыполнение квоты для приема на работу инвалидов²⁵;

— введение гуманитарного сбора в размере 5 % от дохода, полученного рекламодателем за распространение рекламы в теле- и радиопрограммах, сети Интернет, печатных изданиях, рекламных конструкциях, в целях оказания помощи физическим лицам, оказавшимся

в трудной жизненной ситуации и нуждающимся в лечении²⁶;

— введение ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого и последующих детей в отношении граждан РФ — членов семьи, в которой воспитывается ребенок (дети), за счет средств Фонда национального сбережения²⁷;

— в рамках рассмотрения проекта федерального закона «О культуре в Российской Федерации» предлагалось устанавливать маркированные налоги в сфере культуры²⁸. В Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. отмечается, что существующий мировой опыт, в том числе иностранных государств с развитой системой поддержки культуры из внебюджетных и иных источников финансирования, свидетельствует, что многоканальная система финансирования может включать маркированные налоги²⁹.

При законодательном сохранении обезличенности налоговых поступлений в соответствующие бюджеты бюджетной системы изменение налогообложения увязывается с определенными целями расходования дополнительных доходов бюджета, а такие цели выступают в качестве обоснования предлагаемых изменений налогообложения, таких как введение с 01.01.2021 об-

²² Проект федерального закона № 565834-6 «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/565834-6> (дата обращения: 08.09.2023).

²³ Проект федерального закона № 184116-6 «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/184116-6> (дата обращения: 08.09.2023).

²⁴ Проект федерального закона № 273397-7 «О государственной монополии на производство и оборот этилового спирта» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/273397-7> (дата обращения: 08.09.2023).

²⁵ Проект федерального закона № 17453-3 «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации”» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/17453-3> (дата обращения: 08.09.2023).

²⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 979423-7 «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации (о введении гуманитарного сбора)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/979423-7> (дата обращения: 08.09.2023).

²⁷ Проект федерального закона № 42393-8 «О базовом доходе семей, имеющих детей» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/42393-8> (дата обращения: 08.09.2023).

²⁸ Проект федерального закона № 617570-5 «О культуре в Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/617570-5> (дата обращения: 08.09.2023).

²⁹ Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2016. № 11. Ст. 1552.

ложения доходов физических лиц, превышающих 5 млн руб. за налоговый период, по ставке 15, а не 13 %³⁰; введение с 01.07.2023 акцизов в отношении сахаросодержащих напитков³¹.

Предназначенность определенного дохода бюджета для финансирования за счет поступления от него определенных расходов бюджета является основанием перераспределения доходных источников между бюджетами разных уровней бюджетной системы. Например, перераспределение в пользу федерального бюджета доходов от штрафов, налагаемых на особо охраняемых природных территориях федерального значения, а также средств, уплачиваемых в целях возмещения вреда, причиненного на таких территориях окружающей среде³², осуществлялось в целях увеличения бюджетных ассигнований федерального бюджета на увеличение фонда оплаты труда государственных инспекторов в области охраны окружающей среды³³.

Административные штрафы, назначенные за нарушение правил дорожного движения, поступают в доходы региональных бюджетов по месту нахождения должностного лица федерального органа исполнительной власти (органа исполнительной власти субъекта РФ), принявшего решение о наложении административного штрафа или направившего дело об административном правонарушении на

рассмотрение судьей, и, соответственно, в настоящее время являются источником формирования дорожных фондов субъектов РФ. В этом законодательном механизме прослеживается законодательное исключение из основного принципа зачисления доходов от штрафов, установленных федеральными законами, согласно которому указанные доходы зачисляются в тот бюджет бюджетной системы, из которого осуществляется финансовое обеспечение деятельности органа, налагающего данный штраф. Основываясь на указанном законодательном решении, Минфин России и МВД России в совместных письмах предлагают субъектам РФ осуществлять за счет бюджетов субъектов РФ расходы, связанные с рассылкой материалов по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, зафиксированных в автоматическом режиме, а также возникающие при рассмотрении жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях и привлечении к административной ответственности лиц, уклоняющихся от уплаты административных штрафов за указанные нарушения³⁴. Еще до таких писем субъекты РФ формировали данные расходные обязательства³⁵, неисполнение которых влекло взыскание указанных расходов в судебном порядке с бюджета субъекта РФ³⁶.

³⁰ Федеральный закон от 23.11.2020 № 372-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части налогообложения доходов физических лиц, превышающих 5 миллионов рублей за налоговый период» // СЗ РФ. 2020. № 48. Ст. 7625.

³¹ Федеральный закон от 21.11.2022 № 443-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 части первой, часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 48. Ст. 8310.

³² Федеральный закон от 15.11.2019 № 62-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 16. Ст. 1825.

³³ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 499593-7 «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации (в части совершенствования администрирования доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации от штрафов, неустоек, пеней, а также средств, поступающих в целях возмещения вреда окружающей среде)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/499593-7> (дата обращения: 08.09.2023).

³⁴ Совместные обращения Минфина России и МВД России от 29.08.2022 № 1/9745 и от 29.08.2023 № 10-05-06/75228, 1/10182.

³⁵ См., например: постановления Правительства Республики Коми от 23.01.2019 № 20 «О финансировании расходов, связанных с рассылкой документов и материалов по делам об административных правонарушениях»; Совета министров Республики Крым от 23.03.2017 № 141 «О Порядке формирования и

Аналогичным образом решался вопрос размещения и установки за счет средств бюджетов субъектов РФ работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи для фиксации нарушений правил дорожного движения на автомобильных дорогах федерального значения. Такая возможность предусмотрена ранее действовавшим приказом Росавтодора³⁷ и реализовывалась в субъектах РФ³⁸.

С 1 сентября 2024 г. данный вопрос уже урегулирован законодательно и расходы, связанные с содержанием средств фиксации, будут финансироваться за счет бюджетов субъектов РФ, в которые поступают платежи в счет уплаты административных штрафов за совершение административных правонарушений, зафиксированных с помощью таких средств фиксации, независимо от формы собственности и значения дорог, на которых размещены средства фиксации³⁹. То же самое касается расходов, связанных с обработкой и рассылкой материалов по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, за-

фиксированных с помощью средств фиксации, а также почтовых расходов, возникающих в связи с рассмотрением жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях, зафиксированных с помощью средств фиксации, независимо от формы собственности и значения дорог, на которых размещены такие средства фиксации.

До принятия такого законодательного решения рассматривалась возможность предоставления органам власти субъектов РФ полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях⁴⁰. В соответствии со ст. 23.79 КоАП РФ и соглашением между МВД России и Правительством Москвы, утвержденным Распоряжением Правительства РФ от 21.09.2013 № 1706-р, Правительству Москвы переданы полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных частью 5 ст. 12.16 КоАП РФ (несоблюдение в Москве требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части дороги, запрещающими остановку или стоянку транспортных средств).

использования бюджетных ассигнований дорожного фонда Республики Крым и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета министров Республики Крым»; Правительства Пермского края от 25.11.2016 № 1070-п «Об установлении расходного обязательства Пермского края на обеспечение почтовых расходов, связанных с рассылкой материалов по делам об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶ См., например: постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 06.08.2021 № Ф01-3490/2021 по делу № А29-10124/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁷ Приказ Росавтодора от 14.12.2017 № 2903 «О порядке работы Федерального дорожного агентства и подведомственных ему федеральных казенных учреждений по предоставлению права на размещение оборудования третьих лиц на объектах автодорожной инфраструктуры и конструктивных элементах автомобильных дорог общего пользования федерального значения» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁸ См., например: распоряжение правительства Нижегородской области от 14.12.2018 № 1398-р // СПС «КонсультантПлюс».

³⁹ Федеральный закон от 29.05.2023 № 197-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 3 Федерального закона «О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 23 (ч. I). Ст. 4017.

⁴⁰ См.: проект федерального закона «О внесении изменения в статью 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен МВД России) // СПС «КонсультантПлюс»; проект федерального закона № 792112-6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с передачей части полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях в области дорожного движения органу исполнительной власти

Еще один вопрос практики реализации принципа общего (совокупного) покрытия расходов — это выпуск публичными образованиями облигаций для целевого финансирования конкретных расходов, например финансирования проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития. Минфин России разъясняет, что БК РФ не предусматривает осуществления «целевых» заимствований, т.е. заимствований в целях финансирования конкретных расходов бюджета; государственные и муниципальные заимствования осуществляются в целях финансирования дефицитов бюджетов, а также для погашения долговых обязательств и пополнения в течение финансового года остатков средств на счетах бюджета; иных целей заимствований БК РФ не предусмотрено⁴¹. Соответственно, на финансирование проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития может направляться объем средств, эквивалентный полученному от размещения облигаций с последующим подтверждением осуществленных бюджетных расходов.

Таким образом, несмотря на возникновение указанных практик, федеральный законодатель очень консервативно подходит к введению исключений из запрета, когда определенные доходы бюджета (поступления от источников финансирования его дефицита) предназначаются для финансирования конкретных расходов бюджета.

В Основных направлениях бюджетной политики на 2015 г. и на плановый период 2016 и 2017 гг.⁴² указывалось на применение только отдельных исключений, связанных с особенностями конкретных доходов (источников финан-

сирования бюджетов) и их использования; при этом масштабы применения таких исключений ограничены и не планируются к расширению. Несмотря на то что аналогичные положения не включались в последующем в ежегодно утверждаемые основные направления бюджетной политики, такой подход в целом применяется. Например, на стадии обсуждения Правительством РФ проекта федерального закона о целевом использовании экологических платежей (до его внесения в Государственную Думу Федерального Собрания РФ) Минфин России отрицательно относился к идее «окрашивания» экологических платежей, указывая на противоречие этой конструкции «бюджетной стабильности» и угрозу возникновения «конкуренции ведомств за контроль над бюджетными потоками»⁴³. Приведенная позиция непосредственно демонстрирует значение данного принципа для обеспечения стабильности бюджетной политики.

В юридической литературе также высказываются консервативные мнения по отношению к расширению практики введения целевых налогов, в том числе уже предусмотренных федеральным законодателем. Например, Н. И. Землянская высказывает мнение, что в плане налогово-правового регулирования негативно проявляется идея «прикрепления» к дорожным фондам доходных источников (прежде всего, транспортного налога, учитываемого в дорожном фонде субъектов РФ). Такая практика, по ее мнению, нарушает рассматриваемый принцип и создает благоприятные условия для использования транспортного налога в ущерб социальной ориентированности налогообложения⁴⁴.

столицы Российской Федерации города федерального значения Москвы» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/792112-6> (дата обращения: 08.09.2023).

⁴¹ Методические рекомендации для субъектов Российской Федерации по осуществлению заимствований на финансовых рынках (утв. Минфином России) // URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=134365-metodicheskie_rekomendatsii_dlya_subektov_rossiiskoi_federatsii_po_osushchestvleniyu_zaimstvovaniy_na_finansovykh_rynках (дата обращения: 08.09.2023).

⁴² Основные направления бюджетной политики на 2015 г. и на плановый период 2016 и 2017 гг. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴³ Наумова В. А. Перспективы применения нового порядка формирования источников финансирования ликвидации накопленного вреда окружающей среде // Экологическое право. 2022. № 4. С. 34–39.

⁴⁴ Землянская Н. И. Правовые проблемы использования транспортного налога в финансировании дорожной деятельности в России // Налоги. 2014. № 1. С. 22–25.

Приведенные практики прямой и косвенной взаимосвязи определенных расходов бюджета и конкретных доходов бюджета предлагаем оценить с учетом принципа общего (совокупного) покрытия расходов по ряду аспектов. В первую очередь их предлагается рассмотреть в зависимости от того:

- вводится ли новый целевой налог или иной публичный платеж в пользу бюджета;
- изменяется или корректируется действующее обложение с приданием целевого характера дополнительно поступающим доходам бюджета;
- вводится ли целевое назначение («окрашивание») уже действующих публичных платежей или других доходов бюджета.

К первой группе таких практик можно отнести введение утилизационного сбора, курортного сбора и акциза в отношении сахаросодержащих напитков. Введение утилизационного сбора, взимаемого с физических и юридических лиц при первичном выпуске в обращение новых и бывших в употреблении автомобилей, связано с тем, что доходы от него должны зачисляться в федеральный бюджет и служить основой последующего расходования средств на компенсацию затрат, возникающих в результате утилизации автотранспортных средств⁴⁵.

Целями эксперимента по взиманию курортного сбора являются сохранение, восстано-

вление и развитие курортов, формирование единого туристского пространства, создание благоприятных условий для устойчивого развития сферы туризма. Первый этап эксперимента охватывал период по 31 декабря 2022 г. и распространялся на Республику Крым, Алтайский, Краснодарский и Ставропольский края. При рассмотрении вопроса о продлении эксперимента указывалось, что за период с 1 мая 2018 г. по 2021 г. по результатам эксперимента собрано в Алтайском крае — 115,6 млн руб., в Краснодарском крае — 538,1 млн руб. и в Ставропольском крае — 904,4 млн руб.⁴⁶ Второй этап эксперимента продлится до 31 декабря 2024 г. и уже распространяется, помимо указанных регионов России, на г. Санкт-Петербург и федеральную территорию «Сириус»⁴⁷. Государственной Думой Федерального Собрания РФ рассматривался вопрос о распространении данного механизма на все субъекты РФ, которые будут самостоятельно на основе предложений муниципальных образований принимать решение о введении туристического сбора и определять его размер⁴⁸. Такой проект федерального закона был снят с рассмотрения, однако можно рассчитывать на принятие решения в связи с поручением Президента РФ о внесении в законодательство изменений, устанавливающих право органов государственной власти субъектов РФ на введение курорт-

⁴⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 61272-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об отходах производства и потребления” и статью 51 Бюджетного кодекса Российской Федерации» (в части обеспечения безопасной утилизации отдельных видов колесных транспортных средств) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/61272-6> (дата обращения: 08.09.2023).

⁴⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 99313-8 «О внесении изменения в статью 2 Федерального закона “О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае” (в части продления срока проведения эксперимента по взиманию курортного сбора)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/99313-8> (дата обращения: 08.09.2023).

⁴⁷ Федеральный закон от 05.12.2022 № 489-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае”» // СЗ РФ. 2022. № 50 (ч. III). Ст. 8783.

⁴⁸ Проект федерального закона № 202320-8 «О туристическом сборе и внесении изменения в Федеральный закон “Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации” (о введении туристического сбора)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/202320-8> (дата обращения: 08.09.2023).

ного сбора с учетом опыта реализации эксперимента⁴⁹.

Введение акцизов в отношении сахаросодержащих напитков мотивировалось необходимостью обеспечения дополнительных доходов федерального бюджета для выделения бюджетных ассигнований на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. на реализацию федерального проекта «Борьба с сахарным диабетом»; дополнительные доходы федерального бюджета от поступлений акцизов на сахаросодержащие напитки ожидалось в размере 35 млрд руб. в год⁵⁰.

Ко второй группе практик можно отнести обложение доходов физических лиц, превышающих 5 млн руб., которое обосновывалось созданием дополнительного источника финансовых средств на лечение детей с тяжелыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, в том числе редкими (орфанными). На этапе разработки законопроекта дополнительные доходы и, соответственно, расходы по государственной программе «Развитие здравоохранения» оценивались в размере 60 млрд руб. в 2021 г., 64 млрд руб. в 2022 г. и 68,5 млрд руб. в 2023 г.

К третьей группе можно отнести практики формирования дорожных фондов, введения дополнительных доходов Фонда пенсионного и социального страхования РФ и «окрашивание» экологических платежей. Формирование

дорожных фондов обосновывалось необходимостью обеспечения приоритетного и устойчивого финансирования развития и содержания автомобильных дорог общего пользования федерального и территориального значения⁵¹.

Конфискованные денежные средства, полученные в результате совершения коррупционных правонарушений и от реализации конфискованного имущества, приобретенного в результате совершения коррупционных правонарушений, должны направляться на выплату страховых пенсий; на момент разработки проектов федеральных законов объем таких денежных средств в 2019–2024 гг. прогнозировался в размере 1,8 млрд руб.⁵²

Изменения, предусматривающие направление некоторых экологических платежей на природоохранные цели, разработаны в соответствии с поручением Президента РФ⁵³, в соответствии с которым необходимо представить предложения по целевому использованию экологических платежей для осуществления мероприятий по ликвидации накопленного вреда окружающей среде (далее — НВОС), восстановлению от НВОС и особо охраняемых природных территорий. В частности, согласно Федеральному закону от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» денежные средства, поступающие от платы за негативное воздействие на окружающую среду (ст. 16.6), административных штрафов (ст. 75.1) и возмещения вреда,

⁴⁹ Абзац третий пп. «б» п. 1 перечня поручений Президента РФ по итогам совещания о развитии туризма в Северо-Кавказском федеральном округе (утв. 09.08.2023 № Пр-1580) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/72030> (дата обращения: 08.09.2023).

⁵⁰ Пояснительная записка и финансово-экономическое обоснование к проекту федерального закона № 201629-8 «О внесении изменений в статью 4 части первой, часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части отдельных вопросов налогообложения)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/201629-8> (дата обращения: 08.09.2023).

⁵¹ Проект федерального закона № 468534-5 «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/468534-5> (дата обращения: 08.09.2023).

⁵² Пояснительная записка к проекту федерального закона № 544566-7 «О внесении изменений в статьи 46 и 146 Бюджетного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/544566-7> (дата обращения: 08.09.2023).

⁵³ Подпункт «к» п. 2 перечня поручений Президента РФ по реализации Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 21.04.2021 (утв. Президентом РФ 21.04.2021 № Пр-753) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/65524> (дата обращения: 08.09.2023).

причиненного окружающей среде (ст. 78.2), носят целевой характер, не могут быть использованы на иные, чем природоохранные, цели и направляются исключительно на выявление, оценку и (или) организацию работ по ликвидации НВОС (в случае наличия объектов НВОС на территории муниципального образования или субъекта РФ), а также на иные природоохранные цели (в случае отсутствия объектов НВОС). В консолидированные бюджеты субъектов РФ в период с 2018 по 2020 г. поступило более 38,9 млрд руб. от платы за негативное воздействие на окружающую среду. За данный период в субъектах РФ реализовано 183 мероприятия, направленных на восстановление на-

рушенных земель и ликвидацию НВОС, 75 из которых реализовано путем софинансирования из средств федерального бюджета на общую сумму 17,7 млрд руб. Остальные мероприятия были реализованы за счет средств субъектов РФ на общую сумму 721 млн руб. Соответственно, из 38,9 млрд руб., поступивших в консолидированные бюджеты субъектов РФ в период с 2018 по 2020 г., на ликвидацию НВОС субъекты РФ израсходовали 721 млн руб. (менее 2 %).

Таким образом, в большинстве приведенных практик существует прямая взаимосвязь правовой природы дохода и соответствующей направленности расходов, производимых за счет данных доходов (см. таблицу).

Налог/сбор	Направленность расходов
Транспортный налог, денежные взыскания (штрафы) за нарушение законодательства о безопасности дорожного движения, зачисляемые в дорожные фонды	Финансирование дорожной деятельности
Утилизационный сбор	Финансирование утилизации автотранспортных средств
Курортный сбор	Финансирование курортной инфраструктуры
Экологические платежи	Природоохранные цели
Акцизы в отношении сахаросодержащих напитков	Реализация федерального проекта «Борьба с сахарным диабетом»

В этой связи особый интерес представляет правовая позиция Конституционного Суда РФ о том, что наименование целевого платежа имеет нормативное значение, предопределяя целевое назначение поступающих в бюджет средств⁵⁴.

Прямой существенной взаимосвязи нет применительно к целям использования доходов от конфискации средств, полученных в результате совершения коррупционных правонарушений, от реализации конфискованного имущества, приобретенного в результате совершения коррупционных правонарушений, и от обложе-

ния доходов физических лиц, превышающих 5 млн руб.

Еще один критерий оценки рассматриваемых практик — это нормативная закрепленность целей расходования соответствующих доходов бюджета. Законодательно закреплены цели использования доходов от курортного и утилизационного сборов. Доходы от курортного сбора предназначены для финансового обеспечения работ по проектированию, строительству, реконструкции, содержанию, благоустройству и ремонту объектов курортной инфраструк-

⁵⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2016 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона “Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, постановления Правительства РФ “О взимании платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн” и статьи 12.21.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2016. № 24. Ст. 3602.

туры, что предусмотрено Федеральным законом «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры».

Направления расходования утилизационного сбора предусмотрены пунктом 8 ст. 24.1 Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»⁵⁵ и Постановлением Правительства РФ о предоставлении субсидий из федерального бюджета организациям и предпринимателям на возмещение затрат на осуществление деятельности по обращению с отходами, образовавшимися в результате утраты колесными транспортными средствами и шасси, в отношении которых уплачен утилизационный сбор, потребительских свойств, в том числе части затрат, связанных с созданием мощностей и инфраструктуры для осуществления такой деятельности⁵⁶.

По мнению А. А. Копиной и Д. В. Копина, введение сборов вне налоговой системы (таких как утилизационный сбор и курортный сбор) обусловлено возможностью придания поступлениям от них целевого характера и увязывания с конкретными статьями расходов бюджета⁵⁷. Однако придание указанным публичным платежам

целевого характера не обязательно увязывается с их парафискальным характером. Минфином России разрабатывался проект федерального закона, которым утилизационный сбор (как и гостиничный сбор вместо курортного сбора) предлагалось включить в НК РФ; при этом предлагалось сохранить как ставки и коэффициенты в зависимости от вида и категории транспортного средства, так и компенсацию затрат, понесенных на утилизацию транспортных средств⁵⁸.

Цели направления дополнительных доходов федерального бюджета от поступлений акцизов на сахаросодержащие напитки на реализацию мероприятий по борьбе с сахарным диабетом законодательно не закреплены и предусматривались в пояснительной записке к проекту федерального закона.

Цели направления доходов от обложения доходов физических лиц, превышающих 5 млн руб., законодательно также не закреплены и указаны в поручении Президента РФ⁵⁹, пояснительной записке к проекту федерального закона⁶⁰ и информационных письмах Минфина России⁶¹. Дополнительные поступления федерального бюджета от повышения ставки НДС

⁵⁵ СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

⁵⁶ Постановление Правительства РФ от 20.06.2013 № 520 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета организациям и индивидуальным предпринимателям на возмещение затрат в связи с осуществлением ими деятельности по обращению с отходами, образовавшимися в результате утраты колесными транспортными средствами и шасси, в отношении которых уплачен утилизационный сбор, своих потребительских свойств, в том числе части этих затрат, связанных с созданием мощностей и инфраструктуры, которые необходимы для осуществления такой деятельности в рамках подпрограммы “Автомобильная промышленность” государственной программы Российской Федерации “Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности”» // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3342.

⁵⁷ Копина А. А., Копин Д. В. Сборы как источник целевого финансирования расходов бюджета субъекта и (или) муниципального образования // Финансовое право. 2017. № 4. С. 6–12.

⁵⁸ Проект федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (подготовлен Минфином России, ID проекта 02/04/10-18/00084496) // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=84496> (дата обращения: 08.09.2023).

⁵⁹ Абзац четвертый пп. «ж» п. 1 перечня поручений по итогам обращения Президента РФ к гражданам России (утв. Президентом РФ 08.07.2020 № Пр-1081) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/63625> (дата обращения: 08.09.2023).

⁶⁰ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1022669-7 «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части налогообложения доходов физических лиц, превышающих 5 миллионов рублей за налоговый период» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1022669-7> (дата обращения: 08.09.2023).

перечисляются в благотворительный фонд «Круг добра», созданный Указом Президента РФ⁶², а предоставление субсидий осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства РФ⁶³. При этом подчеркивается, что этот механизм организации и финансового обеспечения оказания медицинской помощи детям дополнительный и его создание не отменяет другие механизмы помощи⁶⁴.

Рассматриваемые практики можно оценить с точки зрения того, имеется ли гарантированный целевой механизм финансирования расходов за счет конкретных доходов. По существу, такой целевой механизм имеют только источники формирования дорожных фондов и курортный сбор. Они подлежат обособленному учету, направлены на достижение конкретных публичных функций и аккумулируются в отдельных фондах денежных средств.

Применительно к источникам формирования дорожных фондов в науке финансового права высказаны взаимоисключающие точки зрения. С одной стороны, сформировано мнение, что в связи с формированием в составе бюджетов бюджетной системы дорожных фондов налоговые платежи, поступающие в данные фонды, приобрели целевое назначение⁶⁵. С другой стороны, представлена и противоположная точка зрения о том, что конструкция дорожных фондов предполагает лишь закрепление

общей суммы этого фонда, а не привязку его к конкретным источникам доходов, соответственно, назвать «привязанные» к нему доходы целевыми нельзя⁶⁶. Однако с указанной точкой зрения нельзя согласиться, так как конструкция ст. 179.4 БК РФ содержит гарантированный целевой механизм финансирования расходов на дорожную деятельность:

— объем бюджетных ассигнований дорожного фонда утверждается в размере не менее прогнозируемого объема поступлений от установленных источников его формирования (п. 3–5 ст. 179.4 БК РФ);

— бюджетные ассигнования дорожного фонда, не использованные в текущем финансовом году, направляются на увеличение бюджетных ассигнований дорожного фонда в очередном финансовом году;

— объем бюджетных ассигнований дорожного фонда подлежит увеличению в текущем и (или) очередном году на положительную разницу между фактически поступившим и прогнозированным объемом доходов, учитываемых при формировании дорожного фонда.

Доходы бюджета субъекта РФ от уплаты курортного сбора поступают в фонд развития курортной инфраструктуры и подлежат использованию исключительно на финансовое обеспечение работ по проектированию, строительству, реконструкции, содержанию, благоустройству и

⁶¹ См., например: письма Минфина России от 26.05.2021 № 03-01-11/40395, от 22.12.2020 № 03-01-11/112642 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶² Указ Президента РФ от 05.01.2021 № 16 «О создании Фонда поддержки детей с тяжелыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, в том числе редкими (орфанными) заболеваниями, “Круг добра”» // СЗ РФ. 2021. № 2 (ч. I). Ст. 381.

⁶³ Постановление Правительства РФ от 23.12.2021 № 2409 «Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета Фонду поддержки детей с тяжелыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, в том числе редкими (орфанными) заболеваниями, “Круг добра”» // СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 121.

⁶⁴ Огурцова М. Л. Отдельные вопросы защиты прав детей с редкими (орфанными) заболеваниями на лекарственное обеспечение // Социальное и пенсионное право. 2023. № 1. С. 41–45.

⁶⁵ См.: Васянина Е. Л. Фискальное право / под ред. С. В. Запольского. М., 2013. С. 56; Бузова А. С. Особенности правовых конструкций «дорожных платежей»: фискальные сборы или парафискалитеты // Налоги. 2016. № 5. С. 7–10.

⁶⁶ Арбатская Ю. В., Васильева Н. В. Совершенствование финансового обеспечения дорожной деятельности в Российской Федерации: правовой аспект // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 6 (98). С. 139–145.

ремонту объектов курортной инфраструктуры на территории эксперимента.

Такая бюджетная практика не противоречит Конституции РФ. Конституционный Суд РФ в декабре 2004 г. сделал вывод о том, что «допускается принятие законодателем решений, направленных на аккумуляцию налоговых ресурсов в самостоятельных фондах, имеющих публично-целевое назначение»⁶⁷. Данный вывод обоснован взаимосвязанными положениями ч. 1 ст. 1, ст. 2, ч. 1 ст. 7 и ст. 57 Конституции РФ.

Иные приведенные нами практики взаимосвязи определенных расходов и конкретных доходов бюджета не предусматривают механизмов аккумуляции целевых денежных средств. Их правовая конструкция означает, что на финансирование иных конкретных целей может направляться объем средств, эквивалентный полученному от соответствующих доходов (утилизационный сбор, экологические платежи, акцизы в отношении сахаросодержащих напитков, обложение доходов физических лиц, превышающих 5 млн руб.), с последующим подтверждением осуществленных бюджетных расходов; объем конкретных бюджетных ассигнований утверждается ежегодно при формировании бюджетов и жестко не связан с объемом доходов от данных источников.

В применении данного подхода прослеживается приоритет фискальной политики и обеспечения стабильности бюджета, о которых мы

ранее писали. Несмотря на отсутствие единого мнения о составе и количестве выполняемых налогами функций, большинство ученых считают основной среди них фискальную. С помощью данной функции реализуется главное предназначение налогов — формирование и мобилизация финансовых ресурсов государства, а также аккумуляция в бюджете средств для выполнения общегосударственных или целевых государственных программ⁶⁸. В данном случае приведенные нами практики служат средством увеличения доходов бюджетов. Так, обложение доходов физических лиц, превышающих 5 млн руб., Е. С. Осипова связывает с «внутренними экономическими проблемами, которые обострились в период коронавирусной пандемии, и, соответственно, нехваткой налоговых ресурсов»⁶⁹. С другой стороны, введенное с 01.01.2021 обложение НДФЛ доходов по вкладам (остаткам на счетах) по новым правилам не увязывалось с какими-либо целевыми расходами бюджета⁷⁰.

Приоритет фискальной функции над стимулирующей и компенсационной подчеркивается при оценке рассматриваемых нами публичных платежей. Например, А. В. Реут подчеркивает приоритет для государства фискальной функции утилизационного сбора в силу того, что утилизационный сбор зачисляется в государственный централизованный фонд денежных средств — федеральный бюджет⁷¹. Данную точку зрения поддерживает А. А. Копина⁷². При этом

⁶⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2004 № 451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Палаты Представителей Законодательного Собрания Свердловской области о проверке конституционности пункта 1 статьи 374 Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.

⁶⁸ Клейменова М. О. Налоговое право : учеб. пособие. М. : Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013.

⁶⁹ Осипова Е. С. Механизм действия и социальная справедливость изменений по НДФЛ // Налоги. 2021. № 1. С. 20–25.

⁷⁰ Федеральный закон от 01.04.2020 № 102-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2032.

⁷¹ Реут А. В. Фискальная и регулирующие функции утилизационного сбора // Финансовое право. 2013. № 3. С. 17–20.

⁷² Копина А. А. Проблемы реализации компенсационной функции утилизационного сбора // Финансовое право. 2017. № 8. С. 10–14.

А. В. Реут и А. А. Копина акцентируют внимание на гораздо более позднем принятии порядка компенсации затрат специализированным организациям по сравнению с датой введения утилизационного сбора.

В. А. Наумова в отношении «окрашивания» экологических платежей говорит о необходимости применения по аналогии порядка использования бюджетных ассигнований дорожных фондов и, соответственно, внесения в БК РФ положений об учреждении специализированного фонда для аккумулирования природоохранных платежей⁷³.

М. Л. Огурцова отмечает нерешенность проблемы реализации прав детей с редкими (орфанными) заболеваниями на лекарственное обеспечение в связи с созданием благотворительного фонда «Круг добра» и введением обложения доходов физических лиц, превышающих 5 млн руб.⁷⁴ При этом поручение Президента РФ содержало указание на создание механизма учета и целевого использования средств, поступивших в виде суммы налога, исчисленной по налоговой ставке в размере, превышающем размер базовой налоговой ставки (13 %). Видимо, преобладающей при выработке законодательной конструкции стала вторая часть данного поручения, которая указывала на выработку механизма принятия совместно с благотворительными, иными некоммерческими организациями и представителями медицинского сообщества решений об использовании этих средств в целях финансового обеспечения оказания медицинской помощи (при необходимости за рубежом) детям с тяжелыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, в том числе редкими (орфанными) заболеваниями, включая приобретение дорогостоящих лекарственных препаратов, медицинских изделий, технических средств реабилитации.

По итогам исследования сделаны следующие выводы и предложения.

1. Принцип общего (совокупного) покрытия расходов имеет системообразующее значение для современной бюджетной системы Рос-

сии, является основанием для формирования бюджетной политики, бюджетного и налогового законодательства и правоприменительной практики.

2. Федеральный законодатель очень консервативно подходит к введению исключений из запрета, когда определенные доходы бюджета (поступления от источников финансирования его дефицита) предназначаются для финансирования конкретных расходов бюджета.

Даже при увязывании изменений налогообложения с определенными целями расходования дополнительных доходов бюджета сохраняется обезличенность налоговых поступлений в соответствующие бюджеты бюджетной системы (например, обложение доходов физических лиц, превышающих 5 млн руб., введение акцизов в отношении сахаросодержащих напитков).

Значительная часть бюджетных практик взаимосвязи определенных расходов бюджета и конкретных доходов бюджета не предусматривает механизмов для аккумулирования целевых денежных средств. Правовая конструкция использования данных публичных платежей заключается в том, что на финансирование конкретных целей может направляться объем средств, эквивалентный полученному от соответствующих доходов; объем конкретных бюджетных ассигнований утверждается ежегодно при формировании бюджетов и жестко не связан с объемом доходов от данных источников. В этом механизме прослеживается приоритет фискальной политики (фискальной функции налогов) и обеспечения бюджетной стабильности.

3. Оценивая указанные подходы, следует сделать вывод, что государство, вводя обязательный публичный платеж, изымая часть денежных средств граждан (организаций) и обуславливая его уплату предназначенностью для осуществления особых расходов публичной власти, должно создавать гарантированный целевой механизм финансирования таких расходов за счет конкретных доходов с помощью специальных механизмов аккумулирования бюджетных доходов. В данной ситуации

⁷³ Наумова В. А. Указ. соч. С. 34–39.

⁷⁴ Огурцова М. Л. Указ. соч.

может быть использована аналогия ранее рассмотренного нами порядка использования бюджетных ассигнований дорожных фондов. Такой механизм в полной мере соответствовал бы принципу взаимного доверия государства и общества, закрепленному в ст. 75.1 Конституции РФ, а также в многочисленных правовых позициях Конституционного Суда РФ⁷⁵. Реализация данного принципа направлена на поддержание доверия граждан к государству в целом, институтам публичной власти и законодательству⁷⁶. Именно в этом ключе Конституционным Судом РФ сформирована правовая позиция о том, что принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства предполагает его ответственность за качество принимаемых решений⁷⁷. В этом отношении нельзя не согласиться с мнением А. А. Артюха,

что «финансовые отношения государства и его граждан, которые обеспечивают экономически саму возможность его существования, — крайне чувствительная сфера, где законность и доверие к публичному субъекту играют важную роль»⁷⁸.

Реализация данного принципа свидетельствует о добросовестности государства, вводящего обязательные публичные платежи и увязывающего их уплату с определенными целями расходования бюджетных средств. С другой стороны, такой подход способствует формированию доверия к закону и к действиям государства, так как плательщик публичного платежа, разделяя социально значимые цели, на финансовое обеспечение которых направлен целевой публичный платеж, принимает участие в реализации данных целей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арбатская Ю. В., Васильева Н. В. Совершенствование финансового обеспечения дорожной деятельности в Российской Федерации: правовой аспект // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2014. — № 6 (98). — С. 139–145.
2. Артюх А. А. Ответственность государства за ущерб от неконституционных фискальных законов: время еще не пришло? // Налоговед. — 2016. — № 7. — С. 38–47.
3. Васянина Е. Л. Фискальное право / под ред. С. В. Запольского. — М., 2013. — 152 с.
4. Гинзбург Ю. В. Эволюция транспортного налога: от фискальной к экологической функции // Финансовое право. — 2013. — № 11. — С. 27–31.

⁷⁵ См., например: постановления Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 № 8-П, от 20.04.2010 № 9-П, от 27.03.2012 № 8-П, от 17.06.2013 № 13-П, от 25.06.2015 № 17-П, от 01.07.2015 № 18-П, от 19.04.2018 № 16-П, от 17.01.2019 № 4-П, от 28.02.2019 № 13-П, от 14.01.2020 № 2-П, от 15.04.2020 № 18-П, от 02.07.2020 № 32-П, от 12.03.2021 № 6-П, от 21.07.2021 № 39-П, от 23.09.2021 № 41-П, от 16.12.2021 № 53-П, от 16.06.2022 № 25-П, от 08.11.2022 № 47-П, от 17.11.2022 № 50-П, от 28.12.2022 № 59-П, от 23.03.2023 № 9-П, от 06.04.2023 № 15-П.

⁷⁶ Исследованию данного принципа посвящено значительное число публикаций. Следует отметить, в частности, следующие работы: *Нарутто С. В., Никитина А. В.* Конституционный принцип доверия в современном российском обществе // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 13–18; *Пилипенко А. А.* Принцип поддержания доверия к закону и действиям государства: налоговые аспекты // *Налоги.* 2020. № 1. С. 18–23.

⁷⁷ См., например: постановления Конституционного Суда РФ от 01.07.2015 № 18-П, от 27.03.2018 № 13-П и от 01.03.2022 № 9-П.

⁷⁸ *Артюх А. А.* Ответственность государства за ущерб от неконституционных фискальных законов: время еще не пришло? // *Налоговед.* 2016. № 7. С. 45.

5. *Дымберов А. Д.* Административно-правовые аспекты организации деятельности по использованию специальных технических средств автоматической фиксации правонарушений при надзоре за дорожным движением // *Административное право и процесс.* — 2018. — № 1. — С. 45–48.
6. *Землянская Н. И.* Правовые проблемы использования транспортного налога в финансировании дорожной деятельности в России // *Налоги.* — 2014. — № 1. — С. 22–25.
7. *Клейменова М. О.* *Налоговое право : учеб. пособие.* — М. : Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013.
8. *Комягин Д. Л.* Система принципов бюджетного права: российское законодательство и научная доктрина // *Реформы и право.* — 2012. — № 4. — С. 19–31.
9. *Копина А. А., Копин Д. В.* Сборы как источник целевого финансирования расходов бюджета субъекта и (или) муниципального образования // *Финансовое право.* — 2017. — № 4. — С. 6–12.
10. *Копина А. А.* Проблемы реализации компенсационной функции утилизационного сбора // *Финансовое право.* — 2017. — № 8. — С. 10–14.
11. *Кучеров И. И.* *Теория налогов и сборов (правовые аспекты) : монография.* — М. : ЮрИнфоР, 2009. — 473 с.
12. *Луныкова Н. А.* Теоретические основы экономического содержания бюджетного фонда // *Финансы и кредит.* — 2020. — Т. 26. — № 4 (796). — С. 916–930.
13. *Налоговое право России : учебник / отв. ред. Ю. А. Крохина.* — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Норма, 2008. — 463 с.
14. *Налоговое право : учебник / под ред. И. А. Цинделиани.* — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Проспект, 2019. — 704 с.
15. *Нарутто С. В., Никитина А. В.* Конституционный принцип доверия в современном российском обществе // *Конституционное и муниципальное право.* — 2022. — № 7. — С. 13–18.
16. *Наумова В. А.* Перспективы применения нового порядка формирования источников финансирования ликвидации накопленного вреда окружающей среде // *Экологическое право.* — 2022. — № 4. — С. 34–39.
17. *Огурцова М. Л.* Отдельные вопросы защиты прав детей с редкими (орфанными) заболеваниями на лекарственное обеспечение // *Социальное и пенсионное право.* — 2023. — № 1. — С. 41–45.
18. *Осипова Е. С.* Механизм действия и социальная справедливость изменений по НДС // *Налоги.* — 2021. — № 1. — С. 20–25.
19. *Пилипенко А. А.* Принцип поддержания доверия к закону и действиям государства: налоговые аспекты // *Налоги.* — 2020. — № 1. — С. 18–23.
20. *Реут А. В.* Фискальная и регулирующие функции утилизационного сбора // *Финансовое право.* — 2013. — № 3. — С. 17–20.
21. *Финансовое право : учебник.* — 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. С. В. Запольский. — М. : Контракт, Волтерс Клувер, 2011. — 760 с.
22. *Харисов И. Ф.* Налог как инструмент национальной рыночной экономики // *Финансовое право.* — 2008. — № 11. — С. 26–29.
23. *Шарова М. А.* Налогообложение и налоговые льготы при предоставлении и получении образовательных услуг // *Реформы и право.* — 2015. — № 3. — С. 33–46.

Материал поступил в редакцию 13 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arbatskaya Yu. V., Vasileva N. V. Sovershenstvovanie finansovogo obespecheniya dorozhnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii: pravovoy aspekt // Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii. — 2014. — № 6 (98). — S. 139–145.
2. Artyukh A. A. Otvetstvennost gosudarstva za ushcherb ot nekonstitutsionnykh fiskalnykh zakonov: vremya eshche ne prishlo? // Nalogoved. — 2016. — № 7. — S. 38–47.
3. Vasyanina E. L. Fiskalnoe pravo / pod red. S. V. Zapolskogo. — M., 2013. — 152 s.
4. Ginzburg Yu. V. Evolyutsiya transportnogo naloga: ot fiskalnoy k ekologicheskoy funktsii // Finansovoe pravo. — 2013. — № 11. — S. 27–31.
5. Dymberov A. D. Administrativno-pravovye aspekty organizatsii deyatel'nosti po ispolzovaniyu spetsialnykh tekhnicheskikh sredstv avtomaticheskoy fiksatsii pravonarusheniy pri nadzore za dorozhnym dvizheniem // Administrativnoe pravo i protsess. — 2018. — № 1. — S. 45–48.
6. Zemlyanskaya N. I. Pravovye problemy ispolzovaniya transportnogo naloga v finansirovaniy dorozhnoy deyatel'nosti v Rossii // Nalogi. — 2014. — № 1. — S. 22–25.
7. Kleymenova M. O. Nalogovoe pravo: ucheb. posobie. — M.: Moskovskiy finansovo-promyshlennyy universitet «Sinergiya», 2013.
8. Komyagin D. L. Sistema printsipov byudzhetnogo prava: rossiyskoe zakonodatel'stvo i nauchnaya doktrina // Reformy i pravo. — 2012. — № 4. — S. 19–31.
9. Kopina A. A., Kopin D. V. Sbory kak istochnik tselevogo finansirovaniya raskhodov byudzheta subekta i (ili) munitsipalnogo obrazovaniya // Finansovoe pravo. — 2017. — № 4. — S. 6–12.
10. Kopina A. A. Problemy realizatsii kompensatsionnoy funktsii utilizatsionnogo sbora // Finansovoe pravo. — 2017. — № 8. — S. 10–14.
11. Kucherov I. I. Teoriya nalogov i sborov (pravovye aspekty): monografiya. — M.: YurInfoR, 2009. — 473 s.
12. Lunyakova N. A. Teoreticheskie osnovy ekonomicheskogo soderzhaniya byudzhetnogo fonda // Finansy i kredit. — 2020. — T. 26. — № 4 (796). — S. 916–930.
13. Nalogovoe pravo Rossii: uchebnik / otv. red. Yu. A. Krokhina. — 3-e izd., ispr. i dop. — M.: Norma, 2008. — 463 s.
14. Nalogovoe pravo: uchebnik / pod red. I. A. Tsindeliani. — 3-e izd., ispr. i dop. — M.: Prospekt, 2019. — 704 s.
15. Narutto S. V., Nikitina A. V. Konstitutsionnyy printsip doveriya v sovremennom rossiyskom obshchestve // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 7. — S. 13–18.
16. Naumova V. A. Perspektivy primeneniya novogo poryadka formirovaniya istochnikov finansirovaniya likvidatsii nakoplennoy vreda okruzhayushchey srede // Ekologicheskoe pravo. — 2022. — № 4. — S. 34–39.
17. Ogurtsova M. L. Otdelnye voprosy zashchity prav detey s redkimi (orfannymi) zabolevaniyami na lekarstvennoe obespechenie // Sotsialnoe i pensionnoe pravo. — 2023. — № 1. — S. 41–45.
18. Osipova E. S. Mekhanizm deystviya i sotsialnaya spravedlivost izmeneniy po NDFL // Nalogi. — 2021. — № 1. — S. 20–25.
19. Pilipenko A. A. Printsip podderzhaniya doveriya k zakonu i deystviyam gosudarstva: nalogovye aspekty // Nalogi. — 2020. — № 1. — S. 18–23.
20. Reut A. V. Fiskalnaya i reguliruyushchaya funktsii utilizatsionnogo sbora // Finansovoe pravo. — 2013. — № 3. — S. 17–20.
21. Finansovoe pravo: uchebnik. — 2-e izd., ispr. i dop. / otv. red. S. V. Zapolskiy. — M.: Kontrakt, Volters Kluver, 2011. — 760 s.
22. Kharisov I. F. Nalog kak instrument natsionalnoy rynochnoy ekonomiki // Finansovoe pravo. — 2008. — № 11. — S. 26–29.
23. Sharova M. A. Nalogooblozhenie i nalogovye lgoty pri predostavlenii i poluchenii obrazovatelnykh uslug // Reformy i pravo. — 2015. — № 3. — S. 33–46.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.040-049

Д. Е. Зайков*

Применение института частных определений арбитражными судами

Аннотация. Частное определение как процессуальный институт, имеющий своей целью устранение выявленных нарушений законности в процессе осуществления правосудия и недопущение их повторения, хорошо известен гражданскому судопроизводству и активно применяется судами общей юрисдикции. Вместе с тем к частным определениям в арбитражном процессе, которые нашли законодательное закрепление еще в АПК РФ 1992 г., в юридическом сообществе всегда было неоднозначное отношение, обусловленное расхождением взглядов на их предназначение и правовую сущность, фрагментарным правовым регулированием, а также разнонаправленно развивающейся судебной практикой. Кроме того, на довольно продолжительный период времени институт частных определений был вообще исключен из арбитражного процесса, что негативно повлияло на его значимость и востребованность со стороны судебной системы. В настоящее время частные определения — важный процессуальный инструмент, используемый арбитражными судами как для укрепления законности, так и для предупреждения правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в том числе в целях сообщения органам дознания или предварительного следствия об обнаруженных при рассмотрении дел признаках преступления. Однако отличия правового регулирования частных определений в арбитражном процессе по сравнению с регулированием в гражданском или административном судопроизводстве, значительные особенности и существенно различающиеся подходы в практике их применения арбитражными судами представляют частные определения как противоречивый и коллизионный правовой институт, что приводит к снижению его эффективности и применимости в судебной деятельности.

Ключевые слова: частные определения; арбитражный суд; ответственность; обжалование; судебный штраф; признаки преступления; арбитражный процесс; граждане; прокурор; орган дознания.

Для цитирования: Зайков Д. Е. Применение института частных определений арбитражными судами // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 40–49. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.040-049.

© Зайков Д. Е., 2024

* Зайков Денис Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта Образцова ул., д. 9, стр. 9, г. Москва, Россия, 127994
joburist@yandex.ru

Application of the Institute of Private Rulings of Arbitrazh Courts

Denis E. Zaikov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure, Law Institute, Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation
joburist@yandex.ru

Abstract. A private ruling as a procedural institution aimed at eliminating identified violations of the rule of law in the course of justice and preventing their recurrence is well known to civil proceedings and is actively used by courts of general jurisdiction. At the same time, there has always been an ambiguous attitude in the legal community towards private rulings in the arbitrazh process, which found their legislative consolidation back in the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation in 1992, due to the divergence of views on their purpose and legal essence, fragmented legal regulation, as well as multidirectionally developing judicial practice. In addition, for a fairly long period of time, the institution of private rulings was generally excluded from the arbitrazh process, which negatively affected its importance and relevance on the part of the judicial system. Currently, private rulings form an important procedural tool used by arbitrazh courts both to strengthen the rule of law and to prevent offenses in the field of entrepreneurial and other economic activities also for the purpose of informing the bodies of inquiry or preliminary investigation about the signs of a crime discovered while dealing with the case. However, the differences in the legal regulation of private rulings in the arbitrazh process compared with regulation in civil or administrative proceedings, significant features and significantly different approaches in the practice of their application by arbitrazh courts represent private rulings as a contradictory and conflicting legal institution, which leads to a decrease in its effectiveness and applicability in the work of courts.

Keywords: private rulings; arbitrazh court; liability; appeal; judicial fine; signs of a crime; arbitrazh process; citizens; prosecutor; investigative authority.

Cite as: Zaikov DE. Application of the Institute of Private Rulings of Arbitrazh Courts. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):40-49. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.040-049

Важнейшей задачей судопроизводства в арбитражных судах в соответствии с п. 4 ст. 2 АПК РФ являются укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Данная задача выполняется как опосредованно в процессе разрешения арбитражными судами дел, так и путем реализации специальных процессуальных инструментов, одним из которых является институт частных определений.

Частные определения получили закрепление еще в ст. 112 АПК РФ 1992 г., в силу которой арбитражный суд, выявив при разрешении спора

нарушения законодательства в деятельности организации, государственного или иного органа, гражданина-предпринимателя или должностного лица, получал право вынести частное определение¹, подлежащее направлению указанным лицам, на которых возлагалась обязанность в месячный срок сообщить арбитражному суду о принятых мерах по устранению и недопущению в будущем таких нарушений².

Дальнейшее развитие институт частного определения получил в статье 141 АПК РФ 1995 г., скорректировавшей основания вынесения частного определения, расширившей перечень субъектов, в отношении которых оно

---

¹ В 1992 г. арбитражными судами вынесено 712 частных определений, в 1993 г. — 1 542 (Программа повышения эффективности деятельности арбитражных судов в Российской Федерации в 1997–2000 гг., утв. приказом Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.09.1997 № 14) // Вестник ВАС РФ. 1997. № 11.

² Прототипом данного положения явилась статья 225 ГПК РСФСР 1964 г., однако институт частного определения был известен еще ГПК РСФСР 1924 г.

могло быть вынесено, в частности, включив в него граждан³, а также предусмотревшей возможность его обжалования.

Частные определения, несмотря на неоднозначность оснований их вынесения⁴, а также дискрецию арбитражного суда по реализации ст. 141 АПК РФ 1995 г., постепенно находили всё более широкое применение⁵. Так, в 1998 г. арбитражными судами было вынесено 1 480 частных определений⁶, а в 2000 г. только Арбитражным судом Ростовской области — 132 частных определения⁷. При этом на институт частных определений возлагалась задача повышения профилактического эффекта от деятельности арбитражного суда⁸.

Впрочем, в 2002 г. поступательное развитие института частного определения прервалось: АПК РФ его не предусмотрел.

Что же явилось причинами такой позиции законодателя?

В юридической литературе назывались следующие.

Во-первых, вынесение частных определений не соответствовало основной функции арбитражных судов по осуществлению правосудия.

Во-вторых, выявление нарушений законодательства должно прежде всего выступать основанием для возбуждения процедуры по привлечению к установленной ответственности виновного лица.

В-третьих, частные определения так и не стали эффективным инструментом, направленным на предотвращение нарушений законодательства⁹.

Как представляется, основной причиной этого явилось намерение законодателя сконцентрировать внимание и деятельность арбитражных судов на функции по осуществлению правосудия, в том числе отказавшись от выполнения несвойственной для суда задачи по выявлению нарушений законности, вынесению соответствующих частных определений и контролю за их исполнением.

Вместе с тем лишение арбитражных судов права выносить частные определения в основном было воспринято в негативном ракурсе¹⁰. Восстановление института частных определений в АПК РФ поддерживал председатель Высшего Арбитражного Суда РФ А. А. Иванов¹¹, а на наличие данного недостатка АПК РФ было обращено

³ Данное решение с учетом субъектного состава участников арбитражного процесса, а также правовой природы и предназначения частного определения представляется спорным.

⁴ См., например: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.06.1996 № 595/96 // Вестник ВАС РФ. 1996. № 9.

⁵ См., например: *Матеров Н. В.* Частное определение арбитражного суда // Вестник ВАС РФ. 1999. № 7. С. 53–56.

⁶ *Шпенев А. А.* Арбитражные суды и предупреждение правонарушений в сфере экономики // Вестник ВАС РФ. 1999. № 5. С. 74.

⁷ *Федоренко Н. В., Семенова А. Г.* Анализ частных определений, вынесенных Арбитражным судом Ростовской области в 2000 г., на предмет соответствия их формы и содержания требованиям арбитражно-процессуального законодательства // Вестник ВАС РФ. 2001. № 8. С. 74.

⁸ См.: Программа повышения эффективности деятельности арбитражных судов в Российской Федерации в 1997–2000 гг.

⁹ См., например: *Маранц Ю. В.* Определение как судебный акт. Вопросы теории и правоприменения // Закон. 2007. № 11. С. 62.

¹⁰ См., например: *Казанцев П.* О необходимости возвращения института частного определения в АПК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 6. С. 17–20; *Тогузаева Е. Н., Зарубина М. Н.* О необходимости правовой пропаганды в гражданском процессе: теоретико-прикладной анализ // Вестник гражданского процесса. 2013. № 6. С. 33–42.

¹¹ Интернет-конференция председателя ВАС РФ А. А. Иванова «Итоги работы Высшего Арбитражного Суда РФ и перспективы развития арбитражного правосудия на ближайшее время», 14 апреля 2008 г. // URL: <https://www.garant.ru/interview/10084/> (дата обращения: 14.09.2023).

внимание и в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ¹².

Подтверждением востребованности частных определений в арбитражном процессе являлись, несмотря на отсутствие соответствующего правового регулирования, факты подачи ходатайств лицами, участвующими в деле, о вынесении таких судебных актов в отношении субъектов, нарушивших требования законодательства Российской Федерации¹³. При этом ссылки на необходимость применения в таких случаях по аналогии закона ст. 226 ГПК РФ во внимание не принимались¹⁴.

Восполняя отсутствующую в связи с принятием АПК РФ возможность вынесения частного определения и в целях частичной реализации возложенных на него функций, арбитражные суды, реагируя на выявленные в ходе рассмотрения дел нарушения законности, направляли в государственные органы соответствующую информацию¹⁵.

Изложенное обусловило постановку вопроса о возврате института частного определения в АПК РФ. Однако такое решение было обосновано крайне неоднозначным образом: частные

определения представлялись как эффективный механизм противодействия недобросовестному поведению (злоупотреблению своими процессуальными правами) лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса в ходе рассмотрения дел арбитражными судами. При этом акцентировалось внимание на том, что частные определения в гражданском судопроизводстве проявили себя в качестве достаточно эффективного процессуального института¹⁶.

Вместе с тем в процессуальном законодательстве институт частного определения имеет более широкое предназначение: это форма процессуальной реакции суда на выявленные нарушения законности. При этом АПК РФ уже содержал значительный инструментарий противодействия процессуальным злоупотреблениям¹⁷, скудности в содержании которого не имело. Да и вопрос о возможности применения частных определений для указанной цели никогда не имел однозначного ответа¹⁸.

Тем не менее АПК РФ был дополнен статьей 188.1 «Частные определения»¹⁹, в силу ч. 1 которой при выявлении в ходе рассмотрения

¹² Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ / вступ. слово П. В. Крашенинникова. М., 2015. С. 101.

¹³ См., например: постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.02.2014 № 15АП-10611/13 по делу № А53-14834/2011 (здесь и далее в статье, если не указано иное, судебная практика приводится по СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁴ См., например: постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.05.2012 № 14АП-2738/12 по делу № А05-761/2011.

¹⁵ См., например: Обобщение информации о деятельности Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа за 2006 г.

¹⁶ См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона № 638178-6 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ и в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/638178-6> (дата обращения: 14.09.2023).

¹⁷ Подробнее см.: Зайков Д. Е. Злоупотребление процессуальными правами в арбитражном и гражданском процессе // Законодательство. 2014. № 10. С. 48–53.

¹⁸ Так, непредставление представителем письменного отзыва на исковое заявление, его отказ от подписания определения об отложении рассмотрения дела не являются основаниями для вынесения частных определений. См.: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28.01.1997 № 3773/96 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1997. № 5.

О разграничении нарушений законности и злоупотреблений процессуальными правами см.: Юдин А. В. Разграничение злоупотреблений процессуальными правами в цивилистическом процессе со смежными правовыми явлениями // Закон. 2022. № 7. С. 30–38.

¹⁹ См.: Федеральный закон от 02.03.2016 № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 10. Ст. 1321.

дела случаев, требующих устранения нарушения законодательства Российской Федерации государственным органом, органом местного самоуправления, иным органом, организацией, наделенной федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностным лицом, адвокатом, субъектом профессиональной деятельности, арбитражный суд вправе вынести частное определение.

Данное положение, несмотря на единый в целом подход к рассматриваемому правовому институту в процессуальном законодательстве, имеет ряд существенных особенностей, опосредующих специфику частного определения в арбитражном процессе.

Во-первых, в отличие от части 1 ст. 226 ГПК РФ и части 1 ст. 200 КАС РФ, предусматривающих в качестве оснований вынесения частных определений нарушение законности, часть 1 ст. 188.1 АПК РФ в этом качестве устанавливает нарушения законодательства Российской Федерации, причем только те, которые требуют устранения²⁰. Безусловно, последняя из указанных норм представляется в более выгодном свете, так как исключает необходимость определения понятия «законность», содержание которого законодательству неизвестно.

Во-вторых, часть 1 ст. 188.1 АПК РФ ограничивает полномочия арбитражного суда выне-

сением частного определения только по нарушениям законодательства, выявленным в ходе рассмотрения дел. Напротив, аналогичная компетенция судов общей юрисдикции в рассматриваемой части не имеет таких рамок²¹.

В-третьих, частное определение может быть вынесено исключительно в отношении специальных субъектов, прямо поименованных в ч. 1 ст. 188.1 АПК РФ²². Среди них отсутствуют два вида участников арбитражного процесса: юридические лица²³ и физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели.

Очевидную причину этого в свое время озвучил председатель Высшего Арбитражного Суда РФ А. А. Иванов: «Частное определение в адрес гражданина или юридического лица, являющегося коммерческой организацией, выглядит довольно бессмысленно, поскольку оно ни на чем не основано и ни к какому позитивному изменению деятельности этих лиц, скорее всего, не приведет»²⁴. По отношению к гражданам это действительно так. Однако ГПК и КАС РФ прямо предусматривают организации в качестве лиц, в адрес которых выносятся частные определения, чем суды общей юрисдикции активно пользуются²⁵.

Вместе с тем в отдельных случаях, несмотря на указанное субъектное ограничение, арбитражные суды рассматривают вопросы о вынесении частного определения в отношении гражд-

²⁰ Данное уточнение может быть истолковано по-разному: и как длящиеся нарушения, и как нарушения, повлекшие негативные последствия, например нарушение прав и законных интересов субъектов экономических отношений, и как нарушения, имеющие неоднократный характер.

²¹ См. ч. 1 ст. 226 ГПК РФ, ч. 1 ст. 200 КАС РФ.

²² Расширительное толкование данного положения не допускается. См., например: постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 31.07.2023 № 08АП-6397/23 по делу № А75-18061/2022.

²³ Рассматриваемое положение содержит указание лишь на организации, наделенные федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями.

²⁴ Интернет-конференция председателя ВАС РФ А. А. Иванова...

²⁵ См., например: определения Судебной коллегии по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13.10.2022 по делу № 8Г-16825/2022[88-21826/2022] ; Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.02.2023 по делу № 8Г-2620/2023[88-6114/2023]. При этом, например, термин «организации и должностные лица» ч. 1 ст. 226 ГПК РФ судебная практика толкует расширительно, относя к ним и органы государственной власти, органы местного самоуправления, адвокатские образования. См., например: разд. XII Обзора судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.05.2015 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 7.

данина или организации, не принимая во внимание принципиальную недопустимость этого²⁶.

Часть 2 ст. 188.1 АПК РФ установила адресатов частных определений, на которых возлагается обязанность в месячный срок сообщить арбитражному суду о принятых мерах. Отличие субъектов, поименованных в ч. 2 ст. 188.1 АПК РФ, от указанных в ее ч. 1 обусловлено наличием компетенции первых по осуществлению контроля за вторыми, в том числе с правом по принятию дисциплинарных санкций. Впрочем, рассматриваемая норма права содержит стандартный недостаток института частных определений, превращающий его в неэффективный процессуальный инструмент. Обязанное лицо должно лишь сообщить арбитражному суду о мерах, которые были приняты им для устранения допущенных нарушений законодательства. При этом не имеет значения, будут ли такие меры действенными и достаточными либо формальными, будут ли они реализованы и будут ли в итоге устранены выявленные нарушения. Важен лишь сам факт сообщения о принятых мерах арбитражному суду, который не обладает ни правомочием оценки таких мер, ни правом последующего контроля за их исполнением.

Именно на эту проблему, в силу которой на лицо — адресата частного определения не возлагается обязанность по устранению выявленных в ходе рассмотрения дела нарушений законодательства, было обращено внимание при оценке соответствующего законопроекта²⁷. Однако классическая конструкция правового регулирования института частного определения осталась без изменения.

С учетом изложенного вызывает интерес пункт 9 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 07.07.2017 № 473 «О реализации прокурорами полномочий в арбитражном судопроизводстве»²⁸, согласно которому на прокуроров в арбитражном процессе возлагается обязанность осуществлять контроль исполнения частных определений лицами, в отношении которых они вынесены, обращая внимание на то, чтобы принятые ими меры не были формальными²⁹.

Как можно оценить данное положение?

С одной стороны, как попытку создать дополнительный механизм повышения эффективности института частных определений в арбитражном процессе, необходимость наличия которого диктуется особенностями правового регулирования и практики применения.

С другой стороны, как явное нарушение принципа разделения властей, в рамках которого на прокурора возлагаются обязанности, являющиеся исключительным правомочием арбитражного суда, а также нарушение принципа равенства сторон, при котором прокурору предоставляется право оценивать принятые лицом, участвующим в деле, на основании вынесенного частного определения меры. При этом не учтено ни то, что отсутствует порядок реализации прокурором указанных полномочий, ни то, что принятие решений о подлежащих выполнению мерах по устранению нарушений законодательства Российской Федерации, указанных в частном определении, находится в исключительной компетенции адресата такого определения.

С учетом данных обстоятельств целесообразно анализировать положение³⁰ из приказа

²⁶ См., например: постановления Шестого арбитражного апелляционного суда от 01.08.2016 № 06АП-3609/16 по делу № А04-339/2016 ; Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2022 № 21АП-2737/22 по делу № А83-1344/2022.

²⁷ Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ на проект федерального закона № 638178-6 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», внесенный Верховным Судом РФ (второе чтение) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/638178-6> (дата обращения: 14.09.2023).

²⁸ Законность. 2017. № 10.

²⁹ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» подобной нормы не содержит.

³⁰ Оно было внесено в приказ Генпрокуратуры России от 07.07.2017 № 473 только в 2021 г.

Генпрокуратуры России от 07.07.2017 № 473 исключить.

Стоит указать, что правовое регулирование института частного определения в АПК РФ изначально имело существенное отличие от такового в ГПК РФ и КАС РФ: оно не предусматривало еще одну функцию такого судебного акта — извещение уполномоченных органов об обнаружении признаков преступления при рассмотрении дела. Как представляется, это не было упущением, а являлось обдуманым решением законодателя, обусловленным спецификой экономических и арбитражных процессуальных отношений, для которых указанный вопрос не играл значимой роли, но мог привести к повышению нагрузки на судей арбитражных судов.

Тем не менее уже в 2018 г. был разработан проект федерального закона № 589321-7 «О внесении изменения в статью 188.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»³¹, предусматривающий наделение арбитражных судов полномочиями по вынесению частного определения в случае обнаружения при рассмотрении дела признаков преступления. В качестве обоснования необходимости его принятия было указано как обеспечение единообразной организации судопроизводства во всех видах судебных процессов, так и противодействие различным злоупотреблениям, в частности фальсификациям судебных доказательств в арбитражном процессе со стороны недобросовестных лиц, участвующих в рассмотрении дел. Еще одной причиной явилась особенность работы правоохранительных органов, которая сводится к демонстративному невмешательству в экономические споры между хозяйствующими субъектами (лицами, осуществляющими предпринимательскую и иную экономическую деятельность), а это означает, что до вступления решения арбитражного суда

в законную силу в возбуждении уголовных дел чаще всего отказывается (во многом по причине того, что с инициативой о возбуждении уголовного дела выступает участвующее в арбитражном процессе и заинтересованное в исходе дела лицо, а не арбитражный суд)³².

Итогом указанной работы явился Федеральный закон от 12.11.2019 № 374-ФЗ «О внесении изменения в статью 188.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»³³, согласно которому статья 188.1 АПК РФ была дополнена частью 4 следующего содержания:

«В случае, если при рассмотрении дела арбитражный суд обнаружит в действиях лиц, участвующих в деле, иных участников арбитражного процесса, должностных лиц или иных лиц признаки преступления, копия частного определения арбитражного суда направляется в органы дознания или предварительного следствия».

Несмотря на то что данное положение практически продублировало аналогичные нормы ГПК и КАС РФ, отдельные нюансы и особенности правоприменительной практики привели к его иному толкованию.

Сравнительный анализ ч. 1 и 4 ст. 188.1 АПК РФ показывает, что указанные нормы регламентируют разные виды частных определений.

Во-первых, основаниями для вынесения частного определения по ч. 1 ст. 188.1 АПК РФ выступает выявление случаев, требующих устранения нарушения законодательства Российской Федерации, а по ч. 4 — обнаружение признаков преступления³⁴.

Во-вторых, рассматриваемые нормы распространяются на различный круг лиц, что обусловлено спецификой уголовно-правовых отношений: субъектом преступления и уголовной ответственности может являться только физическое лицо. Однако это привело к про-

³¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/589321-7> (дата обращения: 14.09.2023).

³² См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона № 589321-7 «О внесении изменения в статью 188.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/589321-7> (дата обращения: 14.09.2023).

³³ СЗ РФ. 2019. № 46. Ст. 6420.

³⁴ См., например, постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 29.08.2022 № 01АП-3310/21 по делу № А43-33534/2019.

блеме, на которую было указано еще при рассмотрении соответствующего законопроекта: часть 4 ст. 188.1 АПК РФ не наделяет арбитражный суд правом выносить частные определения в отношении лиц, которые не упомянуты в ч. 1 ст. 188.1 АПК РФ³⁵. При этом практическая реализация ч. 4 ст. 188.1 АПК РФ заключается в том, что частное определение выносится не в отношении конкретного лица, а по поводу обнаружения признаков преступления. Данная позиция находит поддержку и среди арбитражных судов³⁶.

В-третьих, частные определения, выносимые соответственно на основании ч. 1 и 4 ст. 188.1 АПК РФ, подлежат направлению разным адресатам³⁷ (в последнем случае — специальным субъектам: в органы дознания или предварительного следствия) и в различном виде (часть 1 предусматривает направление определения, а часть 4 — его копии).

В-четвертых, на частное определение, вынесенное в соответствии с ч. 4 ст. 188.1 АПК РФ, не распространяются положения ее частей 2 и 3, что обусловлено особой правовой природой данного вида судебного акта и его исключительным предназначением — извещение уполномоченных органов об обнаружении признаков преступления, и частью 4 не предусматривается необходимость принятия каких-либо мер и сообщения о них арбитражному суду.

Частное определение, вынесенное на основании ч. 4 ст. 188.1 АПК РФ, также может быть обжаловано заинтересованными лицами³⁸. В качестве последних могут выступать лица, поименованные в указанной норме права, в действиях которых обнаружены признаки преступлений.

Стоит указать, что разработанным Верховным Судом РФ проектом федерального закона № 237135-8 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»³⁹ предлагается скорректировать ч. 4 ст. 188.1 АПК РФ, установив новый порядок уведомления правоохранительных органов об обнаружении признаков преступления: вместо направления им копии частного определения на арбитражный суд возлагается обязанность сообщить об этом таким органам. Иными словами, соответствующее положение АПК РФ приводят в соответствие с ч. 3 ст. 226 ГПК РФ и ч. 4 ст. 200 КАС РФ.

Вместе с тем непонятны замысел и целесообразность такого подхода. Указанные нормы в рассматриваемой части создают неопределенность при реализации судами общей юрисдикции: подлежит ли в случае обнаружения судом признаков преступления вынесению частного определение; направляется ли оно в соответствующие правоохранительные органы либо суд направляет указанным адресатам только сообщение об обнаружении признаков преступ-

³⁵ См.: Заключение Правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 31.10.2019 № 5.1-01/2783 по Федеральному закону «О внесении изменения в статью 188.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», принятому Государственной Думой 24.10.2019 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/589321-7> (дата обращения: 14.09.2023).

³⁶ Часть 4 ст. 188.1 АПК РФ устанавливает новый вид частного определения, который не может быть вынесен в отношении субъектов, перечисленных в ч. 1 ст. 188.1 АПК РФ (вопрос 31 Рекомендаций Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Северо-Западного округа по итогам заседания 2–5 июня 2020 г., проведенного с использованием систем видео-конференц-связи, утв. на заседании Президиума Арбитражного суда Северо-Западного округа 04.09.2020).

³⁷ Судебная практика предусматривает также возможность одновременного направления арбитражным судом в правоохранительные органы копий материалов дела. См., например, постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.07.2023 № Ф02-3188/23 по делу № А19-17406/2019.

³⁸ См., например: постановления Четвертого арбитражного апелляционного суда от 05.10.2022 № 04АП-3760/2022 по делу № А19-5312/2022; Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2022 № 09АП-55954/22 по делу № А40-89740/2017.

³⁹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237135-8> (дата обращения: 14.09.2023).

ления на основании вынесенного частного определения или без такового. Судебная практика в отсутствие единого подхода к решению указанной проблемы⁴⁰ развивается разнонаправленно, что приводит к снижению как применимости института частного определения, так и значимости предупредительной и воспитательной функций правосудия.

В отношении данного положения законопроекта было высказано замечание о необходимости уточнить форму такого сообщения и его содержание (по аналогии с тем, как это предусматривается для сообщения о преступлении в ст. 144 УПК РФ)⁴¹.

По нашему мнению, принятие предлагаемого изменения ч. 4 ст. 188.1 АПК РФ окажет негативное влияние на состояние института частного определения в арбитражном процессе, а также может послужить причиной отказа от вынесения частного определения в связи с обнаружением арбитражным судом признаков преступления, несмотря даже на необходимость как установления им обстоятельств, свидетельствующих о наличии признаков преступления, так и облечения этого в соответствующую процессуальную форму.

Кроме того, остается нерешенной проблема определения лиц, уполномоченных инициировать рассмотрение вопроса о вынесении арбитражным судом частного определения.

Судебная практика по указанному вопросу развивается разнонаправленно.

Значительная часть арбитражных судов не ограничивает лиц, участвующих в деле, в праве заявлять соответствующее ходатайство⁴².

Согласно позиции других арбитражных судов, право суда на вынесение частного определения не поставлено в зависимость от усмотрения участвующего в деле лица и реализуется судом самостоятельно⁴³. При этом встречаются и более жесткие подходы: лица, участвующие в деле, не вправе требовать вынесения частных определений и могут лишь обратить внимание суда на наличие обстоятельств, свидетельствующих о необходимости вынесения частного определения⁴⁴; лицо, участвующее в деле, не наделено правом на заявление ходатайства о вынесении частного определения, в связи с чем оно удовлетворению не подлежит⁴⁵.

Представляется, что разумные и обоснованные причины ограничения прав лиц, участвующих в деле, на подачу ходатайств о вынесении частного определения отсутствуют. В этом свете видится обоснованным пункт 9 приказа Генпрокуратуры России от 07.07.2017 № 473, которым на прокуроров при выявлении в ходе рассмотрения дела нарушений закона возложена обязанность ходатайствовать перед арбитражным судом о вынесении частного определения.

⁴⁰ См., например: апелляционные определения Нижегородского областного суда от 07.08.2018 по делу № 33-9331/2018 ; Московского областного суда от 27.06.2022 по делу № 33-242/2022 ; определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.08.2022 № 88-13420/2022.

⁴¹ См.: Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ на проект федерального закона № 237135-8 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», внесенный Верховным Судом РФ // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237135-8> (дата обращения: 14.09.2023).

⁴² См., например, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.07.2023 № Ф08-5277/23 по делу № А32-46592/2022.

⁴³ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.05.2023 № 12АП-2796/23 по делу № А12-22401/2020.

⁴⁴ См., например: постановления Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.12.2021 № 16АП-3844/21 по делу № А63-15163/2019 ; Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.07.2022 № Ф08-5454/22 по делу № А61-3030/2021.

⁴⁵ См., например: постановления Суда по интеллектуальным правам от 08.12.2016 № С01-1057/2016 по делу № А40-44602/2015 ; Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.03.2017 № 16АП-4249/13 по делу № А20-2391/2013.

Подводя итог проведенному исследованию, можно прийти к выводу о том, что институт частных определений в условиях неоднозначного правового регулирования и значительно различающейся судебной практики обладает низкой эффективностью и не способен в полной

мере выполнять возложенную на него функцию. Данная ситуация требует разрешения путем как совершенствования регламентации частного определения, так и установления Верховным Судом РФ единых подходов к его применению арбитражными судами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Зайков Д. Е. Злоупотребление процессуальными правами в арбитражном и гражданском процессе // Законодательство. — 2014. — № 10. — С. 48–53.
2. Казанцев П. О необходимости возвращения института частного определения в АПК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. — 2009. — № 6. — С. 17–20.
3. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ / Вступ. слово П. В. Крашенинникова. — М., 2015. — 224 с.
4. Маранц Ю. В. Определение как судебный акт. Вопросы теории и правоприменения // Закон. — 2007. — № 11. — С. 61–75.
5. Матеров Н. В. Частное определение арбитражного суда // Вестник ВАС РФ. — 1999. — № 7. — С. 53–56.
6. Тогузаева Е. Н., Зарубина М. Н. О необходимости правовой пропаганды в гражданском процессе: теоретико-прикладной анализ // Вестник гражданского процесса. — 2013. — № 6. — С. 29–45.
7. Федоренко Н. В., Семенова А. Г. Анализ частных определений, вынесенных Арбитражным судом Ростовской области в 2000 году, на предмет соответствия их формы и содержания требованиям арбитражно-процессуального законодательства // Вестник ВАС РФ. — 2001. — № 8. — С. 90–97.
8. Шпенев А. А. Арбитражные суды и предупреждение правонарушений в сфере экономики // Вестник ВАС РФ. — 1999. — № 5. — С. 73–77.
9. Юдин А. В. Разграничение злоупотреблений процессуальными правами в цивилистическом процессе со смежными правовыми явлениями // Закон. — 2022. — № 7. — С. 30–38.

Материал поступил в редакцию 17 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zaykov D. E. Zloupotreblenie protsessualnymi pravami v arbitrazhnom i grazhdanskom protsesse // Zakonodatelstvo. — 2014. — № 10. — S. 48–53.
2. Kazantsev P. O neobkhodimosti vozvrashcheniya instituta chastnogo opredeleniya v APK RF // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2009. — № 6. — S. 17–20.
3. Kontsepsiya edinogo Grazhdanskogo protsessualnogo kodeksa RF / Vstup. slovo P. V. Krasheninnikova. — M., 2015. — 224 s.
4. Marants Yu. V. Opredelenie kak sudebnyy akt. Voprosy teorii i pravoprimeniya // Zakon. — 2007. — № 11. — S. 61–75.
5. Materov N. V. Chastnoe opredelenie arbitrazhnogo suda // Vestnik VAS RF. — 1999. — № 7. — S. 53–56.
6. Toguzaeva E. N., Zarubina M. N. O neobkhodimosti pravovoy propagandy v grazhdanskom protsesse: teoretiko-prikladnoy analiz // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2013. — № 6. — S. 29–45.
7. Fedorenko N. V., Semenova A. G. Analiz chastnykh opredeleniy, vynesennykh Arbitrazhnym sudom Rostovskoy oblasti v 2000 godu, na predmet sootvetstviya ikh formy i sodержaniya trebovaniyam arbitrazhno-protsessualnogo zakonodatelstva // Vestnik VAS RF. — 2001. — № 8. — S. 90–97.
8. Shpenev A. A. Arbitrazhnye sudy i preduprezhdenie pravonarusheniy v sfere ekonomiki // Vestnik VAS RF. — 1999. — № 5. — S. 73–77.
9. Yudin A. V. Razgranichenie zloupotrebleniy protsessualnymi pravami v tsivilisticheskom protsesse so smezhnymi pravovymi yavleniyami // Zakon. — 2022. — № 7. — S. 30–38.

Право, применимое к порядку извещения стороны судебного разбирательства на территории иностранного государства

Аннотация. В статье исследуется проблема правовой неопределенности, возникающей при разрешении судами вопроса о праве, применимом к порядку извещения стороны судебного разбирательства на территории иностранного государства. Автор выделяет и рассматривает два процессуальных этапа, на которых суд обязан либо определить, в каком порядке извещать сторону, либо оценить соблюдение порядка извещения иным судом. На основе анализа доктрины и правоприменительной практики выделяются свойственные каждому процессуальному этапу проблемы регулирования. Автор приходит к выводу о том, что, независимо от процессуального этапа, неопределенность в вопросе о применимом праве отсутствует, если между государствами имеется международный договор. Его отсутствие вынуждает правоприменителей искать альтернативные подходы, которые на практике разнятся. На основе сравнительного анализа подходов, используемых в мире, автор предлагает доступные российскому регулятору способы преодоления указанных проблем применительно к каждому процессуальному этапу.

Ключевые слова: право; международный гражданский процесс; судебные извещения; признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений; международная правовая помощь; международное право; международное частное право; гражданский процесс; арбитражный процесс; актуальные проблемы.

Для цитирования: Долгушин А. Е. Право, применимое к порядку извещения стороны судебного разбирательства на территории иностранного государства // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 50–61. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.050-061.

Law Applicable to the Procedure for Notifying a Party of a Court Proceeding on the Territory of a Foreign State

Alexey E. Dolgushin, Postgraduate Student, Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM), Novosibirsk, Russian Federation
dolgushin_alexey@mail.ru

Abstract. The paper examines the problem of legal uncertainty that arises when courts resolve the issue of the law applicable to the procedure for notifying a party to a court proceeding on the territory of a foreign state. The author identifies and considers two procedural stages at which the court is obliged either to determine in what order to notify the party, or to assess compliance with the notification procedure by another court. Based on the analysis of doctrine and law enforcement practice, the author identifies regulatory problems inherent in each procedural stage. The author concludes that, regardless of the procedural stage, there is no uncertainty about

© Долгушин А. Е., 2024

* Долгушин Алексей Евгеньевич, аспирант Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ)
Каменская ул., д. 52, г. Новосибирск, Россия, 630099
dolgushin_alexey@mail.ru

the applicable law if there is an international agreement between the States. The lack of an agreement makes law enforcement agencies look for alternative approaches that vary in practice. Based on a comparative analysis of approaches used in international practice, the author suggests ways available to the Russian regulator to overcome these problems in relation to each procedural stage.

Keywords: law; international civil procedure; notice of process; certificate of service; recognition and enforcement of foreign judgments; international legal assistance; international law; private international law; civil procedure; arbitration process; current problems.

Cite as: Dolgushin AE. Law Applicable to the Procedure for Notifying a party of a Court Proceeding on the Territory of a Foreign State. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):50-61. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.050-061

Введение и актуальность

«In international civil procedure the devil is still in the nuts and bolts especially in the seemingly dry subject of transnational service of process. However, hidden among the technical jungle of service of process are principles of justice that stand to gain by international, uniform rules»¹, — так немецкий ученый Х. Шах метафорично описал значимость принципа правовой определенности и его актуальность в такой развивающейся отрасли, как международный гражданский процесс.

От того, насколько стабильно, устойчиво и единообразно регулирование в рамках правовой системы, зависит возможность субъектов правоотношений планировать риски и преимущества вступления в те или иные правоотношения, подчиненные праву этой правовой системы. Как ни важна роль правовой определенности в материальных правоотношениях, еще большее значение данный принцип приобретает в рамках процессуального права.

Объяснение такой первостепенной значимости лежит в природе процессуального права как системы норм, направленных на установление процедуры защиты нарушенных материальных прав. Процедурные аспекты могут кардинальным образом повлиять не только на эффективность, но и на саму возможность защиты материальных прав, в том числе привести к отказу в их защите исключительно по процессуальным основаниям (например, в случае отказа в при-

знании и приведении в исполнение арбитражных или иностранных судебных решений). Возложение на субъектов правоотношений риска получения отказа в защите права по процедурным основаниям, которые не могли быть предвидены на этапе вступления в правоотношения, по мнению автора, является чрезмерным бременем для субъектов правоотношений, которое в конечном итоге становится разумным мотивом отказа от выбора соответствующих форумов разрешения спора или от вступления в данные правоотношения в целом.

Изложенное, в свою очередь, является мотивом для регуляторов, заинтересованных в развитии хозяйственных и гражданских правоотношений, а также национальных форумов разрешения споров, исключать неопределенность в процессуальных вопросах. Основные сложности при реализации такой задачи возникают в регулировании процессуальных правоотношений, осложненных иностранным элементом.

В рамках российской правовой системы неопределенность, способная кардинальным образом повлиять на исход процедуры защиты права, как это описано выше, имеет место при разрешении вопроса о порядке судебного извещения. В статье предлагается анализ того, насколько общее правило о применении судами национального процессуального права (*lex fori*) справедливо в теории и эффективно на практике при разрешении вопроса о порядке извещения лиц, находящихся на территории иного государства.

¹ Schack H. Transnational Service of Process: A Call for Uniform and Mandatory Rules // *Uniforme law review — Revue de droit uniforme*. 2001. Vol. 4. No. 2. P. 827 et s.

1. Этап инициирования судебного разбирательства

Вопрос о том, в каком порядке извещать ответчика и привлеченных к делу лиц, впервые возникает в самом начале процесса — на этапе инициирования судебного разбирательства. На данном этапе применимое право определяет действия самого суда: какие действия, в какой последовательности и каким образом должен совершить суд, чтобы исполнить свою публичную обязанность по уведомлению лица о наличии у него определенного статуса (набора процессуальных прав и обязанностей) в рамках инициированного судебного разбирательства.

Любое действие суда как органа власти может быть подчинено только праву страны суда (*lex fori*). Не является исключением и порядок судебного извещения: суд должен уведомить лицо в порядке, установленном национальным процессуальным правом. Важно понимать, что в случае с Российской Федерацией в понятие «право страны суда» входит не только национальное процессуальное законодательство, но и международные договоры Российской Федерации, являющиеся частью ее правовой системы в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Правовое значение судебного извещения на данном этапе заключается в следующем. С одной стороны, соблюдение установленного национальным правом порядка извещения является необходимым условием для продолжения судебного разбирательства. Извещение выступает способом обеспечения принципа состязательности, без соблюдения которого судебное разбирательство не может быть продолжено, а ошибочно вынесенное в ходе такого разбирательства решение подлежит отмене. С другой стороны, предусмотренный национальным правом порядок судебного извещения иностранного лица должен обеспечивать трансграничную исполнимость решения. Игнорирование указанной задачи является предпосылкой для неопределенности, которая может повлечь фактический отказ в восстановлении нарушенного права в связи с невозможностью исполнения решения. Ответ на вопрос, насколько успешно

она решается российским регулятором, следует искать в процессуальных кодексах, формулировки которых разнятся в части порядка извещения лиц, находящихся за границей.

Часть 6 ст. 113 ГПК РФ:

«Предусмотренные настоящей статьей формы судебных извещений и вызовов применяются и по отношению к иностранным гражданам и иностранным юридическим лицам, если иной порядок не установлен международным договором Российской Федерации».

Часть 5 ст. 121 АПК РФ:

«Иностранные лица извещаются арбитражным судом по правилам, установленным в настоящей главе, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом или международным договором Российской Федерации».

Часть 3 ст. 253 АПК РФ:

«В случаях, если иностранные лица, участвующие в деле, рассматриваемом арбитражным судом в Российской Федерации, находятся или проживают вне пределов Российской Федерации, такие лица извещаются о судебном разбирательстве определением арбитражного суда путем направления поручения в учреждение юстиции или другой компетентный орган иностранного государства».

Следовательно, правила извещения в гражданском и в арбитражном процессах совпадают в части круга урегулированных ситуаций: 1) если у Российской Федерации имеется действующий международный договор, заключенный с государством места нахождения извещаемого лица, — такое лицо извещается способом согласно международному договору; 2) если действующий международный договор отсутствует, — лицо извещается способами, предусмотренными самими кодексами (при этом такие способы различаются в зависимости от кодекса).

Для оценки эффективности регулирования в контексте решения задачи по обеспечению трансграничной исполнимости решений и, как следствие, правовой определенности автор предлагает разобрать обе ситуации: когда международный договор имеется и когда отсутствует.

1.1. Порядок извещения при наличии международного договора

Значимость международного договора при определении порядка извещения за границей обусловлена правовой природой судебного извещения как акта суверенной власти (Hoheitsakt).

В германской доктрине одним из крупнейших исследователей вопроса границ судебной власти и международной правовой помощи при вручении судебных документов являлся Х. Шах, посвятивший этой теме как отдельные труды², так и разделы в комплексных исследованиях по международному гражданскому процессу³. Следует отметить, что именно в германской доктрине в качестве господствующего отстаивается тезис о недопустимости судебного извещения в отсутствие согласия соответствующего государства. Действия, нарушающие это правило, должны быть квалифицированы как международно-правовой деликт и не должны влечь правовые последствия⁴.

Несмотря на наличие альтернативных позиций относительно правовой природы судебных извещений⁵, именно квалификация действий суда в качестве публичных стала стимулом для создания системы международной правовой помощи по данному вопросу. На текущий момент порядок судебного извещения является

предметом как многосторонней Гаагской конвенции 1965 г.⁶, так и множества иных, в том числе двусторонних, соглашений.

Различие порядка в зависимости от государства места нахождения извещаемого лица обусловлено различием воли суверенов, закрепленной в соответствующем международном договоре с его участием. Например, Гаагская конвенция 1965 г. предусматривает как общее правило возможность направления уведомления напрямую участникам процесса, но допускает исключения из него — заявления (оговорки) отдельных государств, предусматривающие альтернативный порядок, например направление извещений через компетентные органы. Вступление государства в Конвенцию с оговоркой и есть пример особой воли суверена по порядку судебного извещения на его территории. При этом следует обратить внимание на следующую особенность правоприменения. Тот факт, что суд (например, суд Российской Федерации) учитывает волю иного государства, отраженную в международном договоре (например, заявление Швейцарии к Гаагской конвенции 1965 г.), не означает, что суд Российской Федерации применяет нормы швейцарского права. В описанном примере речь всё еще идет о применении права Российской Федерации (*lex fori*), поскольку Гаагская конвенция 1965 г. в полном

² Schack H. Einheitliche und zwingende Regeln der internationalen Zustellung // Festschrift für Reinhold Geimer. München, 2002. S. 931–946.

³ Schack H. Internationales Zivilverfahrensrecht: Juristische Kurz-Lehrbücher. 7. Aufl. München : Verlag C. H. Beck, 2017. S. 608.

⁴ Schmitz B. Fiktive Auslandszustellung // Schriften zum Internationalen Recht. Bd. 18. Berlin, 1980. Этот тезис поддержан и современными германскими учеными. См.: Fahrbach R., Schiener U. Praktische Rechtsfragen der internationalen Zustellung // IWRZ — Zeitschrift für Internationales Wirtschaftsrecht. 2017. Nr. 1. S. 16–22.

В отечественной науке аналогичной позиции придерживается В. В. Ярков. См.: Ярков В. В. Надлежащее извещение как одно из условий признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения // Актуальные проблемы международного частного права и международного гражданского процесса : Liber Amicorum в честь заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук Н. И. Марышевой. М. : Проспект, 2020. С. 418–427.

⁵ Magnarini G. A. Service of Process Abroad under the Hague Convention // Marquette Law Review. 1988. Vol. 71. Iss. 3. P. 649–702 ; Armstrong C. R. Permitting Service of Process by Mail on Japanese Defendants // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. 1991. Vol. 13. P. 551.

⁶ Конвенция о вручении за границей судебных или внесудебных документов по гражданским или торговым делам (заключена в г. Гааге 15.11.1965).

объеме является частью правовой системы Российской Федерации, в том числе с учетом всех оговорок иных участников Конвенции (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

Практическое преимущество международно-правового регулирования заключается в сохранении максимальной определенности для сторон. С одной стороны, сохраняется подчиненность действий суда *lex fori*, тем самым исключается риск последующей отмены решения в вышестоящих судах (в случае с Российской Федерацией — по безусловным основаниям п. 2 ч. 4 ст. 270 ГПК РФ, п. 2 ч. 4 ст. 288 АПК РФ). С другой стороны, соблюдается воля иностранного государства, и таким образом исключается риск отказа в признании и в приведении в исполнение решения суда на территории данного государства.

1.2. Порядок извещения

при отсутствии международного договора

В условиях отсутствия международного договора нет и вышеобозначенных преимуществ. Однако цель регулирования актуальность не теряет: оно должно обеспечить и законность процедуры с точки зрения национального права, и эффективность защиты прав, в том числе в контексте возможного исполнения решения за границей.

Как изложено выше, тексты российских процессуальных кодексов едва ли справляются с данной задачей. В обоих случаях законодатель предусмотрел некий собственный способ извещения: тот же, что и на территории Российской Федерации (ГПК РФ); через орган юстиции (АПК РФ). Однако применение выбранного российским законодателем способа извещения да-

леко не всегда способно обеспечить последующую исполнимость судебных актов, поскольку в данном случае не обеспечено соблюдение воли иностранного государства при извещении лица, находящегося на его территории.

Наглядно сказанное демонстрируется в практике судов общей юрисдикции, которым в силу ч. 6 ст. 113 ГПК РФ разрешено применять национальные правила извещения на территории иностранных государств. Так, встречаются случаи извещения лиц на территории иностранных государств с использованием телеграмм и телефонограмм⁷ (ч. 1 ст. 113 ГПК РФ) или, например, по месту нахождения представительств иностранных лиц⁸ (ч. 5 ст. 113 ГПК РФ). Трансграничная исполнимость подобных решений вызывает существенные сомнения, несмотря на соблюдение судами ч. 6 ст. 113 ГПК РФ и юридическую силу извещения в рамках национального права.

В попытке преодолеть несовершенство действующих законов автор предлагает разобрать каждый из доступных альтернативных вариантов правоприменения.

1. Установление иных форм волеизъявления иностранных государств.

Международный договор является наиболее очевидной, однако далеко не единственной, формой волеизъявления государства.

К иным менее очевидным формам относятся, например, принципы взаимности и международной вежливости. Взаимность предполагает конклюдентное согласие государств на обоюдную реализацию публичных функций на своих территориях. Достаточно широкое применение принцип взаимности получил в процедуре признания и приведения в исполнение

⁷ См.: апелляционные определения Московского областного суда от 26.01.2015 по делу № 33-1028/2015 ; Московского городского суда от 28.10.2016 по делу № 33-34899/2016 ; Белгородского областного суда от 11.11.2014 № 33-2315/2014.

⁸ См.: решение Дзержинского районного суда города Нижнего Тагила от 23.04.2019 по делу № 2-306/2019~М-121/2019 ; апелляционное определение Верховного суда Республики Хакасия от 05.04.2022 по делу № 33-817/2022.

Отметим, что в последнем случае Верховный суд Республики Хакасия применил ч. 5 ст. 113 ГПК РФ и известил иностранного ответчика по месту нахождения представительства, даже несмотря на наличие международного договора, что является нарушением ч. 6 ст. 113 ГПК РФ.

иностранных судебных решений⁹, однако до сих пор не приобрел широкого распространения в рамках вопроса судебных извещений за границей, что имеет под собой разумные обоснования.

Применительно к вопросу судебных извещений принцип взаимности предполагает установление государствами негласных критериев, при соблюдении которых суды обоих государств придают судебному извещению юридическую силу в рамках национального права. Применение принципа взаимности практически налагает на суд обязанность проанализировать практику соответствующего государства и установить наличие или отсутствие обозначенного конклюдентного согласия. Однако такая обязанность суда процессуальными кодексами не предусмотрена. По мнению автора, именно этим обусловлена невозможность широкой имплементации принципа взаимности в регулирование судебных извещений: при наличии установленного процессуальным законом способа извещения иностранного лица (ч. 6 ст. 113 ГПК РФ и ч. 3 ст. 253 АПК РФ) у российских судов нет оснований для поиска каких-либо иных способов.

В этом ключевое отличие от регулирования признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений, которое прямо обязывает российский суд установить наличие оснований для признания (международный договор или взаимность) еще до рассмотрения вопроса по существу (ч. 1 ст. 409 ГПК РФ и ч. 1 ст. 241 АПК РФ).

Принцип международной вежливости, в отличие от взаимности, не предполагает обоюдности. Он предполагает просьбу одного государства разрешить ему разово реализовать публичную функцию на территории другого государства.

Следует отметить, что в практике российских судов указанный принцип находит отражение и по вопросам судебных извещений¹⁰.

Попытка российского правоприменителя «доработать» текст процессуального закона и обязать суды в условиях отсутствия международного договора устанавливать волю иностранных государств, тем самым повысив трансграничную исполнимость решений российских судов, является прогрессивной. Вместе с тем очевидным недостатком принципов взаимности и международной вежливости является относительное непостоянство и необязательность.

Промежуточным этапом между «мягкими» принципами (взаимность и вежливость) и международно-правовыми обязательствами (международные договоры) мог бы стать обмен соответствующими разъяснениями по дипломатическим каналам. На практике такой способ используется Российской Федерацией при необходимости разъяснения вопросов о действии тех или иных международных соглашений¹¹. Теоретически, без учета политической составляющей, таковой механизм мог бы также стать инструментом оперативного повышения эффективности взаимодействия и по вопросам судебных извещений.

2. Бланкетная норма с отсылкой к способу извещения, предусмотренному иностранным процессуальным правом.

Еще одним способом установления волеизъявления могла бы стать бланкетная норма с отсылкой к способу извещения, предусмотренному иностранным процессуальным правом.

В мировой практике существуют примеры, когда национальное процессуальное законодательство допускает применение порядка судебного извещения, установленного правом

⁹ Костин А. А. Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в России. М. : Статут, 2020.

¹⁰ См.: п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 ; решение Суда по интеллектуальным правам от 31.07.2020 по делу № СИП-872/2019 ; определение Суда по интеллектуальным правам от 18.02.2023 по делу № СИП-19/2023.

¹¹ См., например: письмо МИД России от 03.06.2016 № 9538/дн «О прекращении действия Договора между СССР и ГДР о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 19 сентября 1979 с 3 октября 1990 г., о неприменении Договора между СССР и ГДР о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24 мая 1960 г. с 1 января 1993 г.».

иностранным государством. Такая оговорка содержится в п. 6.40 Правил гражданского судопроизводства Англии¹²: допустимо извещение лица не только в порядке, предусмотренном международным договором Великобритании, но и любым иным способом, разрешенным правом страны места нахождения извещаемого лица.

Как справедливо указывает А. А. Костин¹³, закрепление подобного правила в национальном процессуальном законе служит двум целям: с одной стороны, предоставляет суду возможность выбора наиболее эффективной и оперативной опции извещения; с другой — повышает исполнимость решений английских судов, т.е. исключает возможность последующего отказа в признании и в приведении в исполнение решения английского суда по причине ненадлежащего извещения.

Преимуществом такого способа также является формальная чистота: применение способа извещения, предусмотренного иностранным правом, не означает применение иностранного права: суд по-прежнему руководствуется *lex fori*, которая лишь определяет перечень доступных суду способов извещения.

Очевидным недостатком является ограниченность возможностей национального суда за пределами юрисдикции. Например, едва ли реализуемо личное вручение судебного извещения иностранного суда в соответствии с требованиями отдельных штатов США. Этот пример демонстрирует необходимость закрепления опциональности, когда такой способ извещения является не единственным. К слову, именно такая модель и реализована английским законодателем.

Таким образом, извещение на начальной стадии судебного разбирательства в любом случае осуществляется по праву страны суда (*lex fori*). Вместе с тем второй важнейшей задачей является обеспечение последующей исполнимости решения суда, в том числе за границей.

В контексте указанных задач российское процессуальное законодательство несовершенно и требует доработки. Одним из вариантов решения проблемы могло бы стать закрепление перечня доступных суду способов извещения иностранных лиц. Примером успешной реализации такого решения является процессуальное право Англии.

2. Этап признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений

Второй процессуальный этап, на котором вопрос соблюдения или несоблюдения порядка извещения стороны судебного разбирательства, находящейся на территории иностранного государства, способен исключить возможность защиты права по процессуальным основаниям, — это этап признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения. Так, в соответствии с российскими процессуальными кодексами в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений может быть отказано, если:

— «сторона, против которой принято решение была лишена возможности принять участие в процессе вследствие того, что ей не было своевременно и надлежащим образом вручено извещение о времени и месте рассмотрения дела» (п. 2 ч. 1 ст. 412 ГПК РФ);

— «сторона, против которой принято решение, не была своевременно и надлежащим образом извещена о времени и месте рассмотрения дела или по другим причинам не могла представить в суд свои объяснения» (п. 2 ч. 1 ст. 244 АПК РФ).

Несмотря на различие формулировок, обоим текстам свойственна неопределенность относительно того, каким правом должен руководствоваться суд при оценке соответствия извещения критериям «надлежащего» и «своевременного».

¹² URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules> (дата обращения: 20.05.2023).

¹³ Костин А. А. Надлежащее и своевременное извещение ответчика как условие признания и исполнения решения иностранного суда (анализ ч. 1 ст. 244 АПК РФ и ч. 1 ст. 412 ГПК РФ) // Закон. 2017. № 4. С. 120–131.

Коллизии при ответе на данный вопрос не возникает, если между государствами заключен международный договор. При этом, в отличие от этапа инициирования судебного разбирательства, на этапе признания и приведения в исполнение решения суда правовая неопределенность может быть в равной степени эффективно устранена двумя типами международных договоров.

1. Международные договоры, регулирующие непосредственно порядок извещения на территории иностранного государства (например, Гагская конвенция 1965 г.).

В данном случае суверенами согласован порядок извещения лиц на территории друг друга, за счет чего создается единое регулирование: иностранный суд при вынесении решения руководствуется согласованным порядком, а национальный суд при признании этого решения проверяет соблюдение того же самого согласованного порядка.

2. Международные договоры, регулирующие порядок признания и приведения в исполнение судебных решений (например, Гагская конвенция 2019 г.¹⁴).

В данном случае суверенами согласованы основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений, одним из которых может быть несоответствие судебного извещения определенным требованиям.

Следует отметить, что такие требования на практике могут отличаться не только от требований, предусмотренных национальными процессуальными законами соответствующих государств, но и от требований, предусмотренных международными договорами, регулирующими непосредственно извещения на территории иностранного государства. Например, согласно Гагской конвенции 1965 г. (подписана Российской Федерацией с оговоркой) извещение является надлежащим, если вручено в установленной форме в соответствии

с оговоркой Российской Федерации через Минюст России, а в соответствии с Гагской конвенцией 2019 г. (подписана Российской Федерацией) извещение считается надлежащим, если оно позволило лицу подготовиться к защите и если способ вручения соответствует фундаментальным принципам признающего государства.

По мнению автора, в обоих случаях коллизия разрешается в пользу требований, установленных международным договором по вопросу экзекватуры судебных решений, имеющим в данном случае характер специальной нормы.

Несмотря на различие предметов, оба типа международных договоров преодолевают неопределенность: суд оценивает соблюдение порядка судебного извещения, предусмотренного соответствующим международным соглашением. Отсутствие международного договора обуславливает неопределенность. Для ее преодоления и выбора наиболее теоретически корректного и практически оправданного подхода автором предлагается разбор возможных вариантов правоприменения.

2.1. Применение иностранного процессуального права

При вынесении судебного решения, признании и исполнении которого испрашиваются, иностранный суд руководствовался национальным процессуальным правом (*lex fori*), в том числе в части порядка судебного извещения. Однако означает ли это, что суд признающего государства обязан отступить от принципа *lex fori* и также применять иностранное процессуальное право для оценки порядка извещения?

В практике российских судов встречаются случаи применения иностранного процессуального права на этапе признания и приведения в исполнение при следующих обстоятельствах.

1. Применение иностранного процессуального права допускается международным договором Российской Федерации.

¹⁴ Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам (заключена в г. Гааге 02.07.2019) [неофициальный перевод Минюста России] // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7603/> (дата обращения: 20.05.2023).

Такое правило предусмотрено, например, Киевским соглашением 1992 г.¹⁵ с учетом его толкования консультативным заключением № 01-1/4-13 Экономического Суда СНГ «О толковании пункта “г” статьи 9 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 года», принятым 26 апреля 2014 г. Согласно заключению Киевское соглашение 1992 г. допускает извещение как в порядке международно-правовой помощи, так и в порядке, предусмотренном национальным процессуальным правом государства вынесения решения. Руководствуясь указанной нормой, российские суды устанавливают содержание и проверяют соблюдение норм иностранного процессуального права¹⁶.

2. Российский суд проверяет порядок извещения иностранным судом стороны, находящейся на территории иного иностранного государства.

Такая ситуация возможна, например, если иностранный суд рассматривает требование к ответчику, находящемуся на территории иного иностранного государства, но имеющего активы на территории Российской Федерации.

Подобная ситуация имела место в деле № А40-153603/2013, в рамках которого российский суд проверял порядок извещения английским судом ответчика на территории США (штат Нью-Йорк). При разрешении вопроса о наличии оснований для отказа в признании, предусмотренных пунктом 2 ч. 1 ст. 244 АПК РФ, российский суд установил соответствие судебного извещения требованиям процессуального права Англии и Уэльса, штата Нью-Йорк, а также Гаагской конвенции 1965 г. в части двусторонних отношений Великобритании и США¹⁷.

Оценивая сам факт применения отечественными судами иностранного права, российские ученые отмечают недопустимость такого подхода, как нарушающего процессуальный принцип «forum regit processum», в соответствии с которым суд вправе осуществлять публичную функцию исключительно в соответствии с национальным процессуальным правом¹⁸.

Поддерживая общий вывод о нежелательности применения национальным судом иностранного процессуального права, тем не менее следует сделать ряд оговорок.

Во-первых, оценка порядка судебного извещения на этапе признания и приведения в исполнение является не единственным случаем, когда применение иностранного процессуального права признается допустимым. Так, прямое указание на применение такового содержится в самих процессуальных кодексах в отношении оценки окончательности актов иностранных судов (п. 1 ч. 1 ст. 412 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 244 АПК РФ). Вышеупомянутые положения обусловлены объективной невозможностью проверки соблюдения данного критерия по каким-либо иным нормам, кроме процессуального закона государства вынесения решения.

Во-вторых, в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ едва ли применение иностранного права можно назвать некорректным, если оно предусмотрено международными обязательствами Российской Федерации, как, например, в случае с Киевским соглашением 1992 г.

В-третьих, применение иностранного права вместо национального в ряде случаев обусловлено нецелесообразностью и даже некорректностью разрешения отдельных вопросов по праву национальному. Например, если следовать такой логике, то в вышерассмотренном деле

¹⁵ Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (заключено в г. Киеве 20.03.1992).

¹⁶ См.: постановления Арбитражного суда Уральского округа от 09.12.2020 по делу № А76-51278/2019 ; Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28.05.2020 по делу № А45-39483/2019.

¹⁷ См.: определение Арбитражного суда г. Москвы от 30.05.2014 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.08.2014 ; определение Верховного Суда РФ от 29.10.2014 по делу № А40-153603/2013.

¹⁸ Костин А. А. Правовое регулирование порядка извещения стороны судебного разбирательства за границей (анализ российского и иностранного опыта) // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 1. С. 148–192.

№ А40-153603/2013 английский суд для обеспечения исполнимости собственного решения должен был учитывать национальные требования к извещению не только штата Нью-Йорк, но и всех государств, в которых находятся активы ответчика. По понятным причинам на практике такой подход слишком обременителен и для суда, и для истца, а потому очевидно некорректен. В этой связи применение признающим судом иностранных правил представляется разумным.

Вместе с тем, несмотря на отдельные оговорки, автор признает, что применение иностранных процедурных правил не является оптимальным решением и как минимум должно представлять собой исключение. Как максимум следует подумать об иных способах преодоления практических сложностей, речь о чем пойдет ниже.

2.2. Применение универсальных критериев

Анализ изменений и российской, и международной практики последнего десятилетия позволяет утверждать о наличии определенной тенденции развития регулирования в части оценки соблюдения порядка извещения на этапе признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений.

Суть данной тенденции можно обозначить фразой: «неважно, в каком порядке и в соответствии с каким правом судебное извещение вручено, если выполнена его основная цель — сторона получила возможность полноценно реализовать свой статус в судебном процессе»¹⁹. В данном контексте уместна цитата из труда Н. Г. Елисеева, посвященная иному предмету, но хорошо демонстрирующая значение тенденции: «*Не можем упрекнуть судью в несправедливости его решения, если он при выборе между необходимостью соблюдать абстрактный суверенитет иностранного*

государства и необходимостью защитить конкретный интерес истца отдает предпочтение последнему»²⁰.

Иными словами, речь идет о формировании в мировой практике определенных универсальных критериев, при соблюдении которых цель извещения (обеспечение возможности защиты прав извещаемого лица) достигается, а извещение признается надлежащим.

В российской практике обозначенная тенденция нашла отражение в концепции так называемого фактического извещения, которая получила последовательное развитие в ряде позиций высших судов²¹. Согласно концепции извещение считается надлежащим в двух случаях: 1) если соблюден порядок, предусмотренный международным договором Российской Федерации, либо 2) если доказана фактическая осведомленность стороны о судебном разбирательстве.

В первом случае правоприменитель презюмирует, что способ, согласованный в международном договоре, априори является надлежащим и обеспечивает стороне возможность защиты права. Во втором — оставляет заинтересованной стороне возможность доказать осведомленность стороны даже при условии несоблюдения положений международного договора, тем самым создавая исключение из общего правила.

Еще одним примером реализации универсального критерия оценки извещения является Гагская конвенция 2019 г. В силу ст. 7 Конвенции таковым является доведение извещения «до сведения ответчика в достаточные сроки и таким образом, чтобы у ответчика была возможность подготовиться к защите». Указанная формулировка также не предусматривает привязку порядка извещения к какому-либо процессуальному праву, но исходит из целеполагания извещения как такового.

¹⁹ Касательно цели судебного извещения см. предисловие К. Бернаскони, Х. ван Лоона к изданию: Практическое руководство по применению Гагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов / отв. ред. Н. А. Жильцов. 3-е изд. М., 2007.

²⁰ Елисеев Н. Г. Извещение ответчика, находящегося за границей // Закон. 2016. № 6. С. 121–137.

²¹ См.: п. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 ; п. 55 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019.

Широкое распространение в мировой правоприменительной практике подобных содержательно аналогичных критериев, основанных на телеологии извещения, по мнению автора, является одним из способов преодоления неопределенности. Иными словами, при наличии универсальных критериев судам при рассмотрении требований к иностранным лицам не следует беспокоиться о трансграничной исполнимости своих решений, если судебное извещение достигло цели и позволило лицу принять участие в разбирательстве. Признающие же суды обязаны проверять соответствие извещения не какому-либо процессуальному праву, а указанному критерию. За счет изложенного сформируется единое регулирование, исключающее неопределенность.

Более того, поход решит и иную проблему, которая не является предметом настоящего исследования, однако в равной мере актуальна, а именно исключит возможность посредственного выполнения судами обязанности по извещению иностранных лиц с использованием так называемого механизма «фиктивного извещения»²².

Что касается формы закрепления указанного критерия, по мнению автора, данный вопрос вторичен. Единственный критерий: форма нормы должна обеспечивать ее постоянство. В этой связи едва ли представляется удачным пример Российской Федерации, когда такой критерий сформирован исключительно в судебной практике.

Выводы

Подводя итог исследования, автор делает основные выводы.

1. Цель любого правоприменителя — обеспечить эффективную защиту нарушенных прав. Достижение указанной цели возможно исключительно при совокупном решении двух задач:

1) обеспечить соблюдение процедуры разрешения спора, установленной национальным правом; 2) обеспечить исполнимость судебных решений, в том числе за пределами собственной юрисдикции.

2. Неопределенность по вопросу права, применимого к порядку извещения лиц за пределами юрисдикции суда разрешения спора, может привести к снижению эффективности или к полному отказу в защите прав исключительно по процессуальным основаниям.

3. Вопрос о праве, определяющем порядок судебного извещения, может возникнуть на двух процессуальных этапах: 1) инициирования судебного разбирательства и 2) признания и приведения в исполнения иностранных судебных решений. Каждый этап предполагает отдельное регулирование.

4. Неопределенность в вопросе о применимом праве отсутствует независимо от этапа, если между государствами имеется международный договор. Отсутствие международного договора вынуждает правоприменителей искать альтернативные подходы, которые на практике разнятся и обуславливают неопределенность.

5. На этапе инициирования судебного разбирательства наиболее удачным способом преодоления неопределенности автору представляется закрепление в процессуальных кодексах альтернативных способов извещения, в том числе принятых в государстве нахождения извещаемого лица. Такой подход успешно реализован в английском процессуальном праве.

6. На этапе признания и приведения в исполнения иностранных судебных решений наиболее удачным способом преодоления неопределенности автору представляется закрепление в процессуальных кодексах универсального критерия, основанного на телеологии института судебных извещений. В настоящий момент таковой начинает формироваться в практике российских судов, однако требует доработки и внимания законодателя.

²² Указанное понятие сформировано в германской школе права и означает юридическую фикцию, при которой лицо считается извещенным по факту исполнения судом всей предусмотренной процессуальным законом процедуры, однако фактически может и не знать о судебном разбирательстве с его участием (*Schmitz B. Op. cit.*).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Елисеев Н. Г.* Извещение ответчика, находящегося за границей // Закон. — 2016. — № 6. — С. 121–137.
2. *Костин А. А.* Надлежащее и своевременное извещение ответчика как условие признания и исполнения решения иностранного суда (анализ ч. 1 ст. 244 АПК РФ и ч. 1 ст. 412 ГПК РФ) // Закон. — 2017. — № 4. — С. 120–131.
3. *Костин А. А.* Правовое регулирование порядка извещения стороны судебного разбирательства за границей (анализ российского и иностранного опыта) // Вестник гражданского процесса. — 2023. — Т. 13. — № 1. — С. 148–192.
4. *Костин А. А.* Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в России. — М. : Статут, 2020.
5. *Ярков В. В.* Надлежащее извещение как одно из условий признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения // Актуальные проблемы международного частного права и международного гражданского процесса: Liber Amicorum в честь заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук Н. И. Марышевой. — М. : Проспект, 2020. — С. 418–427.

Материал поступил в редакцию 3 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Eliseev N. G. Izvshchenie otvetchika, nakhodyashchegosya za granitsey // Zakon. — 2016. — № 6. — S. 121–137.
2. Kostin A. A. Nadlezhashchee i svoevremennoe izvshchenie otvetchika kak uslovie priznaniya i ispolneniya resheniya inostrannogo suda (analiz ch. 1 st. 244 APK RF i ch. 1 st. 412 GPK RF) // Zakon. — 2017. — № 4. — S. 120–131.
3. Kostin A. A. Pravovoe regulirovanie poryadka izvshcheniya storony sudebnogo razbiratelstva za granitsey (analiz rossiyskogo i inostrannogo opyta) // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2023. — T. 13. — № 1. — S. 148–192.
4. Kostin A. A. Pravovye osnovaniya priznaniya i ispolneniya inostrannykh sudebnykh resheniy v Rossii. — M.: Statut, 2020.
5. Yarkov V. V. Nadlezhashchee izvshchenie kak odno iz usloviy priznaniya i privedeniya v ispolnenie inostrannogo sudebnogo resheniya // Aktualnye problemy mezhdunarodnogo chastnogo prava i mezhdunarodnogo grazhdanskogo protsessa: Liber Amicorum v chest zasluzhennogo deyatela nauki Rossiyskoy Federatsii, doktora yuridicheskikh nauk N. I. Maryshevoy. — M.: Prospekt, 2020. — S. 418–427.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.062-070

Д. А. Залялов*

Границы правомерной и неправомерной трансляции видеоигр

Аннотация. Статья исследует границы правомерного и неправомерного использования видеоигры как сложного объекта при осуществлении трансляции видеоигры стримером. Автор предлагает пересмотреть тенденцию к широкой правовой охране авторских прав правообладателей в условиях глобального информационного и цифрового общества. В статье представлена измененная доктрина добросовестного использования с целью установления факта добросовестного и недобросовестного использования видеоигры стримером, что позволит определять в стриме наличие оснований для признания его случаем свободного использования, т.е. признания стрима добросовестным или недобросовестным. Таким образом, использование этой измененной доктрины позволит установить и применять институт добросовестного использования для трансляций видеоигр. В статье также предложен порядок разрешения споров между правообладателем и стримером.

Ключевые слова: видеоигры; способы использования видеоигр; стриминг; стрим; трансляция видеоигр; транслятор; стример; доведение произведения до всеобщего сведения; добросовестное и недобросовестное использование произведений; доктрина добросовестного использования; правомерное и неправомерное использование произведений.

Для цитирования: Залялов Д. А. Границы правомерной и неправомерной трансляции видеоигр // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 62–70. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.062-070.

The Limits of Legal and Illegal Video Game Streaming

Danis A. Zalyalov, Master's Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russian Federation
daniszalyalov100@gmail.com

Abstract. The paper deals with the boundaries of legal and illegal use of a video game as a complex object when streaming a video game. The author proposes to reconsider the trend towards broad legal protection of copyright holders in the context of a global information and digital society. The article presents an amended doctrine of fair use in order to establish the fact of fair and unfair use of a video game by a streamer, which will allow determining

---

© Залялов Д. А., 2024

* Залялов Данис Анасович, магистрант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
daniszalyalov100@gmail.com

in the stream whether there are grounds for recognizing it as a case of free use, that is, recognizing the stream as fair or unfair. Thus, the use of this modified doctrine will allow the establishment and application of the institute of fair use for video game streaming. The paper also suggests a procedure for resolving disputes between the copyright holder and the streamer.

Keywords: video games; ways of using video games; streaming; stream; video game streaming; translator; streamer; making a work available to the public; fair and unfair use of works; the doctrine of fair use; lawful and unlawful use of works.

Cite as: Zalyalov DA. The Limits of Legal and Illegal Video Game Streaming. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):62-70. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.062-070

Видеоигры в нынешнее время занимают лидирующие позиции в области мировой экономики и являются крупнейшим мировым продуктом в сфере мировой индустрии развлечений. Только лишь годовая общемировая выручка рынка видеоигр, по опубликованным отчетам аналитической компании «Newzoo», за 2021 г. составила 180,3 млрд долл.¹, а за 2022 г. — 184,4 млрд долл.²; при этом важно отметить, что данные показатели превышают показатели киноиндустрии и музыкальной индустрии. Учитывая такую тенденцию, можно с уверенностью заявить, что в игровые процессы тем или иным образом вовлечено огромное количество людей, что, несомненно, повышает регулярную заинтересованность в использовании видеоигр в целом и результатов интеллектуальной деятельности, являющихся составными частями видеоигр, в частности не только в личных целях — для проведения досуга, отдыха и развлечения, но и в качестве потенциальных средств для коммерциализации, получения дохода (коммерческой выгоды) как частными лицами, так и организациями. Соответственно, все это может привести к неконтролируемому (неправомерному) использованию со стороны игроков, а в случаях с правообладателями их чрезмерная заинтересованность в правовой защите своих произведений может перейти границу и нарушить справедливый баланс прав и интересов между правообладателями и игроками (стримерами, блогерами). Таким

образом, подобное неконтролируемое (неправомерное) использование видеоигр вместе с составляющими их результатами интеллектуальной деятельности игроками путем трансляции (стриминга) и записи видеоигр, а также неконтролируемое злоупотребление правом и интересами или же необоснованное поведение правообладателей (игровых компаний), в результате которого игроки лишаются доступа к собственному контенту (стримам, записям видеоигр), аккаунту и т.д., порождают проблемы, связанные с границами правомерного и неправомерного использования, которые на данный момент крайне размыты, неясны и сомнительны.

Необходимо отметить, что в целях единообразия термин «стриминг видеоигр» используется как синоним термина «трансляция видеоигр». Вместе с тем стрим (трансляция) и загруженная запись игрового процесса видеоигры (или просто запись) для целей данной статьи выступают синхронными объектами изучения, несмотря на различие во времени их публикации для всеобщего доступа (стримы публикуются и становятся доступными в прямом эфире, а запись игрового процесса видеоигры — только после ее загрузки на канал (аккаунт) стримера), т.е. речь будет идти одновременно об обоих форматах публикации геймплея (и о стриме, и о записи). При этом термины «транслятор», «стример» и «блогер» в рамках настоящего исследования также являются синонимами.

¹ URL: <https://newzoo.com/resources/blog/the-games-market-in-2021-the-year-in-numbers-esports-cloud-gaming> (дата обращения: 01.06.2023).

² URL: https://newzoo.com/resources/blog/the-games-market-in-2022-the-year-in-numbers?utm_campaign=GGMR+2022&utm_source=linkedin&utm_medium=social&utm_content=Look+back+2022+Insights+Post (дата обращения: 01.06.2023).

Справедливо утверждать, что трансляция видеоигры представляет собой разновидность способов использования результатов интеллектуальной деятельности, в том числе и видеоигры как сложного объекта (аудиовизуального произведения), который формально не закреплен в действующем законодательстве, но тем не менее, учитывая открытый перечень способов использования в соответствии со ст. 1270 ГК РФ, важно рассмотреть трансляцию как способ использования видеоигры в качестве сложного объекта, включающего множество результатов интеллектуальной деятельности.

Итак, прежде чем приступить к анализу правомерности и неправомерности трансляции видеоигры, следует предложить классификацию трансляции видеоигр. Разделить трансляцию можно на следующие виды: 1) в некоторых стримингах (трансляциях) может присутствовать только механический игровой процесс с аудиовизуальным отображением исключительно видеоигры (геймплея), без комментирования транслятора(-ов), какой-либо дополнительной анимации и отображения из видеокамер, облика транслятора или без демонстрации его личного облика из веб-камеры или другой камеры; 2) трансляция видеоигр способом, описанным в п. 1 выше, но только с комментированием и (или) отображением своего облика или без отображения собственного облика (например, включенная камера, направленная на потолок или в пол, и т.д.); 3) трансляция видеоигры без звука и с отображением или без отображения облика (пожалуй, самый редкий тип стриминга). Важно, конечно же, добавить, что вышеперечисленные виды (типы) использования могут переплетаться и перемешиваться.

Переходя к анализу границ правомерной и неправомерной трансляции, необходимо исследовать вопрос о способах использования, которые могут быть задействованы при трансляции; при этом одновременно надлежит затронуть и природу трансляции видеоигры (стрима), так как, исследовав один вопрос, неизбежно придется рассматривать и другой, ведь между ними существует не просто тесная, а взаимная прямая связь. Итак, для начала следует выделить такой способ, как переработка произведения, и,

следовательно, первая возникающая проблема касательно границ правомерного и неправомерного использования заключается в следующем: в каком из вышеприведенных видов трансляции видеоигр непосредственно трансляцию игрового геймплея можно считать производным произведением, т.е. переработкой? Безусловно, механическую трансляцию аудиовизуальных компонентов видеоигры и составляющих ее результатов интеллектуальной деятельности без достаточных творческих усилий нельзя признать творческим объектом, и, соответственно, в данном случае налицо простое использование чужих результатов интеллектуальной деятельности. Таким образом, было бы справедливо заявить, что производным произведением можно было бы считать все вышерассмотренные типы трансляции, за исключением механической демонстрации игрового процесса, осуществленной без творческого вклада транслятора. Здесь важно отметить, что измерить степень приложенных творческих усилий и творческого вклада довольно сложно, поэтому можно предположить, что чем сильнее выражена творческая составляющая в трансляции видеоигры в виде комментариев, обзоров, юмора, импровизации, внешнего образа стримера, графических составляющих, дизайна, анимации видео ролика, стиля игры, в том числе демонстрации своей уникальной стратегии и тактики и т.д., тем выше вероятность признания получившегося видео производным произведением. Но все не так просто: перед тем как утверждать о добросовестной или недобросовестной трансляции, т.е. о границах правомерного и неправомерного использования, важно для начала разобраться, имела ли место переработка как таковая. Можно смело заявить, что готовую механическую трансляцию прохождения видеоигры без явного творческого вклада в любом случае нельзя признать переработкой. Но тогда встает вопрос, можно ли признать стрим, осуществленный с творческим вкладом, а именно с комментированием, юмором, особой подачей, демонстрацией уникальной тактики и стратегии игрового процесса, добавленной анимацией, производным произведением, полученным в результате переработки, в соответствии с п. 1

ст. 1260 и подп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ? Из формулировки и смысла названных положений следует, что стрим видеоигры, даже с выраженным творческим вкладом (например, с комментированием, демонстрацией уникальной тактики и стратегии, накладываемой анимацией), сложно, если вообще возможно, признать производным произведением, полученным в результате переработки, поскольку перечисленные законодателем виды производных произведений (экранизация, аранжировка и т.д.) едва ли можно применить к трансляции. Вместе с тем, если предположить, что стрим видеоигры является результатом некоей иной переработки, целесообразно ли признавать его производным произведением, опираясь на указанные нормы, ведь стример фактически не меняет саму видеоигру и ее аудиовизуальные составляющие (результаты интеллектуальной деятельности), а лишь использует ее, прилагая творческие усилия к подаче геймплея, игрового процесса, чтобы зрителям было интересно и увлекательно смотреть и слушать? Таким образом, было бы справедливо заявить, что институт производного произведения и действующие нормы ГК РФ, посвященные данному виду произведений, едва ли подходят для обоснования механизма улучшенной правовой охраны стрима и защиты прав стримера.

Следующие способы, которые необходимо выделить, — это публичный показ и публичное исполнение. Для начала важно отметить, что мнения авторов разных работ различаются. Так, Е. А. Артемьева³ утверждает, что публичный показ произведения неприменим к трансляциям видеоигр, поскольку в них редко демонстрируются статичные фрагменты результата интеллектуальной деятельности: как сама игра, так и стрим характеризуются динамичностью. Э. Э. Сулейманов и А. К. Шульга⁴ (в их статье речь идет об аудиовизуальных произведениях, поскольку видеоигра по своей правовой форме является сложным объектом; большинство исследова-

телей считают видеоигры аудиовизуальными произведениями или мультимедийными продуктами; при этом российский правовой порядок позволяет судам (правоприменителям) относить видеоигры к тому или иному виду⁵) утверждают, что исключительное право на аудиовизуальное произведение реализуется посредством как публичного показа, так и публичного исполнения; таким образом, названные авторы приходят к выводу, что законодатель не дает точных пояснений относительно отличия публичного показа от публичного исполнения, что позволяет трактовать данные понятия по-разному. Вероятнее всего, верна позиция Е. А. Артемьевой. Она ссылается на постановления Девятого арбитражного апелляционного суда, Суда по интеллектуальным правам и ФАС Московского округа, из которых следует, что законодатель определяет Интернет как информационно-телекоммуникационную сеть, которая не является местом, открытым для свободного посещения, в связи с чем по смыслу ст. 1276 ГК РФ публичный показ не может быть применен к трансляциям видеоигр (стримам). Соответственно, если ориентироваться строго на действующее законодательство, такие способы использования, как публичный показ и публичное исполнение, можно не рассматривать для определения правовой природы трансляции игрового процесса (видеоигры), а институт производного произведения, как уже выяснено, тоже не может быть применен к специфике стрима (трансляции). Таким образом, вопрос правовой природы хотя и тесно связан с вопросом о границах правомерной и неправомерной трансляции, все же требует отдельного научного исследования, которому необходимо посвятить самостоятельную работу.

Соответственно, данная работа предлагает учитывать и опираться на современные реалии фактических общественных отношений, сложившихся в условиях информационного и цифрового общества в среде игроков, и в частности

³ Артемьева Е. А. Правовое регулирование игрового стриминга по российскому законодательству // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3 (33). С. 112–123.

⁴ Сулейманов Э. Э., Шульга А. К. Публичный показ и публичное исполнение как способы использования исключительного права на аудиовизуальное произведение // Эпомен. 2021. № 57. С. 351–358.

⁵ В США суды, как правило, признают видеоигры аудиовизуальными произведениями.

стримеров, т.е. переосмыслить, сбалансировать чрезмерно широкую и абсолютную авторско-правовую охрану правообладателей (авторов) и принять во внимание недооцененную значимость общественных интересов (игроков и стримеров в рамках настоящей статьи) в области авторского права, а не замыкаться только на учете интересов правообладателей (авторов); заявленный тезис обосновывается актуальной тенденцией, свидетельствующей о том, что стримеры могут в значительной степени определить коммерческий успех видеоигры, о чем написано в статье «Как стримеры определяют успех видеоигр»⁶, причем это может касаться и тех, кто не извлекает финансовую выгоду от стримов. Это позволит стримерам не сталкиваться с необоснованным нарушением их прав и интересов в части блокировки контента или аккаунтов и обеспечить сбалансированную правовую защиту прав и интересов правообладателей (авторов) и игроков (потребителей), представляющих общественные интересы. Соответственно, для установления баланса прав между названными сторонами данная работа предлагает следующий механизм, по которому можно будет определить, осуществлена ли трансляция добросовестно, для того чтобы игроки не сталкивались массово с блокировкой контента. Итак, для обоснования и сбалансирования правовой защиты прав и интересов игроков (потребителей), представляющих общественные интересы, уместно и целесообразно было бы обратиться к праву стран англосаксонской правовой семьи, а именно к доктрине добросовестного использования (fair use)⁷; это позволит рассматривать добросовестный стрим как случай свободного использования, т.е. стрим как итоговый (готовый) результат добросовестного использования видеоигры стримером будет признаваться случаем свободного использования в рамках проблематики настоящего исследования.

Далее, важно предложить механизм урегулирования спора между правообладателем и

стримером: когда правообладатель обнаружил факт использования его видеоигры (результата интеллектуальной деятельности), он должен в каждом случае (стриме) разбираться и фиксировать доказательства и уведомлять игрока с приложенными доказательствами о нарушении авторских прав; в случае же отсутствия ответа от игрока или непринятия им мер по удалению контента в разумный срок правообладатель имеет право уведомить игрока (стримера) о том, что его контент, в котором зафиксированы нарушения авторских прав, будет в одностороннем порядке удален или ограничен правообладателем. Если игрок возражает, то он должен иметь право инициировать разбирательство, но сначала стороны должны самостоятельно путем переговоров в претензионном досудебном порядке решить в установленный срок спор без обращения в суд, а если не удастся, то обе стороны должны иметь право инициировать разбирательство в судебном порядке.

Переходя к критериям упомянутой доктрины, предлагается изменить их для целей настоящего исследования, что в конечном итоге позволит определить, была ли переработка правомерной, т.е. действовало ли добросовестно осуществившее ее лицо (в данном случае игрок, являющийся стримером, блогером). Применительно к видеоигровым трансляциям (записям видеоигр) данная правовая доктрина наиболее удачно подходит к решению вопроса о правомерности и добросовестности транслятора (игрока, стримера). Она предусматривает четыре критерия:

- 1) цель и характер использования произведения (оценивается степень переработки произведения и ее оригинальность, а также то, преследует ли пользователь цель получить коммерческую выгоду);
- 2) характер оригинальной работы (сущность);
- 3) объем и существенность заимствований из оригинальной работы;

⁶ Как стримеры определяют успех видеоигр // URL: <https://www.global-esports.news/ru/general/как-стримеры-определяют-успех-видеоигр/> (дата обращения: 03.06.2023).

⁷ United States Copyright Act 1976. Chapter 1. Section 107 [Закон об авторском праве США 1976. Глава 1. Раздел 107] // URL: <https://www.copyright.gov/title17/92chap1.html#107> (дата обращения: 03.06.2023).

4) воздействие, оказываемое производным произведением на ценность оригинала.

Для целей данной статьи из числа указанных применимы только два критерия: первый и четвертый. Соответственно, для ответа на вопрос, действовал ли стример добросовестно, необходимо адаптировать названную доктрину к тематике настоящего исследования и в конечном итоге предложить применение этих критериев для российского правопорядка; такой подход поможет понять, создан ли стрим путем добросовестного использования стримером видеозаписи, и определить, в каких случаях оно имеет место.

Первое, на что надо обратить внимание, как указано в п. 1 выше, — это характер и цель использования произведения (видеозаписи). Применяя названный пункт, следует учитывать степень вложенных игроком творческих усилий. Таким образом, предлагается следующий механизм (институт) для определения добросовестной или недобросовестной трансляции (стрима), заключающийся в следующем: по общему правилу чем больше и чаще используются и чем сильнее выражены такие творческие составляющие, как: комментарии; обзоры; юмор; импровизация; внешний образ стримера; графические составляющие в виде дизайна, анимации видеоролика (стрима); стиль игры, в том числе демонстрация своей уникальной стратегии и тактики и т.д., тем выше вероятность признания получившегося видеоролика (стрима) результатом добросовестного использования видеозаписи стримером. Вместе с тем если даже одна составляющая из выше-названных ярко выражена в высокой степени, что в итоге позволяет сформировать впечатление, что стример специально работал над каждым видеороликом и приложил для этого творческие усилия, создал уникальную атмосферу для своих видеороликов (стримов), узнаваемую, уникальную и неповторимую, в чем-то новаторскую и необычную, то этого может быть достаточно для признания стрима результатом добросовестного использования видеозаписи. Что касается цели, то здесь все проще: если стример не преследовал цели получить коммерческую выгоду и если он ее фактически не

получил, то налицо добросовестное поведение; если же он явно стремился извлечь коммерческую выгоду, более того, если это и есть его основная цель (или одна из таковых), и он фактически получил, получал или же получит коммерческую выгоду, то в данном случае очевиден факт недобросовестного использования видеозаписи стримером.

Третий критерий из числа вышеуказанных, а именно объем и существенность заимствования оригинального произведения, нецелесообразно применять к стримам, т.к. стрим по факту является полным заимствованием аудиовизуальных отображений оригинальной видеозаписи. Что бы игрок ни наложил, как бы творчески ни украсил, преобразовал или переработал свой стрим или запись, все равно стрим (запись видеозаписи) полностью состоит из видео и аудио оригинальной видеозаписи. Этот критерий можно было бы применить лишь для коротких и недолгих обзоров видеозаписей с фрагментарными вставками эпизодов геймплея, но о них в настоящем исследовании речь не идет.

Четвертый критерий в рамках проблематики данной статьи можно рассматривать со следующей позиции: насколько влияет стрим на ценность оригинального произведения, т.е. вступает ли он в конкуренцию с игрой, снижает ли ее ценность и значимость? Например, в случае, когда игрок необъективно и намеренно, с негативным умыслом раскритиковал игру, тем самым снизив объем покупок и повысив негативные отзывы и впечатления у других потенциальных игроков, подобные обстоятельства могут быть преимущественно использованы для обоснования признания такого стрима результатом недобросовестного использования видеозаписи. Или же, наоборот, если игрок способствовал рекламе и продвижению видеозаписи, похвалил, положительно оценил, предлагал и рекомендовал к покупке, приобретению, более того, даже оставил в описании или в комментариях к стриму ссылку на сайт правообладателя или сервиса, информационного ресурса, где она продается, такие обстоятельства могут быть положены в основу признания стрима (трансляции) результатом добросовестного использования видеозаписи. Соответственно, настоящее

исследование предлагает применять эти два критерия для решения поставленных проблем.

Важно обозначить, что доктрина добросовестного использования (fair use) является альтернативой правовых систем англосаксонской правовой семьи случаям свободного использования произведений, т.е. закрытому перечню случаев, ограничивающих авторское право авторов (правообладателей), который распространен в правовых системах романо-германской правовой семьи. Таким образом, возникает вопрос, что лучше подходит для российского законодательства — доктрина добросовестного использования или закрытый перечень случаев свободного использования? Данная работа предлагает включить трансляцию в перечень случаев свободного использования с пометками о добросовестности и о критериях, в случае соблюдения которых такое использование будет считаться добросовестным и признаваться случаем свободного использования; подобное соответствие будет устанавливаться в каждом конкретном случае, тем самым обеспечивая гибкий инструмент разрешения споров в условиях быстрого научного и технологического прогресса. Безусловно, нынешние случаи свободного использования нет необходимости изменять, т.к. соответствующие нормы закрепляют стабильность и ясность в области необходимого объема ограничения авторского права, тогда как использование доктрины добросовестного использования в измененной форме, предложенной в настоящем исследовании и адаптированной к российскому законодательству, поможет улучшить охрану и защиту авторских прав не только в пользу автора, но и в пользу общества (игроков, стримеров) в условиях быстрого технологического прогресса. Полагаем, что выдвинутая в данной статье измененная доктрина добросовестного использования наиболее удачно подходит для российского правового порядка, несмотря на мнения некоторых отечественных исследователей, например О. В. Калятина⁸, о том, что она не вписывается в рамки российского авторского законодательства и тем самым

нарушает баланс правовых норм, особенно в части случаев свободного использования; соответствующие авторы считают, что нельзя отменить институт «свободного использования» в пользу «доктрины добросовестного использования», так как это приведет к неразберихе в вопросе объема правовой охраны для авторов и в вопросе границ и объема допустимого использования для потребителей. В настоящем же исследовании предлагается объединить эти два института и использовать их как взаимодополняющие, а не заменять один другим.

Важно отметить, что упомянутая доктрина, используемая в США, предназначена в первую очередь для охраны общественных интересов в произведениях, поскольку нельзя замыкаться только на авторах как абсолютных выгодоприобретателях и заинтересованных лицах, ведь к таковым относится и общество. Соответственно, данная доктрина является инструментом для переосмысления и сбалансирования чрезмерно широкой и абсолютной авторско-правовой охраны авторов и правообладателей и, таким образом, позволяет учесть недооцененную значимость общественных интересов (игроков и стримеров в рамках данной статьи) в области авторского права, а не только интересов правообладателей (авторов). Важно отметить, что произведения имеют свою культурную, научную и коммерческую ценность только из-за того, что общество готово потреблять и использовать их. Ведь автор, публикуя, демонстрируя и выкладывая свое произведение, стремится познакомить общество со своим творчеством и предлагает оценить и использовать его, т.е. основным и определяющим духовным заказчиком произведений является общество, и, таким образом, игровые компании разрабатывают игры не для себя, а для общества (игроков). Далее, следует задуматься глубже и учесть потенциал, а также возможности и новые способы, формы и сроки обмена информацией и знаниями в условиях информационного и цифрового общества. Почему бы не учесть тот факт, что общество, вероятнее всего, заинтересовано

⁸ Калятин О. В. О перспективах применения в России доктрины добросовестного использования // Закон. 2015. № 11. С. 42–49.

в более широких возможностях по сравнению с применяемыми сейчас в контексте широкой правовой защиты прав и интересов правообладателей (авторов) произведений (в данном случае видеоигр), которые позволяют без достаточного обоснования блокировать и ограничивать доступ стримерам и блогерам к их контенту? Так, например, один из аргументов в пользу заявленного тезиса приведен в статье игрового портала stopgame.ru «Из-за нарушения прав Bungie блокируют контент даже самой Bungie»⁹, где указывается на потерю контроля правообладателя над системой блокировки контента, приводящей к злоупотреблению исключительным правом и неконтролируемой блокировке не только контента игроков, но даже контента самого правообладателя, причем массовые случаи не приводят к справедливому разрешению конфликтов и споров между правообладателями и игроками; также примечательно, что юрист Ричард Хоэг (Richard Hoeg) полагает, что крупные игровые компании выставляют для создателей контента слишком драконовские юридические условия, где произведения фанатов почти никак не защищены от капризов правообладателей. Если учесть данные тезисы и воспринять их на практике, это даст возможность приблизиться к балансу и золотой середине прав и интересов авторов, правообладателей и игроков (общество).

Таким образом, предложенная измененная доктрина позволит в условиях глобального информационного и цифрового общества, учитывая особенность цифровых технологий, определять в каждом конкретном случае наличие добросовестного использования. Каждый случай имеет свои особенности и обстоятельства, и важно принимать во внимание их все, сопоставляя с вышеназванными критериями добросовестного использования для достижения объективной справедливости, основанной на принципе добросовестности. Ведь основное предназначение права, особенно цивилистики, — это достижение справедливого баланса

прав и интересов между всеми участниками общественных отношений.

Именно в силу широкой цифровизации общественной жизнедеятельности и высокого уровня развития информационного общества, беспрепятственного обмена информацией и знаниями в Российской Федерации и практически во всех странах мира в мировом сообществе тенденция широкой цифровизации и информатизации воспринимается как просто должное и обыденное, т.е. как то, что в корне не изменило формы отношений и не создало новых способов взаимоотношений и восприятия информации. Вместе с тем на фоне резкой смены постиндустриального общества информационным с превалированием не производящего сектора экономики, а обслуживающего, а также с бурно развивающимися технологиями и научными достижениями в фундаментальном и прикладном уровнях почему-то еще пока не укоренилась позиция, сводящаяся к тому, что ведь именно потребители информационного и цифрового общества стали, пожалуй, главными экономическими движущими силами и рычагами обслуживающей экономики; именно потребители в цифровой среде являются духовными заказчиками или же источниками вдохновения. В связи с этим следует переосмыслить природу исключительного права с упором на современные условия и признаки информационного и цифрового общества и пересмотреть монополию правообладателя на исключительное право, в особенности негативное правомочие, т.е. правомочие запрещать использование произведения всем другим лицам. Иными словами, необходимо сформировать правовой механизм, позволяющий повысить эффективность контроля не только над игроками и потребителями объектов интеллектуальной собственности, но и над самими правообладателями, для того чтобы не допустить необоснованного и произвольного осуществления правообладателями права запрещать использовать результаты интеллектуальной деятельности и удалять,

⁹ Из-за нарушения прав Bungie блокируют контент даже самой Bungie // URL: https://stopgame.ru/newsdata/52546/iz_zh_narusheniya_prav_bungie_blokiruyut_kontent_dazhe_samoy_bungie (дата обращения: 05.06.2023).

блокировать все, что могло бы содержать абстрактный признак нарушения исключительного права, без разбирательства, обоснования и намерения достичь объективной (учитывающей общественные интересы и новые реалии информационного и цифрового общества), а не субъективной справедливости.

В заключение важно отметить, что данное исследование ставит на обсуждение проблему, заключающуюся в том, что стримеры видеоигры сталкиваются с необоснованной блокировкой контента, созданного путем ее трансляции, или загруженной записи игрового процесса видеоигры, притом что такой контент не направлен на получение коммерческой выгоды (и она фактически не получается) и возник в ходе добросовестного использования в условиях глобального информационного, цифрового общества и быстрого научно-технологического прогресса. Соответственно, добросовестность заключается в том, что стример в процессе стрима и в результате загрузки и публикации записи игрового процесса видеоигры не получил коммерческую выгоду, не осуществил необоснованную и умышленную, намеренную критику, снизившую коммерческую и культурную ценность видеоигры, продемонстрировал потенциальным игрокам (покупателям) ее особенности или игровой

процесс (геймплей), порекомендовал и прорекламирал видеоигру непосредственно самой трансляцией или записью. Таким образом, в настоящей работе предлагается применять в измененном виде вышеописанную доктрину добросовестного использования, объединив с целью получения взаимодополняющего эффекта два института: добросовестного использования и закрытого перечня случаев свободного использования. Помимо этого, в данном исследовании формулируется вышеизложенный механизм и порядок разрешения споров между правообладателем и стримером, а также порядок блокировки правообладателем трансляции видеоигры, осуществленной стримером, т.е. предлагается порядок защиты правообладателем своих прав и интересов, который не замыкается только на нем, а учитывает интересы игроков (стримеров, блогеров) в отношении своих добросовестных стримов, вытекающие из особенностей глобального информационного и цифрового общества в условиях быстрого технологического прогресса, а именно из сложных отношений, сформированных в цифровой среде, которая позволяет беспрепятственно и свободно пользоваться информацией и благами цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Артемяева Е. А.* Правовое регулирование игрового стриминга по российскому законодательству // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2021. — № 3 (33). — С. 112–123.
2. *Калятин О. В.* О перспективах применения в России доктрины добросовестного использования // Закон. — 2015. — № 11. — С. 42–49.
3. *Сулейманов Э. Э., Шульга А. К.* Публичный показ и публичное исполнение как способы использования исключительного права на аудиовизуальное произведение // Эпомен. — 2021. — № 57. — С. 351–358.

Материал поступил в редакцию 7 июня 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Artemeva E. A. Pravovoe regulirovanie igrovogo striminga po rossiyskomu zakonodatelstvu // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. — 2021. — № 3 (33). — S. 112–123.
2. Kalyatin O. V. O perspektivakh primeneniya v Rossii doktriny dobrosovestnogo ispolzovaniya // Zakon. — 2015. — № 11. — S. 42–49.
3. Suleymanov E. E., Shulga A. K. Publichnyy pokaz i publichnoe ispolnenie kak sposoby ispolzovaniya iskluychitel'nogo prava na audiovizualnoe proizvedenie // Epomen. — 2021. — № 57. — S. 351–358.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.071-085

А. О. Афанасьев*

Участие работников в управлении организацией в государствах — членах ЕАЭС: традиции и новации

Аннотация. Статья представляет собой комплексный анализ вопросов участия работников в управлении организацией в рамках Евразийского экономического союза. Автор начинает исследование с истории возникновения права работников на участие в управлении организацией, переходя к анализу современных тенденций в корпоративном управлении, где особое внимание уделяет роли работников в принятии ключевых решений. Подчеркивается, что активное вовлечение работников в управление организацией не только способствует демократизации трудовых отношений, но и прямо коррелирует с повышением производительности труда, улучшением корпоративной культуры и общей удовлетворенностью работой. Через исторический обзор показано развитие идеи участия работников в управлении: начиная с периода зарождения трудового права в средневековой Европе до современных практик в государствах — членах Евразийского экономического союза. Отдельный блок посвящен теоретическим основам участия работников в управлении. Основная часть исследования фокусируется на анализе общих тенденций и национальных особенностей участия работников в управлении организациями в каждом из государств — членов ЕАЭС. В заключение представлены рекомендации по оптимизации механизмов участия работников в управлении на уровне Евразийского экономического союза. Акцентируется внимание на необходимости учета как общих подходов, так и национальных особенностей, а также выявляются ключевые проблемы и вызовы, которые необходимо преодолеть для эффективного внедрения практик участия работников в управлении.

Ключевые слова: участие работников в управлении организацией; ЕАЭС; евразийская интеграция; трудовые отношения; социальное партнерство; форма социального партнерства; работники; профсоюзы; наниматель; работодатель.

Для цитирования: Афанасьев А. О. Участие работников в управлении организацией в государствах — членах ЕАЭС: традиции и новации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 71–85. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.071-085.

© Афанасьев А. О., 2024

* Афанасьев Александр Олегович, аспирант кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета
Независимости пр., д. 4, г. Минск, Республика Беларусь, 220030
alexandrafanassiev@mail.ru

Employees' Participation in Organization Management in the EAEU Member States: Traditions and Innovations

Alexander O. Afanasyev, Postgraduate Student, Department of Civil Procedure and Labor Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
alexandreaafanassiev@mail.ru

Abstract. The paper provides a comprehensive analysis of the issues of employees' participation in administration of an organization within the framework of the Eurasian Economic Union. The author begins the research with the history of the emergence of the right of employees to participate in the management of the organization, moving on to the analysis of current trends in corporate governance, where he pays special attention to the role of employees in making key decisions. It is emphasized that the active involvement of employees in the management of the organization not only contributes to the democratization of labor relations, but also directly correlates with increased labor productivity, improved corporate culture and overall job satisfaction. Through a historical review, the development of the idea of employees' participation in management is shown: starting from the period of the birth of labor law in medieval Europe to modern practices in the member states of the Eurasian Economic Union. A separate section is devoted to the theoretical foundations of employees' participation in management. The main part of the study focuses on the analysis of general trends and national characteristics of employees' participation in the management of organizations in each of the EAEU member States. In conclusion, recommendations are presented concerning optimizing the mechanisms of employees' participation in management at the level of the Eurasian Economic Union. Attention is focused on the need to take into account both common approaches and national characteristics. The author describes key problems and challenges that need to be overcome for the effective implementation of employees' participation practices in management.

Keywords: employees' participation in the management of the organization; EAEU; Eurasian integration; labor relations; social partnership; form of social partnership; employees; trade unions; employer; hirer.

Cite as: Afanasyev AO. Employees' Participation in Organization Management in the EAEU Member States: Traditions and Innovations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):71-85. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.071-085

Введение

В современном мире вопросы корпоративного управления и взаимодействия между работниками и нанимателем (работодателем) в лице уполномоченных ими органов становятся все более актуальными. Особое внимание уделяется механизмам участия работников и их представителей в принятии ключевых решений в организациях. Этот интерес обусловлен не только стремлением к либерализации трудовых отношений, но и пониманием того, что активное участие работников может способствовать повышению эффективности производства и конкурентоспособности организации.

Важность темы участия работников в управлении организацией подтверждается многими исследованиями, которые указывают на пря-

мую связь между уровнем участия работников и производительностью труда, уровнем удовлетворенности работой и корпоративной культурой. В то же время, несмотря на потенциальные преимущества, реализация этой идеи на практике сталкивается с множеством препятствий, связанных как с организационной культурой и структурой управления, так и с внешними факторами.

Рассматриваемая проблема не является исключительно теоретической или академической. Она имеет прямое отношение к практическим аспектам деятельности организаций, влияя на их инновационную активность и социальную ответственность. В условиях глобализации и усиления конкуренции на мировых рынках вопросы взаимодействия между нанимателем (работодателем) и работниками становятся ключевыми.

Современные экономические отношения в глобализированном мире трансформируют системы управления организациями и отношения между нанимателями (работодателями) и работниками. Особого внимания в этом контексте заслуживает Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС), который представляет собой ассоциацию государств, объединенных общими экономическими интересами.

В ЕАЭС стратегическая цель развития социального партнерства и производственной демократии, представляющей собой систему управления организацией, при которой работники участвуют в принятии решений на всех уровнях, заключается в создании сбалансированной системы отношений в социально-трудовой сфере, которая способствовала бы экономическому росту и социальному благополучию.

Особенностью государств — членов ЕАЭС является то, что, несмотря на общие интеграционные процессы и стремление к гармонизации законодательства¹, каждое государство сохраняет свои национальные особенности в области корпоративного управления и отношений в социально-трудовой сфере. Это обусловлено различиями в культурных традициях, уровне экономического и социального развития, влияния профсоюзов и других общественных организаций, что в определенной степени создает дополнительные сложности при попытках создать единую модель участия работников в управлении на уровне ЕАЭС.

В связи с вышеизложенным актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения и анализа форм участия работников в управлении организацией на евразийском экономическом пространстве как для определения общих тенденций и вызовов, так и для выявления национальных особенностей и практик, которые могут быть использованы для повышения эффективности норм, обеспечивающих участие работников в управлении организацией на национальном уровне и в рамках всего ЕАЭС.

Цель исследования — определение динамики и особенностей участия работников в управлении организациями в государствах — членах ЕАЭС на основе комплексного сравнительно-правового анализа традиционных и инновационных подходов, а также разработка рекомендаций по оптимизации и совершенствованию законодательства в данной области, учитывая лучшие практики и теоретические разработки. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

- 1) изучить исторический контекст формирования прав работников на участие в управлении;
- 2) проанализировать существующее законодательство и практику его применения в разных государствах — членах ЕАЭС;
- 3) выявить и сравнить основные модели участия работников в управлении организациями;
- 4) определить основные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются работники при реализации своих прав на участие в управлении.

Для достижения цели исследования применен комплексный подход, включающий анализ научной литературы, изучение нормативных правовых актов государств — членов ЕАЭС, а также обработку данных, полученных в ходе эмпирических исследований различных организаций.

Поскольку вопросы участия работников в управлении организацией тесно связаны с проблемами социального партнерства, корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития, настоящее исследование имеет практико-ориентированный характер и может быть использовано в деятельности государственных органов, субъектов хозяйствования и общественных организаций.

Исторический обзор

Участие работников в управлении организацией имеет долгую и насыщенную историю, корни которой уходят в глубокое прошлое. В различ-

¹ Афанасьев А. О. К вопросу о гармонизации трудового законодательства в условиях интеграции в Евразийском экономическом пространстве // Трудовое и социальное право. 2023. № 1 (45). С. 51.

ных странах и культурах этот процесс развивался по-разному, отражая особенности экономического и социального развития, политической системы и культурных традиций.

В эпоху Средневековья (X–XVIII вв.) идея участия работников в управлении организацией была весьма ограничена. Несмотря на то что формализованного трудового права не существовало, имели место различные обычаи, договоры и гильдейские уставы, которые регулировали рабочие отношения между мастерами и их подмастерьями, а также между членами профессиональных гильдий, устанавливали стандарты условий труда, оплаты, обучения, т.е. выполняли функцию, аналогичную современному трудовому праву.

В указанный период в большинстве государств работники рассматривались как подчиненные, не имеющие права голоса в вопросах управления. Однако даже в эти времена существовали определенные формы участия, такие как ремесленные гильдии в средневековой Европе, которые предоставляли своим членам определенные права и возлагали на них обязанности.

В XIX в. на фоне развития промышленности и урбанизации вопросы трудовых отношений и участия работников в управлении приобрели актуальность, что способствовало формированию трудового права как отдельной отрасли. В этот период начинают активно формироваться профсоюзы, которые выступают в защиту прав и интересов работников. В некоторых странах, таких как Великобритания и Германия, профсоюзы добивались определенных прав на участие в управлении организацией.

Сложившаяся в середине XX в. советская система управления предприятиями и организациями была основана на принципах централизации, плановости и социалистической

собственности. Она отличалась от традиционных капиталистических моделей, акцентируя внимание на социальной справедливости, коллективизме и активном участии работников в управлении.

В СССР была создана уникальная система участия работников в управлении через советы трудовых коллективов. Эти органы предоставляли работникам возможность обсуждать и решать вопросы, касающиеся производства, социального развития и других аспектов деятельности предприятия². Однако, несмотря на формальное право участия в управлении, реальная власть советов трудовых коллективов была ограничена. Большинство ключевых решений принималось на более высоких уровнях управления, а советы часто выполняли роль «передаточного звена» между руководством и работниками³.

Профсоюзы в советский период также играли важную роль в системе управления. Так, Кодекс законов о труде Белорусской Советской Социалистической Республики от 23.06.1972 наделил профсоюзы достаточно широкими полномочиями, предоставив им право участвовать в процессах планирования экономического и социального развития организации, контролировать соблюдение трудовой дисциплины, обеспечивать защиту социалистической собственности, рациональное использование материальных ресурсов, а также участвовать в вопросах организации, нормирования, оплаты труда и распределения фондов экономического стимулирования⁴.

Впрочем, в отличие от профсоюзов в капиталистических странах, советские профсоюзы были тесно связаны с государством и партийными органами, что ограничивало их независимость.

Советская система управления оставила глубокий след в истории и культуре трудового пра-

² Кудрин А. С. Об участии представителей работников в управлении организацией в России: исторический аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2021. № 1 (44). С. 108–109.

³ Пеню Ю. В. О теоретических основаниях участия работников в управлении организацией и трудом // Российский ежегодник трудового права. 2008. № 3. С. 117–118.

⁴ Кодекс законов о труде Белорусской ССР от 23.06.1972 // URL: https://vcpi.nlb.by/static/pdf/kodexy-BSSR/n_18_1972_1.pdf (дата обращения: 23.08.2023).

ва в постсоветских странах. Вместе с тем после распада СССР и перехода к рыночной экономике многие механизмы участия работников в управлении организацией претерпели существенные изменения, были адаптированы к новым реалиям, а некоторые незаслуженно утрачены.

Теоретические основы участия работников в управлении организацией

Участие работников в управлении организацией является сложным и многогранным явлением, которое имеет глубокие теоретические корни. Различные теории и концепции предоставляют разные подходы к пониманию этого явления и его роли в современном обществе.

Одна из ключевых теорий в данной области — теория потребностей А. Маслоу. Согласно указанной теории, одной из основных потребностей человека является потребность в самореализации и признании. Вовлечение работников в управление позволяет удовлетворять такую потребность, создавая условия для роста и развития⁵.

Теория Х и Y Д. Макгрегора также вносит вклад в понимание этой проблемы. По мнению Макгрегора, управленцы, руководствующиеся теорией Х, считают, что работники по своей природе ленивы и нуждаются в строгом контроле, в то время как те, кто придерживается теории Y, полагают, что люди стремятся брать на себя ответственность и быть творческими.

Применение принципов теории Y может способствовать большему участию работников в управлении⁶.

Теория самоуправления, распространенная в скандинавских странах, предполагает, что работники могут эффективно управлять собой и своей работой без строгого контроля со стороны руководства. Примеры успешного применения этой теории можно найти в компаниях, где работники принимают ключевые решения, касающиеся производственного процесса⁷.

Еще одна теория, имеющая отношение к рассматриваемой области, — это теория ожиданий В. Врума. Она утверждает, что поведение человека во многом определяется его ожиданиями относительно вознаграждений за такое поведение. Если работники ожидают, что их участие в управлении будет оценено и вознаграждено, они будут более склонны участвовать в данном процессе⁸.

Э. Мэйо и его коллеги также обнаружили, что социальные и психологические факторы могут оказывать большое влияние на производительность труда, подчеркнув важность участия работников в процессе управления и взаимодействия с ними (теория «человеческих отношений»)⁹.

Таким образом, различные теоретические концепции подчеркивают важность вовлечения работников в управленческий процесс. Участие работников не только повышает их мотивацию, но и способствует более глубокому пониманию и анализу проблем и задач, стоящих перед организацией.

⁵ Андриянова А. А. Вопросы мотивации труда на предприятиях АПК // Наука в исследованиях молодежи — 2016 : материалы студенческой науч. конференции, Лесниково, 20 апреля 2016 г. Курган, 2016. С. 11–12.

⁶ Мухамедзянова Э. А. Стили управления. Дуглас Макгрегор. Теория Х, теория Y в современном мире // Молодой ученый года — 2023 : сборник статей VI Международного научно-исследовательского конкурса, г. Пенза, 30 мая 2023 г. Пенза, 2023. С. 57.

⁷ Emery F., Trist E. The Causal Texture of Organizational Environments // Human Relations. 1965. Vol. 18 (1). P. 26.

⁸ Смирнов В. С., Соколова А. И. Теоретический анализ мотивационных концепций и их применимость в современном производстве // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей XXXIX Междунар. науч.-практ. конференции, г. Пенза, 15 ноября 2020 г. Пенза, 2020. С. 318.

⁹ Панова А. С., Чижанькова И. В. Концепция «человеческих отношений» Элтона Мэйо // Материалы Ивановских чтений. 2017. № 4-1(16). С. 96–97.

Компаративный анализ подходов вовлечения работников в управленческий процесс в государствах — членах ЕАЭС

Основополагающими международно-правовыми актами, определяющими законодательное регулирование участия работников в управлении организацией, являются Конвенция Международной организации труда (далее — МОТ) № 135 «О защите прав представителей работников на предприятии и предоставляемых им возможностях», Конвенция МОТ № 154 «О содействии коллективным переговорам», Рекомендация МОТ № 94 «О консультациях и сотрудничестве между предпринимателями и работниками на уровне предприятия», Рекомендация МОТ № 129 «О связях между администрацией и работниками на предприятии» и др.

На уровне ЕАЭС подобное международно-правовое регулирование труда отсутствует. Вместе с тем государства-члены — Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия — имеют свои национальные особенности в области участия работников в управлении организацией. Рассмотрим ключевые аспекты этой сферы в каждом из государств.

В Республике Армения участие работников в управлении организацией является важным элементом трудовых отношений. Согласно ст. 19 ТК Республики Армения коллектив работников включает в себя всех работников, находящихся в трудовых отношениях с работодателем. Решения принимаются на собраниях или конференциях работников, причем для их правомочности требуется участие определенного числа работников или делегатов. Решения считаются принятыми, если за них проголосовало более половины участников.

Статья 26 подчеркивает обязанность работодателя консультироваться с представителями работников при принятии решений, которые могут повлиять на их правовое положение.

Так, работодатель обязан обратиться за согласием в представительный орган работников при увольнении представителя работников (ст. 119), а также привлекать работников к участию в обсуждении вопросов обеспечения безопасности и здоровья работников представителей работников, в том числе путем создания специальной комиссии по данному вопросу (ст. 223)¹⁰. При этом важно отметить, что по своему правовому статусу «коллектив работников» коррелирует с «трудовым коллективом» времен СССР, выступая в качестве инструмента для обеспечения активного участия работников в управлении организацией и защиты их трудовых прав.

В Армении профсоюзы играют не менее важную роль в участии работников в управлении организацией, обеспечивая эффективное взаимодействие между работниками и работодателями. Согласно ст. 15 Закона Республики Армения от 05.12.2000 № ЗР-135 «О профессиональных союзах» профсоюзы не только представляют и защищают интересы своих членов, но также активно участвуют в формировании и реализации производственных стратегий, предлагают улучшения в условиях труда, внедряя новые технологии и оптимизируя рабочие процессы, активно сотрудничают с работодателями в вопросах стимулирования и поощрения работников¹¹.

Впрочем, следует отметить, что в действительности участие работников в управлении организацией в Армении еще не достигло высокого уровня, находясь в стадии развития. Несмотря на законодательные гарантии, на практике работники сталкиваются с рядом проблем при попытках реализовать свои права на участие в управлении. К ним относятся недостаточная информированность о своих правах, отсутствие гибких механизмов участия работников в управлении организацией, что приводит к конфликтам в правовом регулировании этих отноше-

¹⁰ Трудовой кодекс Республики Армения от 09.11.2004 (с изм. от 14.07.2022) // URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=173461> (дата обращения: 25.08.2023).

¹¹ Закон Республики Армения от 05.12.2000 № ЗР-135 «О профессиональных союзах» (с изм. от 24.10.2006) // URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1504&lang=rus> (дата обращения: 25.08.2023).

ний¹². Однако существуют примеры успешного вовлечения работников в процесс принятия решений в организациях, особенно в секторе услуг и производства. Так, армянская производственная компания ЗАО «Арменал» внедрила онлайн-платформу, на которой каждый сотрудник может предложить свою идею по улучшению производственных процессов. Лучшие идеи ежемесячно награждаются, и многие из них реализуются на практике¹³. ОАО «Энерганорогум» также запустило программу, в рамках которой молодые специалисты могут работать под руководством опытных менторов из других отделов. Это способствует обмену опытом, расширению горизонтов и лучшему пониманию общих корпоративных целей¹⁴.

В Республике Беларусь право работников на участие в управлении организацией является одним из ключевых элементов трудового законодательства. Это право закреплено в ряде нормативных правовых актов.

Согласно системному толкованию ст. 3, 11, 13, 41 Конституции Республики Беларусь, каждый трудящийся имеет право на участие в управлении организацией любой формы собственности, в которых он осуществляет свою трудовую деятельность, с целью повышения эффективности его работы и улучшения социально-экономического уровня жизни, в том числе через представительные органы¹⁵.

ТК Республики Беларусь также содержит ряд статей, регулирующих участие работников в управлении организацией. В частности, ст. 354 предусматривает представительство интересов

работников соответствующими профессиональными союзами и иными представительными органами, которые имеют право участвовать в принятии решений, касающихся интересов работников¹⁶.

Следует отметить, что вопросы формирования иных представительных органов и правового статуса трудового коллектива в ТК Республики Беларусь урегулированы недостаточно, что создает пробелы или неясности в правоприменении.

Решением данной проблемы может служить то, что формально не отмененные Закон СССР от 17.06.1983 «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» и Закон СССР от 04.06.1990 № 1529-1 «О предприятиях в СССР», предоставляющие трудовым коллективам обширные полномочия по участию в управлении организацией, могут применяться в Республике Беларусь в силу Закона Республики Беларусь от 28.05.1999 № 261-3 «О применении на территории Республики Беларусь законодательства СССР» в части, не противоречащей законодательству Республики Беларусь.

Закон Республики Беларусь от 22.04.1992 № 1605-XII «О профессиональных союзах» регламентирует права профсоюзов в следующих сферах: защита трудовых прав (ст. 10), социальная защита (ст. 11) и социальное обеспечение (ст. 17), приватизация (ст. 12), охрана труда (ст. 13), коллективные переговоры и заключение коллективных договоров (ст. 14–15), охрана здоровья (ст. 19) и др.¹⁷

¹² Aleksanyan A. Rethinking the Non-resilience of Trade Unions in Armenia: How to Protect Social Rights and Freedoms of Workers? // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rethinking-the-non-resilience-of-trade-unions-in-armenia-how-to-protect-social-rights-and-freedoms-of-workers> (дата обращения: 25.08.2023).

¹³ Стимулирование инноваций // URL: <https://www.armenal.am/news/innovation-platform-for-employees> (дата обращения: 25.08.2023).

¹⁴ Менторство как инструмент обмена опытом и корпоративного развития // URL: <https://www.energanorogum.am/news/mentorship-for-corporate-growth> (дата обращения: 25.08.2023).

¹⁵ Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 (в ред. от 27.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс: Республика Беларусь».

¹⁶ Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26.07.1999 (в ред. от 29.06.2023) // СПС «КонсультантПлюс: Республика Беларусь».

¹⁷ Закон Республики Беларусь от 22.04.1992 № 1605-XII «О профессиональных союзах» (в ред. от 19.05.2022) // СПС «КонсультантПлюс: Республика Беларусь».

Согласно Закону Республики Беларусь от 09.12.1992 № 2020-XII «О хозяйственных обществах» структура органов управления хозяйственными обществами подлежит строгой регламентации. Тем не менее в соответствии с ч. 4 ст. 51 устав хозяйственного общества может предусматривать обязательное включение в состав совета директоров (наблюдательного совета) представителей работников и (или) профессионального союза. Дополнительно названный Закон не ограничивает возможность участия представителей работников в работе ревизионного органа общества, а также создание иных органов с правом совещательного голоса или внедрение элементов самоуправления для решения социально-бытовых вопросов¹⁸.

На текущий момент в Республике Беларусь участие работников в управлении организацией реализуется исключительно в тех случаях, которые прямо определены законодательством или оговорены в коллективном договоре. Важно подчеркнуть, что здесь речь идет скорее не о формах самоуправления, а о выполнении координационных и консультативных функций в рамках организации. Эти функции в основном касаются вопросов охраны труда и социально-бытовых аспектов, но не затрагивают финансово-хозяйственную деятельность организации, за исключением вопросов, связанных с приватизацией.

В последние годы в Республике Беларусь становится заметной тенденция, при которой наниматели активизируют участие своих работников в управлении организацией. Примером может служить IT-компания «АйДиТи Текнолоджиз», которая предоставила своим сотрудникам воз-

можность приобретения акций компании на льготных условиях. Такой подход не только способствовал укреплению лояльности работников, но и стал инструментом привлечения дополнительных инвестиций для компании¹⁹.

В Республике Казахстан участие работников в управлении организацией приобретает особое значение в контексте модернизации экономики и активизации социального диалога. В последние десятилетия Казахстан активно работает над созданием условий для эффективного участия работников в управлении. Этот процесс опирается на национальное законодательство и практику его применения, а также на международный опыт и рекомендации²⁰.

Казахстанская модель участия работников в управлении базируется на активном диалоге между работниками и работодателями. Согласно ст. 12 ТК Республики Казахстан работодатель обязан учитывать мнение представителей работников при принятии решений, особенно в случаях, прямо предусмотренных коллективным договором или другими соглашениями. Проекты актов работодателя представляются на рассмотрение представителям работников, которые имеют право на обсуждение и высказывание своего мнения в течение пяти рабочих дней²¹.

Кроме того, работники в лице профсоюзов вправе в составе производственного совета по безопасности и охране труда организовывать совместные действия с работодателем по обеспечению требований охраны труда, предупреждению производственного травматизма и профессиональных заболеваний, а также по проведению проверок условий и охраны труда

¹⁸ Закон Республики Беларусь от 09.12.1992 № 2020-XII «О хозяйственных обществах» (в ред. от 18.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс: Республика Беларусь».

¹⁹ Инновационный подход к мотивации сотрудников и привлечению инвестиций // URL: <https://www.idtechnologies.by/news/innovative-approach-to-employee-motivation-and-investment-attraction> (дата обращения: 27.08.2023).

²⁰ Кайшатаева А. К., Карынов Ч. К., Рахимова А. М. Субъекты социально-трудовых отношений в сфере социального партнерства в Республике Казахстан // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. 2019. № 2 (42). С. 41–42.

²¹ Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23.11.2015 (с изм. от 03.09.2023) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832 (дата обращения: 27.08.2023).

на рабочих местах (ст. 16 Закона Республики Казахстан от 27.06.2014 № 211-V «О профессиональных союзах»)²².

Тем не менее, несмотря на наличие законодательных и нормативных актов, которые поддерживают участие работников в управлении, на практике существуют определенные проблемы. В частности, работники не всегда осведомлены о своих правах и возможностях участия в управлении либо сталкиваются с отсутствием эффективных механизмов для реализации этих прав²³.

Участие работников в управлении в Казахстане часто зависит от конкретной организации и ее корпоративной культуры. Одни организации ограничиваются формальным выполнением законодательных требований. Другие же активно вовлекают своих работников в процесс принятия решений, создавая советы работников или проводя регулярные встречи с руководством для обсуждения рабочих процессов, условий труда и дополнительных льгот для работников. Например, в одной из крупных компаний Казахстана ТОО «Астана-Моторс» совет работников регулярно проводит опросы среди персонала, чтобы узнать их мнение об условиях труда и стратегическом направлении компании. Результаты этих опросов обсуждаются на уровне высшего руководства, и многие предложения внедряются на практике²⁴.

В Кыргызской Республике право работников на участие в управлении организацией признается одним из ключевых элементов социального партнерства. Особое внимание уделяется

роли представителей работников в управлении организацией, которые имеют право участвовать в принятии решений, связанных с социально-экономическим развитием и формированием локальных нормативных актов, в том числе через органы управления организации (правление, совет директоров, наблюдательный совет) (ст. 29, 32 ТК Кыргызской Республики; ст. 17 Закона Кыргызской Республики от 16.10.1998 № 130 «О профессиональных союзах»²⁵). Данной нормой корреспондируется обязанность работодателя проводить консультации с представителями работников перед принятием ключевых решений и своевременно информировать их о результатах обсуждений (ст. 33)²⁶.

Таким образом, положения трудового законодательства Кыргызской Республики являются ярким свидетельством стремления к максимальной реализации права работников на участие в управлении организацией, обеспечивая их активное вовлечение в процесс принятия ключевых решений.

В реальной практике многие работники не участвуют в принятии ключевых решений. Это связано прежде всего с рядом организационных барьеров, таких как проблемы при попытке создать профсоюз или другой орган самоуправления, отсутствие эффективных механизмов взаимодействия между руководством и работниками, что приводит к конфликтам и недопониманию, негативно сказывается на общей производительности труда и мотивации работников²⁷.

²² Закон Республики Казахстан от 27.06.2014 № 211-V «О профессиональных союзах» (с изм. от 18.04.2023) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31571953 (дата обращения: 27.08.2023).

²³ Доклад «Нарушения прав работников в Казахстане» // URL: <https://www.hrw.org/ru/report/2016/11/24/296535> (дата обращения: 28.08.2023).

²⁴ Формирование стратегии предприятия и улучшение условий труда // URL: <https://www.astana-motors.kz/news/employee-feedback-in-strategy-formation> (дата обращения: 28.08.2023).

²⁵ Закон Кыргызской Республики от 16.10.1998 № 130 «О профессиональных союзах» (с изм. от 04.08.2004) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/137?cl=ru-ru> (дата обращения: 30.08.2023).

²⁶ Трудовой кодекс Кыргызской Республики от 04.08.2004 (в ред. от 23.12.2022) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1505> (дата обращения: 30.08.2023).

²⁷ Кыргызские профсоюзы борются за соблюдение основных стандартов в сфере труда // URL: <https://www.industrial-union.org/ru/kyrgyzskie-profsoyuzy-boryutsya-za-soblyudenie-osnovnyh-standartov-v-sfere-truda> (дата обращения: 30.08.2023).

Тем не менее существуют и положительные примеры реализации прав работников на участие в управлении. Так, благодаря ежемесячным встречам руководства с работниками, где обсуждаются текущие проблемы и предложения по их решению, на текстильной фабрике «Декна Бишкек Текстиль» снижено число конфликтов на рабочем месте, повышена производительность труда, улучшено качество продукции²⁸.

Участие работников в управлении организацией в Российской Федерации является актуальной и обсуждаемой темой. Эта форма социального партнерства находит свое отражение не только в ТК РФ, но и в ряде других законодательных актов, регулирующих трудовые отношения, предоставляя работникам широкие возможности.

В ТК РФ, в отличие от трудовых кодексов других государств — членов ЕАЭС, конкретизированы и закреплены формы участия работников в управлении организацией. Это является отличительной особенностью и спецификой регулирования трудовых отношений в Российской Федерации с акцентом на детализацию механизмов участия работников в управленческом процессе. Так, согласно ст. 53 ТК РФ представители работников имеют право на участие в принятии решений, касающихся социально-экономического развития, формирования локальных нормативных актов и других аспектов деятельности организации, включая обсуждение планов социально-экономического развития, участие в разработке коллективных договоров и участие в заседаниях коллегиального органа управления с правом совещательного голоса.

Дополняя вышеуказанное, ст. 53.1 ТК РФ уточняет, что право участия представителей работников в заседаниях коллегиального органа управления может быть установлено не только ТК РФ, но и другими федеральными законами, учредительными и внутренними документами

организации, а также коллективным договором. При этом представители работников, участвующие в таких заседаниях, обязаны соблюдать конфиденциальность и не разглашать охраняемую законом тайну.

Еще одна форма участия работников в управлении — распределение прибыли (доходов) организации — упоминается в Федеральном законе от 08.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах», где указано, что часть прибыли кооператива может делиться между наемными работниками по решению общего собрания. В Федеральном законе от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» также предусматривается, что общества могут формировать фонд акционирования из прибыли для покупки акций у продававших их акционеров. Эти акции потом могут быть распределены среди работников согласно условиям устава. По такому принципу, работники становятся совладельцами компании, что дает им право на долю в прибыли и голос на собрании акционеров. Подобная модель социального партнерства базируется на желании работодателя совместить интересы работников и компании²⁹.

Кроме того, ТК РФ предусматривает возможность создания производственных советов, формируемых на добровольной основе из работников организации, которые обычно имеют значительные достижения в своей профессиональной деятельности. Основной задачей производственного совета является подготовка предложений по совершенствованию производственной деятельности, внедрению новых технологий, повышению производительности труда и квалификации работников (ч. 1 ст. 22 ТК РФ). Вместе с тем российское законодательство рассматривает производственный совет исключительно как факультативный совещательный орган: его создание зависит от решения работодателя, и он не может заниматься

²⁸ Диалог руководства и сотрудников как ключ к успеху // URL: <https://www.dekna-bishkek-textile.kg/news/dialogue-for-success> (дата обращения: 30.08.2023).

²⁹ Дубаневич Л. Э. Взаимосвязь социального партнерства и участия работников в управлении организацией // Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях : материалы II Междунар. науч.-практ. конференции, г. Москва, 28 октября 2019 г. / отв. ред. И. Л. Сурат. М. : Дашков и К, 2019. С. 93–94.

вопросами представительства и защиты социально-трудовых прав работников.

Следует отметить, что многие российские компании активно включают своих работников в процесс управления, придавая особое значение их мнению и предложениям. К примеру, в компании «ЛУКОЙЛ» сотрудники через систему корпоративной культуры и внутренних коммуникаций активно вовлекаются в обсуждение стратегических и тактических решений компании³⁰. Компания «Яндекс» также известна своими корпоративными мероприятиями, где топ-менеджмент отчитывается перед всеми сотрудниками о ходе выполнения ключевых задач, а сотрудники имеют возможность задавать вопросы и высказывать свои предложения³¹.

Заключение

Системный анализ подходов к участию работников в управлении организацией в государствах — членах ЕАЭС выявил ряд общих тенденций, а также специфические особенности, которые формировались под влиянием исторического развития, культурных традиций и экономической ситуации в каждой из стран.

Все государства уделяют значительное внимание правовому регулированию представительства интересов работников, особо подчеркивая важность роли профсоюзов как ключевого инструмента в обеспечении диалога между работниками и нанимателями (работодателями). Тем не менее вопросы формирования и деятельности иных представительных органов, не связанных с профсоюзами, остаются недостаточно урегулированными, что создает предпосылки для совершенствования законодательной базы.

Несмотря на наличие законодательных рамок, реальная практика демонстрирует ряд проблем. Среди них недостаточная информированность работников о своих правах, сложности организационного характера, нежела-

ние со стороны нанимателей (работодателей) вовлекать сотрудников в процесс принятия управленческих решений, недостаточное правовое регулирование форм участия работников в управлении, отсутствие закрепления правового статуса трудового коллектива в законодательстве. Производственная демократия в ЕАЭС развивается в различных направлениях. В Беларуси, Казахстане и России активно продвигаются новые законодательные инициативы и программы в рассматриваемой сфере, в то время как Армения и Кыргызстан только начинают активное движение в данном направлении, преодолевая организационные и культурные барьеры. Все это подчеркивает важность и актуальность производственной демократии как инструмента для укрепления социального диалога и взаимодействия между работниками и нанимателями (работодателями) в евразийском регионе.

Для решения вышеуказанных проблем необходим комплексный подход.

Поддержка со стороны нанимателя (работодателя), активное продвижение идеи участия работников в принятии решений способствует созданию благоприятного климата для вовлечения работников в управленческий процесс. В свою очередь правовое регулирование этих вопросов обеспечит защиту интересов работников, исключив возможные правовые коллизии и амбивалентные толкования на практике.

Целесообразно внедрять современные технологии, такие как внутренние порталы, мобильные приложения или социальные сети, для обеспечения постоянного диалога между работниками и нанимателем (работодателем). Эти платформы позволят работникам делиться идеями, предложениями и замечаниями, а нанимателю (работодателю) — оперативно реагировать на них. Ключевой момент здесь — обеспечение прозрачности и открытости процесса, чтобы каждый работник чувствовал, что его мнение ценно и может быть учтено.

³⁰ Активное участие сотрудников в формировании стратегии и тактики компании // URL: <https://www.lukoil.ru/news/employee-engagement-in-strategic-decisions> (дата обращения: 02.09.2023).

³¹ Прозрачность и взаимодействие топ-менеджмента с командой // URL: <https://www.yandex.ru/company/news/transparency-and-team-engagement> (дата обращения: 02.09.2023).

Из проведенного анализа следует, что как на уровне ЕАЭС, так и в законодательстве практически всех государств-членов, кроме Российской Федерации, вопрос взаимоотношений работников и нанимателя (работодателя) в области совместного и равноправного участия в управлении организацией системно не урегулирован, в том числе отсутствуют нормативно закрепленные формы участия работников в управлении организацией.

В этой связи, учитывая направленность государств — членов ЕАЭС на гармонизацию национальных систем трудового законодательства путем принятия унифицированной модели единого регулирования трудовых и тесно связанных с ними правоотношений — Основ трудового законодательства государств — членов ЕАЭС³², для устранения существующего пробела в правовом регулировании реализации права работников на управление организацией и легального закрепления ключевых дефиниций при создании указанных Основ ЕАЭС рабочей группе (разработчикам) необходимо учесть следующее.

Участие работника в управлении организацией — форма социального партнерства, предоставляющая работникам право на информирование, консультации и участие в коллективном или индивидуальном принятии решений на уровне организации, касающихся его трудовой деятельности, условий труда, других вопросов трудовых и социально-экономических отношений, прямо влияющих на правовое положение работника в процессе организации и применения наемного труда.

Работники имеют право участвовать в управлении организацией на основе демократических принципов, в том числе через выборные представительные органы, а также путем непосредственного воздействия на принимаемые решения.

Порядок выбора представителей работников в органы управления организацией, а также их полномочия определяются коллективным договором и (или) локальными правовыми актами.

Формы участия работников в управлении организацией:

- участие в принятии решений по вопросам, касающимся условий труда, социально-бытовых условий, и другим вопросам, установленным законодательством или коллективным договором;

- участие в коллективных переговорах, заключении, изменении и дополнении коллективного договора;

- участие в обеспечении охраны труда и защите трудовых прав;

- участие в различных советах, комитетах, комиссиях и других органах, создаваемых в рамках организации;

- участие в разработке и принятии локальных правовых актов, регулирующих социально-трудовые вопросы;

- иные формы, предусмотренные законодательством государства-члена и коллективным договором.

Работник имеет право направлять предложения по совершенствованию деятельности организации, условий и охраны труда. Наниматель (работодатель) должен рассмотреть такие предложения в срок не более 15 дней и уведомить работника о принятом решении.

Работникам, участвующим в управлении организацией, предоставляются гарантии и компенсации, предусмотренные законодательством государства-члена, коллективным договором и локальными правовыми актами нанимателя (работодателя).

Наниматель (работодатель) обязан обеспечить создание условий для участия работников в принятии решений, связанных с условиями труда, социально-экономическими аспектами деятельности организации и иными вопросами, влияющими на интересы работников.

Нарушение нанимателем (работодателем) прав работников на участие в управлении организацией влечет за собой ответственность в порядке, предусмотренном законодательством государства-члена.

Внесенные предложения на уровне ЕАЭС будут способствовать не только закреплению в качестве базовой модели, но и расширению возможности работника на реализацию

³² Афанасьев А. О. Указ. соч. С. 54.

своего права на участие в управлении организацией.

Одновременно с этим в целях разработки системного подхода к вопросу участия работников в управлении организацией ТК Республики Беларусь представляется необходимым дополнить ст. 11.1 «Участие работников в управлении организацией», закрепив легальную дефиницию понятия «участие работника в управлении организацией», а также примерный перечень форм такого участия.

Предложенная модель будет стимулировать не только теоретическое осмысление концепции производственной демократии, но и ее практическое применение, укрепляя социальное партнерство и взаимодействие между ра-

ботниками и нанимателями (работодателями) на уровне организации.

В заключение сто́ит подчеркнуть, что активное участие работников в управлении способствует увеличению уровня производительности труда и, как следствие, может стать решающим фактором устойчивого и инновационного развития экономики государств — членов ЕАЭС. С принятием соответствующих мер и созданием поддерживающего климата организации смогут выстроить эффективные и гармоничные системы управления, в которых каждый работник будет чувствовать свою значимость и вклад. При этом ключевым в данном процессе является стремление нанимателя (работодателя) видеть в своих работниках партнеров, а не просто исполнителей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Активное участие сотрудников в формировании стратегии и тактики компании // URL: <https://www.lukoil.ru/news/employee-engagement-in-strategic-decisions> (дата обращения: 02.09.2023).
2. Андриянова А. А. Вопросы мотивации труда на предприятиях АПК // Наука в исследованиях молодежи — 2016 : материалы студенческой науч. конференции, Лесниково, 20 апреля 2016 г. — Курган, 2016. — С. 10–12.
3. Афанасьев А. О. К вопросу о гармонизации трудового законодательства в условиях интеграции в Евразийском экономическом пространстве // Трудовое и социальное право. — 2023. — № 1 (45). — С. 50–55.
4. Диалог руководства и сотрудников как ключ к успеху // URL: <https://www.dekna-bishkek-textile.kg/news/dialogue-for-success> (дата обращения: 30.08.2023).
5. Доклад «Нарушения прав работников в Казахстане» // URL: <https://www.hrw.org/ru/report/2016/11/24/296535> (дата обращения: 28.08.2023).
6. Дубаневич Л. Э. Взаимосвязь социального партнерства и участия работников в управлении организацией // Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях : материалы II Междунар. науч.-практ. конференции, Москва, 28 октября 2019 г. / отв. ред. И. Л. Сурат. — М. : Дашков и К, 2019. — С. 91–99.
7. Инновационный подход к мотивации сотрудников и привлечению инвестиций // URL: <https://www.idtechnologies.by/news/innovative-approach-to-employee-motivation-and-investment-attraction> (дата обращения: 27.08.2023).
8. Кайшатаева А. К., Карынов Ч. К., Рахимова А. М. Субъекты социально-трудовых отношений в сфере социального партнерства в Республике Казахстан // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. — 2019. — № 2 (42). — С. 39–43.
9. Кудрин А. С. Об участии представителей работников в управлении организацией в России: исторический аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». — 2021. — № 1 (44). — С. 104–111.
10. Кыргызские профсоюзы борются за соблюдение основных стандартов в сфере труда // URL: <https://www.industriall-union.org/ru/kyrgyzskie-profsoyuzy-boryutsya-za-soblyudenie-osnovnyh-standartov-v-sfere-truda> (дата обращения: 28.08.2023).

11. Менторство как инструмент обмена опытом и корпоративного развития // URL: <https://www.energanorogum.am/news/mentorship-for-corporate-growth> (дата обращения: 25.08.2023).
12. Мухамедзянова Э. А. Стили управления. Дуглас Макгрегор. Теория X, теория Y в современном мире // Молодой ученый года — 2023 : сборник статей VI Международного научно-исследовательского конкурса, г. Пенза, 30 мая 2023 г. — Пенза, 2023. — С. 55–59.
13. Панова А. С., Чижанькова И. В. Концепция «человеческих отношений» Элтона Мэйо // Материалы Ивановских чтений. — 2017. — № 4-1(16). — С. 93–99.
14. Пенов Ю. В. О теоретических основаниях участия работников в управлении организацией и трудом // Российский ежегодник трудового права. — 2008. — № 3. — С. 113–126.
15. Прозрачность и взаимодействие топ-менеджмента с командой // URL: <https://www.yandex.ru/company/news/transparency-and-team-engagement> (дата обращения: 02.09.2023).
16. Смирнов В. С., Соколова А. И. Теоретический анализ мотивационных концепций и их применимость в современном производстве // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей XXXIX Междунар. науч.-практ. конференции, г. Пенза, 15 ноября 2020 г. — Пенза, 2020. — С. 317–320.
17. Стимулирование инноваций // URL: <https://www.armenal.am/news/innovation-platform-for-employees> (дата обращения: 25.08.2023).
18. Формирование стратегии предприятия и улучшение условий труда // URL: <https://www.astana-motors.kz/news/employee-feedback-in-strategy-formation> (дата обращения: 28.08.2023).
19. Aleksanyan A. Rethinking the Non-resilience of Trade Unions in Armenia: How to Protect Social Rights and Freedoms of Workers? // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rethinking-the-non-resilience-of-trade-unions-in-armenia-how-to-protect-social-rights-and-freedoms-of-workers> (дата обращения: 25.08.2023).
20. Emery F., Trist E. The Causal Texture of Organizational Environments // Human Relations. — 1965. — Vol. 18 (1). — P. 21–32.

Материал поступил в редакцию 21 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aktivnoe uchastie sotrudnikov v formirovanii strategii i taktiki kompanii // URL: <https://www.lukoil.ru/news/employee-engagement-in-strategic-decisions> (дата обращения: 02.09.2023).
2. Andriyanova A. A. Voprosy motivatsii truda na predpriyatiyakh APK // Nauka v issledovaniyakh molodezhi — 2016: materialy studencheskoy nauch. konferentsii, Lesnikovo, 20 aprelya 2016 g. — Kurgan, 2016. — S. 10–12.
3. Afanasev A. O. K voprosu o garmonizatsii trudovogo zakonodatelstva v usloviyakh integratsii v Evraziyskom ekonomicheskom prostranstve // Trudovoe i sotsialnoe pravo. — 2023. — № 1 (45). — S. 50–55.
4. Dialog rukovodstva i sotrudnikov kak klyuch k uspekhu // URL: <https://www.dekna-bishkek-textile.kg/news/dialogue-for-success> (дата обращения: 30.08.2023).
5. Doklad «Narusheniya prav rabotnikov v Kazakhstane» // URL: <https://www.hrw.org/ru/report/2016/11/24/296535> (дата обращения: 28.08.2023).
6. Dubanevich L. E. Vzaimosvyaz sotsialnogo partnerstva i uchastiya rabotnikov v upravlenii organizatsiy // Aktualnye problemy razvitiya ekonomiki i upravleniya v sovremennykh usloviyakh: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii, Moskva, 28 oktyabrya 2019 g. / otv. red. I. L. Surat. — M.: Dashkov i K, 2019. — S. 91–99.
7. Innovatsionnyy podkhod k motivatsii sotrudnikov i privilecheniyu investitsiy // URL: <https://www.idtechnologies.by/news/innovative-approach-to-employee-motivation-and-investment-attraction> (дата обращения: 27.08.2023).

8. Kayshataeva A. K., Karynov Ch. K., Rakhimova A. M. Subekty sotsialno-trudovykh otnosheniy v sfere sotsialnogo partnerstva v Respublike Kazakhstan // Vestnik Kazakhskogo gumanitarno-yuridicheskogo innovatsionnogo universiteta. — 2019. — № 2 (42). — S. 39–43.
9. Kudrin A. S. Ob uchastii predstaviteley rabotnikov v upravlenii organizatsiy v Rossii: istoricheskiy aspekt // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2021. — № 1 (44). — S. 104–111.
10. Kyrgyzskie profsoyuzy boryutsya za soblyudenie osnovnykh standartov v sfere truda // URL: <https://www.industrial-union.org/ru/kyrgyzskie-profsoyuzy-boryutsya-za-soblyudenie-osnovnykh-standartov-v-sfere-truda> (data obrashcheniya: 28.08.2023).
11. Mentorstvo kak instrument obmena opytom i korporativnogo razvitiya // URL: <https://www.energanorogum.am/news/mentorship-for-corporate-growth> (data obrashcheniya: 25.08.2023).
12. Mukhamedzhanova E. A. Stili upravleniya. Duglas Makgregor. Teoriya X, teoriya Y v sovremennom mire // Molodoy uchenyy goda — 2023: sbornik statey VI Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa, g. Penza, 30 maya 2023 g. — Penza, 2023. — S. 55–59.
13. Panova A. S., Chizhankova I. V. Kontseptsiya «chelovecheskikh otnosheniy» Eltona Meyo // Materialy Ivanovskikh chteniy. — 2017. — № 4-1(16). — S. 93–99.
14. Penov Yu. V. O teoreticheskikh osnovaniyakh uchastiya rabotnikov v upravlenii organizatsiy i trudom // Rossiyskiy ezhegodnik trudovogo prava. — 2008. — № 3. — S. 113–126.
15. Prozhachnost i vzaimodeystvie top-menedzhmenta s komandoy // URL: <https://www.yandex.ru/company/news/transparency-and-team-engagement> (data obrashcheniya: 02.09.2023).
16. Smirnov V. S., Sokolova A. I. Teoreticheskiy analiz motivatsionnykh kontseptsiy i ikh primenimost v sovremennom proizvodstve // Fundamentalnye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktualnye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sbornik statey XXXIX Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii, g. Penza, 15 noyabrya 2020 g. — Penza, 2020. — S. 317–320.
17. Stimulirovanie innovatsiy // URL: <https://www.armenal.am/news/innovation-platform-for-employees> (data obrashcheniya: 25.08.2023).
18. Formirovanie strategii predpriyatiya i uluchshenie usloviy truda // URL: <https://www.astana-motors.kz/news/employee-feedback-in-strategy-formation> (data obrashcheniya: 28.08.2023).
19. Aleksanyan A. Rethinking the Non-resilience of Trade Unions in Armenia: How to Protect Social Rights and Freedoms of Workers? // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rethinking-the-non-resilience-of-trade-unions-in-armenia-how-to-protect-social-rights-and-freedoms-of-workers> (data obrashcheniya: 25.08.2023).
20. Emery F., Trist E. The Causal Texture of Organizational Environments // Human Relations. — 1965. — Vol. 18 (1). — P. 21–32.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.086-101

С. В. Ерчак*

Иски корпорации, предъявляемые ее участниками

Аннотация. Защита прав и правовых интересов может осуществляться корпорацией в лице ее участников, а также членов органов управления. В юридической литературе иски, предъявляемые участниками корпорации в защиту ее прав и правовых интересов, традиционно именуются косвенными (производными). Вместе с тем косвенные иски первоначально не свойственны российскому правопорядку. Они возникли в англосаксонском праве, где возможность предъявления прямых исков участников (direct suits) является исключением из общего правила и связана с невозможностью достижения целей правовой защиты путем предъявления иска самой корпорацией в лице участника (derivative suit). Представляется не совсем корректным именовать иски корпорации в случае, если они предъявляются участником, косвенными, поскольку корпорация — самостоятельный субъект права, а российское корпоративное право на современном этапе развития не допускает предъявления участниками корпорации прямых исков, минуя саму корпорацию. С учетом изложенного отсутствует необходимость выделения косвенного иска в отдельную категорию, поскольку данный иск направлен на защиту прав и правовых интересов непосредственного субъекта спорного материального правоотношения.

Ключевые слова: корпорация; косвенный иск; производный иск; защита субъективных прав и правовых интересов корпорации; обязательственное правоотношение; прямой иск; корпоративное право; участник корпорации; оспаривание сделок; взыскание убытков.

Для цитирования: Ерчак С. В. Иски корпорации, предъявляемые ее участниками // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 86–101. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.086-101.

Corporate Suits Brought by Corporate Members

Sergey V. Yerchak, Postgraduate Student, Department of Business and Corporate Law,
Russian State University of Justice under the Supreme Court of the Russian Federation (Moscow);
Head of the M&A Department, PAO Moscow Exchange MICEX-RTS, Moscow, Russian Federation
Sergei.Erchak@moex.com

Abstract. The protection of rights and legal interests can be carried out by the corporation in the person of its participants, as well as members of management bodies. In the legal literature, claims brought by members of

---

© Ерчак С. В., 2024

* *Ерчак Сергей Владимирович*, аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия при Верховном Суде Российской Федерации (г. Москва), руководитель направления правового сопровождения сделок по слияниям и поглощениям ПАО «Московская биржа ММВБ-РТС»
Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418
Sergei.Erchak@moex.com

a corporation in defense of its rights and legal interests are traditionally referred to as indirect (derivative). At the same time, indirect suits are initially not typical of the Russian legal order. They originated in Anglo-Saxon law, where there is a dichotomous division into direct suits of participants (direct suits), the possibility of which is an exception to the general rule and is associated with the inability to achieve the goals of legal protection by suing the corporation itself in the person of the participant (derivative suit). It does not seem entirely correct to call the suits brought by a corporation, if they are brought by a participant, indirect, since the corporation is an independent subject of law, and Russian corporate law at the present stage of development does not provide for the possibility of direct claims by the participants of the corporation, bypassing the corporation itself. Taking into account the above, there is no need to separate an indirect claim into a separate category, since this claim is aimed at protecting the rights and legal interests of the direct subject of a disputed substantive legal relationship.

Keywords: corporation; indirect claim; derivative claim; protection of rights and legal interests of the corporation; legal relationship of obligations; direct claim; corporate law; participant of the corporation; challenging transactions; recovery of damages.

Cite as: Yerchak SV. Corporate Suits Brought by Corporate Members. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):86-101. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.086-101

Введение

С развитием гражданского права и поэтапным реформированием процессуального законодательства косвенный иск, характерный в том числе для корпоративного права современной России, несомненно, стал одним из инструментов защиты прав и правовых интересов корпорации (далее также — общество). Д. Пушняк (D. Puchniak) и Х. Баум (H. Baum) справедливо назвали такой иск «потенциальным лекарством от болезней корпоративного управления»¹.

Вместе с тем сущность косвенного иска во многом остается весьма интересной для изучения. Несмотря на большое количество научных работ, посвященных указанной теме как в российском, так и в зарубежном праве, не будет лишним еще раз проанализировать особенности иска корпорации, предъявляемого ее участником, и сделать некоторые выводы.

1. Критерии выделения косвенного иска

В юридической литературе длительное время ведутся дискуссии о понятии и критериях иска корпорации, предъявляемого ее участником². Основными причинами появления косвенного иска, по мнению Б. А. Журбина, являются 1) «распыление» акционерного капитала между многочисленными миноритарными акционерами; 2) усиление контроля над корпорацией со стороны менеджмента, который зачастую действовал в ущерб интересам корпорации³.

В. В. Ярков, обосновывая особое место косвенного иска в системе исковой защиты, указывает, что выделение данной группы исков в отдельную категорию обусловлено характером защищаемого интереса и личностью выгодоприобретателя⁴. Косвенный иск подается участником в целях защиты прав и правовых интересов корпорации, являющейся в данном случае непосредственным выгодоприобретателем. Вместе с тем, предъявляя иск, участник корпо-

¹ Puchniak D., Baum H., Ewing-Chow M. *The Derivative Action in Asia: A Comparative and Functional Approach*. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 1.

² См.: Колесов П. П. Процессуальные средства защиты права. В. Новгород, 2004. С. 75–93 ; Осокина Г. Л. Чьи права защищаются косвенными исками? // Российская юстиция. 1999. № 10. С. 18–19 ; Аболонин Г. О. Групповые иски. М. : Норма, 2001. С. 93–102.

³ Журбин Б. А. Групповые и производные иски в судебно-арбитражной практике. М., 2008. С. 42–44.

⁴ Ярков В. В. Косвенные иски: проблемы теории и практики // Корпоративный юрист. 2007. № 11. С. 52.

рации косвенно (опосредованно) защищает и принадлежащие лично ему субъективные права и правовые интересы⁵.

Г. О. Аболонин, пусть и именуя иск корпорации, предъявляемый ее участником, производным, указывает, что «обращаясь в защиту права корпорации с производным иском, акционер защищает не только интересы корпорации, но и свои собственные права и интересы, так как он является акционером настоящей корпорации, а следовательно, заинтересован в надлежащем управлении ее делами и росте доходов по акциям, собственником которых он является»⁶. Аналогичным образом осуществляется разграничение косвенного иска (*derivative suit*) и прямого иска (*direct suit*) в зарубежной литературе⁷.

Рассматривая споры по искам корпораций, предъявляемым их участниками на основании ст. 53.1 и 65.2 ГК РФ⁸, суды равным образом отмечают, что предъявление такого иска связано с косвенной (опосредованной) защитой интереса, принадлежащего участнику корпорации. Интерес участника выражается в недопущении причинения ущерба корпорации как субъекту гражданско-правового отношения⁹.

Таким образом, и в доктрине, и в правоприменительной практике иск именуется косвенным по причине опосредованной защиты прав и правовых интересов участника корпорации в результате предъявления такого иска. Вместе с

тем с подобным обоснованием нельзя согласиться по нескольким причинам.

Во-первых, опосредованная защита правового интереса участника корпорации в результате предъявления им косвенного иска не является достаточно веским основанием для выделения таких исков в самостоятельную группу применительно к отечественному праву. Стоит подержать мнение А. А. Кузнецова, который указывает, что косвенная (опосредованная) защита прав и правовых интересов участника в данном случае «скорее объясняет, почему предоставляется возможность заявить такой иск, чем указывает на его особенности»¹⁰. Действительно, было бы странно, если право на предъявление иска предоставлялось бы лицу, которое не имеет в этом интереса.

Во-вторых, правовой интерес отдельно взятого участника неразрывно связан с обеспечением нормальной деятельности корпорации. Именно по этой причине акционеру и принадлежат следующие корпоративные права: 1) избирать и прекращать полномочия членов органов управления корпорации (*appointment right*); 2) принимать управленческие решения (*decision right*) по всем вопросам, связанным с любыми существенными изменениями в деятельности корпорации (*fundamental changes*); 3) одобрять (*ratification*) различные сделки корпорации¹¹. Интерес участника в нормальной деятельности

⁵ См.: Ярков В. В. Защита прав акционеров по Закону «Об акционерных обществах» с помощью косвенных исков // *Хозяйство и право*. 1997. № 11 ; *Он же*. Особенности рассмотрения дел по косвенным искам // *Юрист*. 2000. № 11.

⁶ Аболонин Г. О. Производные иски // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2014. № 3. С. 55.

⁷ См.: *Tanguay J. Minority Shareholders and Direct Suits in Closely Held Corporations Where Derivative Suits Are Impractical: Durham v. Durham* // *The University of New Hampshire Law Review*. 2009. Vol. 5. No. 3. P. 470 ; *Davis K. B. The Forgotten Derivative Suit* / *University of Wisconsin Law School. Research Paper No. 1055*. 2007. P. 85–86.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // *СЗ РФ*. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁹ См.: постановления Арбитражного суда Уральского округа от 13.07.2022 по делу № А07-29090/2020 ; Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.06.2020 по делу № А02-686/2018 ; Арбитражного суда Московского округа от 26.06.2020 по делу № А41-95121/2018 ; Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 10.09.2020 по делу № А33-14756/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Кузнецов А. А. Косвенные иски в корпоративном праве России: материально-правовой аспект // *Закон*. 2020. № 11. С. 77.

¹¹ *Kraakman R., Armour J., Davies P. et al. The Anatomy of Corporate Law*. Oxford, 2017. P. 49–77.

корпорации не является чем-то экстраординарным, позволяющим говорить об исключительной природе рассматриваемого иска.

В-третьих, опосредованная защита правового интереса участника может проявляться в увеличении рыночной стоимости (доходности) принадлежащих ему акций¹². Однако такой подход представляется сомнительным, поскольку предъявление косвенного иска и рост рыночной стоимости (доходности) принадлежащих участнику акций не имеют очевидной причинно-следственной связи. Существенное влияние на рыночную стоимость акций, а также потенциальный доход, который может получить участник, также оказывают внешние факторы, неподвластные ни корпорации, ни ее участнику (например, состояние экономики, эпидемиологическая обстановка, геополитические факторы и т.п.). Кроме того, даже если предъявление участником корпорации иска в защиту прав и интересов последней приведет к увеличению рыночной стоимости и доходности акций, принадлежащих участнику, в большинстве случаев такой рост будет незначительным и может нивелироваться затратами, которые акционер вынужден понести в процессе рассмотрения спора¹³. Дело в том, что зачастую размер расходов на оплату услуг представителя, а также сумм, присужденных в пользу корпорации по итогам рассмотрения спора, несоизмеримо мал по сравнению с вредом от многолетних судебных разбирательств, которые, к тому же, могут существенно затруднить деятельность корпорации и стать причиной серьезных корпоративных конфликтов.

Не соглашаясь с косвенным характером иска корпорации, ряд других исследователей полагают целесообразным именовать такой иск

производным¹⁴. Производный характер такого иска обосновывается Е. И. Чугуновой тем, что «правомочие участника предъявить от имени и в интересах организации иск *производно от правомочия организации* на защиту собственных интересов (выделено мной. — С. Е.)»¹⁵. С позицией Е. И. Чугуновой можно согласиться лишь в той части, в какой из нее следует логический вывод о непосредственной принадлежности защищаемого субъективного права самой корпорации (если право участника производно, то право корпорации — *первично*). Однако представляется неверным вывод о том, что производность права участника на предъявление иска позволяет говорить о его особой природе, поскольку участник корпорации действует в качестве члена органа управления, а потому предъявление такого иска следует понимать как действие самой корпорации в силу ее физической недетерминированности. Правовой статус конкретного лица, предъявляющего иск, не может и не должен влиять на квалификацию иска.

Некоторые исследователи, предпринимая попытку дать авторскую трактовку иска корпорации, предъявляемого ее участником, а также его места в системе исковой защиты, заходили в своих изысканиях гораздо дальше и называли такой иск корпоративным¹⁶, опираясь исключительно на возможную сферу его применения. Так, Г. Л. Осокина отмечает, что производный иск применяется в области корпоративных правоотношений как «внутренних (внутриорганизационных, внутрифирменных) отношений, складывающихся между корпорацией и ее членами (участниками) по поводу осуществления совместной деятельности ради достижения общей (корпоративной) экономической цели»¹⁷. Рассуждая далее, Г. Л. Осокина отвергает кон-

¹² *Tanguay J.* Op cit. P. 470.

¹³ *Thomas R., Thompson R.* The Public and Private Faces of Derivative Lawsuits // *Vanderbilt Law Review.* 2004. Vol. 57. No. 5. P. 1758.

¹⁴ См.: *Чугунова Е. И.* Производные иски в гражданском и арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 9, 13 ; *Она же.* Производные иски в России и за рубежом // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2003. № 3. С. 41–47.

¹⁵ *Чугунова Е. И.* Производные иски в гражданском и арбитражном процессе. С. 9.

¹⁶ См.: *Колесов П. П.* Указ. соч. С. 90 ; *Осокина Г. Л.* Иск (теория и практика). М., 2000. С. 90–95.

¹⁷ *Осокина Г. Л.* Проблемы иска и права на иск : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1989. С. 92.

цепцию косвенных и производных исков, указывая, что «субъекты корпоративных отношений, выступая носителями общего и частных корпоративных интересов, могут использовать для защиты своих корпоративных прав и законных интересов иск, который целесообразно именовать корпоративным, а не косвенным, производным или групповым. Предлагаемый термин более удачный, так как адекватно отражает юридическую суть требований о защите прав и интересов субъектов внутренних, корпоративных отношений»¹⁸. При этом Г. Л. Осокина предлагает выделять три самостоятельные группы корпоративных исков:

- 1) иск корпорации против члена (членов) корпорации;
- 2) иск члена (членов) корпорации против корпорации;
- 3) иск члена (членов) корпорации против отдельных должностных лиц (менеджеров) корпорации¹⁹.

Представляется, что с вышеизложенным подходом следует согласиться в той части, в которой смещается акцент в терминологии с косвенного (производного) характера такого иска, поскольку его субъектный состав не ограничивается только участниками корпорации и членами ее органов управления (например, совета директоров), но включает также и саму корпорацию. В остальном позиция Г. Л. Осокиной равным образом может подвергнуться критике, поскольку выделение группы исков по отрасли (подотрасли) права, в рамках которой они предъявляются, не подкрепляется в данном случае какими-либо теоретическими или практическими соображениями. Можно даже сказать, что в некоторой степени критерий такого выделения является произвольным. Именно этим можно объяснить включение в одну группу: 1) прямого иска кор-

порации против участника; 2) прямого иска участника против корпорации; 3) прямого иска корпорации против членов органов управления (который в данной классификации именуется иском участника корпорации).

Применительно не только к терминологии, но и к целесообразности выделения косвенных исков в отдельную группу необходимо также отметить, что рассматриваемая разновидность иска впервые появилась в англосаксонском праве. В юридической литературе отмечается, что прообразом косвенного иска был так называемый представительский иск бенефициара траста, посредством которого он защищал свои права от нарушений, причиненных действиями (бездействием) трасти²⁰. В дальнейшем косвенный иск (пусть и с учетом особенностей национального права) закрепился в правовой системе сначала Англии, а затем и Америки²¹.

В российской правовой системе, как отмечает Г. О. Аболонин, косвенный иск появился в результате имплементации норм законодательства США о рынке ценных бумаг²². Следовательно, рассматриваемый вид иска, в принципе, не является изначально свойственным отечественному корпоративному праву.

Не менее важной причиной отсутствия необходимости выделения производного иска является тот факт, что сам по себе такой иск в англосаксонском праве существует в рамках совершенно иной классификации прямого (direct) и косвенного (derivative) исков. Прямым является иск, предъявляемый участником корпорации от своего имени и в защиту собственных прав и интересов, следовательно, непосредственным выгодоприобретателем в данном случае будет сам участник корпорации. Такой иск охватывает ряд однородных требований, которые могут быть заявлены в том числе несколькими участ-

¹⁸ Осокина Г. Л. Иск (теория и практика). С. 94.

¹⁹ Осокина Г. Л. Иск (теория и практика). С. 94.

²⁰ См.: Чарльзворт Дж. Основы законодательства о компаниях. М., 1958. С. 200–202; Tomas G., Hudson A. The Law of Trusts. N. Y., 2004. P. 935; Scarlett A. M. Shareholder Derivative Litigations Historical and Normative Foundations // Buffalo Law Review. 2013. Vol. 61. P. 841.

²¹ Demott D. Shareholder Litigation in Australia and the United States: Common Problems, Uncommon Solutions // Sydney Law Review. 1987. Vol. 11. P. 259–275.

²² Аболонин Г. О. Производные иски. С. 52.

никами корпорации. При этом для признания такого иска прямым истцу необходимо доказать, что нарушение, послужившее основанием для обращения в суд, повлияло непосредственно на права и правовые интересы, принадлежащие такому участнику лично²³. Так, в зарубежной литературе со ссылками на правоприменительную практику отмечается, что в корпорациях с незначительным количеством участников (*closely held corporations*) участник корпорации имеет возможность предъявить прямой иск к менеджерам корпорации или мажоритарному акционеру от своего имени и в защиту собственных прав и интересов²⁴. Следовательно, в данном случае критериями для классификации также являются 1) принадлежность прав и интересов, нарушенных в результате совершения противоправных действий; 2) личность выгодоприобретателя, в пользу которого выносится судебный акт. Кроме того, необходимо понимать, что прямой и косвенный иски разграничиваются с учетом принципиальной возможности участника корпорации предъявить прямой иск о взыскании убытков к менеджменту, *минуя саму корпорацию*. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что возможность предъявления прямого иска в зарубежных правовых порядках является исключением из общего правила, поскольку допускается лишь в случаях, когда взыскание убытков в пользу корпорации не приведет к достижению целей правовой защиты и желаемому результату.

Что касается возможности предъявления участником корпорации прямого иска (напри-

мер, о взыскании убытков с директора) в России, то суды отказывают в удовлетворении подобных требований²⁵. Указанный подход, как видится, основан исключительно на догматическом толковании, поскольку корпоративное законодательство, имеющее в данном случае приоритет перед общими положениями ГК РФ о взыскании убытков (*lex specialis derogat generali*), не предусматривает такого способа защиты субъективных прав и правовых интересов. Следовательно, возможность предъявления прямого иска (*direct suit*) участником от своего имени и в своих интересах (например, в рамках участия в корпорациях с двумя или тремя участниками) в настоящее время отсутствует.

Таким образом, концепция косвенного иска, предъявляемого участником корпорации, может найти теоретическое и практическое обоснование в англосаксонском праве, поскольку там присутствует деление таких исков: иск может быть прямым, когда он предъявляется участником от своего имени и в своих интересах (например, в случае предъявления иска участником закрытой корпорации о взыскании убытков с члена органа управления в пользу такого участника), или косвенным, когда такой иск предъявляется участником в защиту прав и интересов самой корпорации. Вместе с тем корпоративное право России не предусматривает возможности участника защитить свои права и интересы путем предъявления прямого иска, в связи с чем выделение косвенных исков в отечественном правовом порядке неуместно.

²³ См.: *Baxter M. P. The Derivative Action under the Ontario Business Corporation Act: A Review of Section 97 // McGill Law Journal. 1982. Vol. 27. Iss. 3. P. 455–457*; *Beck S. M. The Shareholders' Derivative Action // The Canadian Bar Review. 1974. Vol. 52. No. 2. P. 159–169*; *Gelter M. Why do Shareholder Derivative Suits Remain Rare in Continental Europe? // Brooklyn Journal of International Law. 2012. Vol. 37. Iss. 3. P. 847*; *Tanguay J. Op cit. P. 470–472*; *Boyle A. J. Minority Shareholders Remedies. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. P. 49–54.*

²⁴ См.: *Kleinberger D. S. Direct Versus Derivative and the Law of Limited Liability Companies // Baylor Law Review. 2006. Vol. 58. P. 110–115*; *Tanguay J. Op cit. P. 472–492.*

²⁵ См.: постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.08.2022 по делу № А45-25446/2021; Третьего арбитражного апелляционного суда от 24.04.2015 по делу № А33-23650/2014; ФАС Северо-Западного округа от 10.06.2014 по делу № А56-24208/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Общие положения об исках, предъявляемых корпорацией в лице ее участников

В России возможность предъявления корпорацией иска в лице ее участника предусмотрена пунктом 1 ст. 65.2 ГК РФ, в соответствии с которыми участники корпорации вправе 1) требовать, действуя от имени корпорации (п. 1 ст. 182 ГК РФ), возмещения причиненных корпорации убытков (ст. 53.1 ГК РФ); 2) оспаривать, действуя от имени корпорации (п. 1 ст. 182 ГК РФ), совершенные ею сделки по основаниям, предусмотренным статьей 174 ГК РФ или законами о корпорациях отдельных организационно-правовых форм, и требовать применения последствий их недействительности, а также применения последствий недействительности ничтожных сделок корпорации. Вместе с тем именно возможностью предъявления участником корпорации иска об оспаривании сделок, совершенных корпорацией, а также о взыскании убытков с членом органов управления корпорации отдельными цивилистами²⁶ обосновывается существование в отечественном праве производного иска.

Очевидно, что право участника оспаривать решения органов управления корпорации, предусмотренное абзацем 4 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ, *по общему правилу* (в качестве исключения можно привести, например, п. 12 и 13 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах²⁷) иском корпорации не является, поскольку, заявляя подобное требование, участник корпорации чаще всего действует от своего имени и в собственных интересах, защищая принадлежащее ему субъективное право на участие в управлении корпорацией (абз. 2 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ), в том числе возможность

свободного волеизъявления и голосования по вопросам повестки дня общего собрания участников, которое нарушается принятым решением. Корпорация будет ответчиком по делу, поскольку решение органа управления представляет собой решение самой корпорации в силу пункта 1 ст. 53 ГК РФ, согласно которому общество приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом, а корпорация при этом является гражданско-правовым сообществом, нарушающим субъективные права и правовые интересы участника (п. 118 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»²⁸). При этом можно предположить, что иски об оспаривании решений органов управления, которыми нарушаются интересы корпорации, могут по аналогии с исками о признании недействительными и применении последствий недействительности сделок, о взыскании убытков с членом органов управления признаваться прямыми исками самой корпорации, поскольку в некоторых случаях может отсутствовать нарушение права участника на участие в управлении корпорацией.

Представляется, что иск об оспаривании решений органов управления корпорации может быть как прямым иском участника, так и прямым иском самой корпорации в зависимости от содержания нарушенного права или интереса, а также правовых последствий принятия такого решения²⁹, что также не вписывается в концепцию прямых и косвенных исков, характерную для англосаксонского права.

²⁶ См.: *Ионова Д. Ю.* Косвенные иски как способ защиты интересов участников коммерческих корпораций // *Российский судья.* 2018. № 7. С. 17–22 ; *Попов М. Г.* Косвенный иск: сравнительно-правовой аспект // *Право и государство: теория и практика.* 2019. № 6. С. 62–66.

²⁷ Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // *Бюллетень Верховного Суда РФ.* 2020. № 5.

²⁸ *Российская газета.* № 140. 30.06.2015.

²⁹ *Boyle A. J.* Op. cit. P. 51–58.

2.1. Экстраординарный характер иска, предъявляемого корпорацией в лице ее участников

В юридической литературе неоднократно отмечалось, что возможность предъявления участником корпорации иска является исключением из общего правила, в соответствии с которым сама корпорация должна принять решение о целесообразности предъявления иска в лице членов уполномоченных органов управления³⁰. Вместе с тем, обосновывая «экстраординарный» характер такого иска, зарубежные ученые проводят разделение между участником корпорации как членом высшего органа управления и самой корпорацией, правом на подачу иска от имени которой обладает уполномоченный орган управления (совет директоров)³¹.

Представляется, что отделять корпорацию от ее участника не совсем корректно, поскольку общее собрание участников также является органом управления, члены которого в исключительных случаях (абз. 5 и 6 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ) вправе принять решение от имени корпорации о совершении необходимых действий для защиты прав и правовых интересов последней. Как верно отмечает В. К. Андреев, «хотя корпоративные права и обязанности участников корпораций не являются непосредственно правами и обязанностями юридического лица, не включаются в его правоспособность, тем не менее они являются способом осуществления специальной правоспособности юридического лица»³². В связи с изложенным ссылаясь в абз. 6 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ на ст. 174 ГК РФ лишь подчер-

кивает исключительный характер такого действия, поскольку по общему правилу корпорация приобретает субъективные права и юридические обязанности в результате действий исполнительных органов управления.

Еще одним аргументом в пользу того, что иск участника корпорации, предъявляемый на основании абз. 5 и 6 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ, представляет собой прямой иск самой корпорации, является отсутствие у органов управления корпорации статуса самостоятельного субъекта права. Б. Б. Черепяхин в связи с этим указывал, что «без людского состава, так или иначе организованного, не может существовать и действовать никакое юридическое лицо»³³. Наличие органов корпорации, действующих в соответствии с имеющейся у них компетенцией, в таком случае подчеркивает принцип организационного единства юридического лица. Как отмечается различными исследователями³⁴, орган юридического лица не имеет своей воли, а его действия представляют собой исключительно действия самого юридического лица, поскольку органы управления не обладают свойством правосубъектности.

С учетом того что все органы управления корпорации действуют в пределах своей компетенции в качестве обособленной части корпорации, иск корпорации, предъявляемый ее участником, не может признаваться, пусть и косвенно, иском участника. Отсутствие у органа юридического лица правосубъектности позволяет сделать вывод, что такой иск является прямым иском самой корпорации.

³⁰ См.: *Li X.* A Comparative Study of Shareholders' Derivative Actions. Shanghai, 2007. P. 2 ; *Swanson C. B.* Juggling Shareholder Rights and Strike Suits in Derivative Litigation: The ALI Drops the Bell // *Minnesota Law Review.* 1993. Vol. 77. P. 1341, 1344.

³¹ *Zhang Z.* The Shareholder Derivative Action and Good Corporate Governance in China: Why is the Excitement Actually for Nothing? // *Pacific Basin Law Journal.* 2011. Vol. 28. Iss. 2. P. 180 ; *Li X.* Op cit. P. 2 ; *Kleinberger D. S.* Op cit. P. 71–74 ; *Gelter M.* Preliminary Procedures in Shareholder Derivative Litigation: A Beneficial Legal Transplant? / ECGI. Law Working Paper No. 625/2022. February 2022. P. 6.

³² *Андреев В. К.* Корпорация как самостоятельный субъект права // *Гражданское право.* 2015. № 1. С. 9.

³³ *Черепяхин Б. Б.* Органы и представители юридического лица // *Черепяхин Б. Б.* Труды по гражданскому праву / науч. ред. С. С. Алексеев. М. : Статут, 2001. С. 468.

³⁴ *Мозилевский С. Д., Самойлов И. А.* Корпорации в России : Правовой статус и основы деятельности. М. : Дело, 2006. С. 67, 68 ; *Суханов Е. А.* Об ответственности государства по гражданско-правовым обязательствам // *Вестник ВАС РФ.* 2001. № 3. С. 117.

2.2. Оспаривание сделок, совершенных корпорацией

Возьмем, например, право участника корпорации на оспаривание сделок, совершенных ею в лице единоличного исполнительного органа (далее — ЕИО) (абз. 6 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ). Не вызывает никаких сомнений, что между корпорацией и ее контрагентом в случае заключения договора (например, купли-продажи, подряда и т.п.) возникает обязательственное правоотношение.

В состав обязательственного правоотношения, как указывает В. В. Кулаков, входят следующие элементы: 1) субъекты (кредитор и должник); 2) объект (материальное благо); 3) содержание (права и обязанности)³⁵. Некоторые ученые, наряду с указанными элементами, входящими в состав обязательственного правоотношения, также выделяют его основание³⁶. В любом случае в обязательстве всегда существует две стороны: кредитор и должник. В частности, В. В. Кулаков отмечает, что на стадии возникновения обязательство включает в себя 1) стороны (кредитор и должник), которые в силу определенного юридического факта (например, заключения договора) обладают субъективными правами и юридическими обязанностями; 2) объекты, относительно которых устанавливаются права и обязанности сторон³⁷.

Таким образом, при совершении сделки именно корпорация, наделенная правом порядком свойством правосубъектности, в результате действий органов управления выступает в качестве стороны обязательства. Иными словами, субъективные права и юридические обязанности возникают у корпорации как стороны обязательства, а не у ее участников, поскольку именно корпорация является субъектом спорного материального правоотношения.

Вышеизложенный вывод, который сам по себе не может подвергаться сомнению, также закреплен в п. 32 упомянутого ранее постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 и в п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»³⁸. Именно поэтому в абз. 2 п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 27 указано, что не является основанием для отказа в удовлетворении иска тот факт, что на момент совершения сделки участник не имел статуса участника корпорации. Правоотношение между корпорацией и контрагентом *существовало и продолжает существовать* независимо от наличия у конкретного лица статуса участника корпорации в связи с наличием у юридического лица статуса «единой договаривающейся стороны»³⁹.

Не вдаваясь в дискуссию об элементах и структуре субъективного права стороны обязательства, отметим лишь верность утверждения Л. А. Чеговадзе и Т. В. Дерюгиной о том, что осуществление субъективного права является «воплощением в действительность поведенческих возможностей определенного вида»⁴⁰. Принадлежность истцу (корпорации) субъективного права, в защиту которого предъявляется иск, является необходимым и первоочередным условием для удовлетворения иска, предъявляемого корпорацией в лице ее участника в целях оспаривания сделки, совершенной корпорацией. Отсутствие у корпорации субъективного права исключало бы возможность предъявления подобных исков и, следовательно, защиты *собственных* прав и интересов корпорации, а не ее участника, поскольку участник стороной обязательства не является.

³⁵ Кулаков В. В. Обязательственное право : учеб. пособие. М. : РГУП, 2016. С. 19–21.

³⁶ Хохлов В. А. Общие положения об обязательствах : учеб. пособие. М. : Статут, 2015. С. 50.

³⁷ Кулаков В. В. Сложные обязательства в гражданском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 11.

³⁸ Российская газета. № 145. 06.07.2018.

³⁹ Kraakman R., Armour J., Davies P. et al. Op cit. P. 5.

⁴⁰ Чеговадзе Л. А., Дерюгина Т. В. Действия по реализации гражданского права в форме использования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 2. С. 271.

Таким образом, говорить о косвенном характере исков об оспаривании сделок, совершенных корпорацией, некорректно хотя бы потому, что такой иск является прямым иском самой корпорации как субъекта спорного материального правоотношения и непосредственного обладателя субъективного права, в защиту которого такой иск предъявляется. Само по себе указание на возможность оспаривания сделок исключительно по основаниям, предусмотренным статьей 174 ГК РФ, не имеет какого-либо значения для квалификации такого иска как прямого иска корпорации.

2.3. Взыскание убытков с органов управления корпорации

Что касается иска корпорации, предъявляемого ее участником в целях взыскания убытков с членом органов управления (абз. 5 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ), необходимо иметь в виду следующее.

ГК РФ предусмотрено выделение двух групп корпоративных правоотношений: 1) отношения, возникающие в связи с участием (членством) в корпорации; 2) отношения, возникающие в процессе управления корпорацией. В данном случае, как отмечается в доктрине⁴¹, законодатель принял решение распространить действие корпоративных правоотношений на отношения, возникающие в результате действий физических лиц, входящих в органы управления корпорации (например, лица, осуществляющего функции

ЕИО), поскольку сами органы управления корпорации правосубъектностью не обладают.

В научном сообществе неоднократно отмечалась двуединая природа отношений между лицом, осуществляющим полномочия ЕИО, и корпорацией. В данном случае речь идет о 1) статусе лица, осуществляющего полномочия ЕИО, как субъекта корпоративного управления и, следовательно, корпоративного правоотношения, возникающего между членом органа управления и корпорацией; 2) статусе наемного работника в соответствии с заключенным трудовым договором⁴². В процессе своей деятельности такое лицо наделяется довольно широкими полномочиями по совершению различных действий от имени и в интересах корпорации, в том числе по вопросам распоряжения активами, принадлежащими корпорации⁴³. Лицо, осуществляющее полномочия ЕИО корпорации, имеет перед корпорацией определенные обязанности, именуемые фидуциарными. Такие обязанности представляют собой классическую триаду: 1) обязанность преданности (*duty of loyalty*); 2) обязанность добросовестности (*good faith*); 3) обязанность разумности (*duty of care*)⁴⁴. Как и в случае с косвенными исками, фидуциарные обязанности первоначально возлагались на фидуциарного собственника (трасти)⁴⁵. С учетом того что лицо, осуществляющее полномочия ЕИО, формирует и выражает волею корпорации (например, совершает

⁴¹ Ломакин Д. В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений : учеб. пособие. М. : Статут, 2020. С. 13.

⁴² См.: Козлова Н. В. Гражданско-правовой статус органов юридического лица // Хозяйство и право. 2004. № 8. С. 47 ; Шиткина И. С. Отдельные проблемы правового регулирования образования и деятельности единоличного исполнительного органа // Хозяйство и право. 2011. № 4. С. 3–17 ; Она же. С. Д. Могилевский: вклад ученого в развитие теории и практики применения современного российского корпоративного права // Гражданское право. 2022. № 3. С. 28–29.

⁴³ См.: Dalley P. J. The Misguided Doctrine of Stockholder Fiduciary Duties // Hofstra Law Review. 2004. Vol. 33. Iss. 1. P. 207–211 ; Ribstein L. E. Are Partners Fiduciaries? // University of Illinois Law Review. 2005. Vol. 2005. No. 1. P. 215–218.

⁴⁴ См.: Brudney V. Contract and Fiduciary Duty in Corporate Law // Boston College Law Review. 1997. Vol. 7. Iss. 4. No. 4. P. 595–665 ; Velasco J. How Many Fiduciary Duties Are There in Corporate Law? // Southern California Law Review. 2010. Vol. 83. P. 1231–1318.

⁴⁵ См.: Miller P. B. A Theory of Fiduciary Liability // McGill Law Journal. 2011. Vol. 56. No. 2. P. 241–243 ; Smith D. G. The Critical Resource Theory of Fiduciary Duty // Vanderbilt Law Review. 2002. Vol. 55. P. 1412–1414.

от имени корпорации сделки), фидуциарные обязанности возникают у него по отношению к самой корпорации. Как справедливо отмечает О. В. Гутников, «наличие максимальной свободы при осуществлении своих правомочий в чужом интересе, основанной на доверии к профессиональным и деловым качествам фидуциара [директора], делает фидуцианта [корпорацию] слабой стороной в соответствующем правоотношении, поскольку фактические или юридические последствия ненадлежащего ведения дела со стороны фидуциара [директора] могут быть необратимыми»⁴⁶. В таком случае нарушение лицом, осуществляющим полномочия ЕИО, фидуциарных обязанностей по отношению к корпорации позволяет последней как слабой стороне, в интересах которой такие обязанности установлены, защищать нарушенные субъективные права путем предъявления соответствующего иска в суд.

Рассматривая корпоративные правоотношения, а также права и обязанности участников корпорации, В. К. Андреев отмечает, что «корпоративные права и обязанности не имеют своего объекта в ст. 128 ГК РФ, это скорее полномочия по управлению деятельностью юридического лица. Осуществляя свои права и обязанности, участники корпорации не вступают в обязательственные правоотношения, они не являются кредиторами и должниками»⁴⁷. С данным утверждением можно согласиться, при этом следует отметить, что участники корпорации не становятся кредиторами и должниками в отношении 1) других участников корпорации; 2) членов коллегиального органа управления корпорации; 3) лица, осуществляющего полномочия ЕИО. В данном случае обязанность существует только по отношению к корпорации, и, следовательно, при нарушении такой обязанности защита осуществляется самой корпорацией.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что иск корпорации, предъявляемый ее участ-

ником в целях взыскания убытков с членов органов управления, аналогичным образом должен признаваться прямым иском корпорации, а не косвенным иском участника. Участник, являясь членом высшего органа управления, действует от имени и в интересах общества, которое, как и в случае с оспариванием сделок, выступает субъектом спорного материального правоотношения.

Отсылки к косвенным искам в рассматриваемом случае являются теоретически спорными. Как было указано ранее, возможность фактического предъявления такого иска является исключением из правила и не может изменять природу иска. Полномочия члена высшего органа управления направлены на реализацию специальной правоспособности корпорации, а сам участник в некотором смысле замещает лицо, осуществляющее полномочия ЕИО, которое по ряду причин не действует в интересах корпорации. Например, корпорация вправе предъявить иск о взыскании убытков, если лицо, осуществляющее полномочия ЕИО, имеет собственный интерес в совершении невыгодной сделки или иным образом действует в ущерб интересам корпорации.

3. Влияние реформы ГК РФ на квалификацию иска

Дискуссия о природе иска корпорации, предъявляемого ее участником, могла объясняться положениями ГК РФ до реформы, проведенной в 2014 г. Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»⁴⁸ в ГК РФ были введены статьи 53.1 и 65.2. До указанного момента иск, предъявляемый участником корпорации, в отсутствие необходимого правового регули-

⁴⁶ Гутников О. В. Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве // Гражданское право. 2019. № 6. С. 26.

⁴⁷ Андреев В. К. Субъективное гражданское право и иные проявления воли и интереса в деятельности юридических лиц // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 64.

⁴⁸ СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

рования именовался прямым иском самого участника.

После реформы 2014 г. вопрос относительно природы иска корпорации должен был разрешиться сам собой, однако в научном сообществе приобрела популярность точка зрения, согласно которой такие иски стали именоваться косвенными исками участников, а не прямыми исками корпорации. Представляется, что подобная трактовка может быть связана с буквальным толкованием слов «оспаривать» и «требовать» (действуя *от имени корпорации*) в абз. 5 и 6 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ. Однако, как было показано выше, право оспаривать сделки и взыскивать убытки с членов органов управления в силу имеющихся правоотношений, стороной которых является корпорация, принадлежит именно корпорации.

Заключение

В заключение необходимо сделать выводы, которые могут быть положены в основу дальнейших исследований, а также стать предметом новой дискуссии в научном сообществе.

Во-первых, конструкция косвенного иска была заимствована российским правом из англосаксонского права. Использование правового средства, изначально не свойственного конкретной правовой системе, в отрыве от иных норм и институтов, неразрывно с ним связанных, может привести к неопределенности, в том числе терминологическим ошибкам и неточ-

ностям. В англосаксонском праве косвенный иск (*derivative suit*) возможен лишь потому, что существует и прямой иск (*direct suit*), но не самой корпорации, а ее участника (в исключительных случаях участник может предъявить иск о взыскании убытков с членов органов управления, действуя от своего имени и в своих интересах, если взыскание убытков в пользу корпорации не приведет к достижению целей правовой защиты и желаемому результату).

Во-вторых, во всех случаях, в которых иск корпорации предъявляется ее участником (ст. 53.1 и абз. 5 и 6 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ), говорить о косвенном характере такого иска некорректно. Именно корпорация является субъектом обязательственного (абз. 5 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ) и корпоративного (абз. 6 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ) правоотношений. В таком случае корпорация имеет возможность самостоятельной защиты принадлежащих ей прав и правовых интересов путем действий, совершаемых членом высшего органа управления, а потому предъявляемый иск является прямым иском самой корпорации.

В-третьих, по итогам реформы 2014 г. ГК РФ был дополнен статьей 65.2, из которой прямо следует, что иск, предъявляемый корпорацией в лице ее участника на основании абз. 5 и 6 п. 1 указанной статьи, является прямым иском самой корпорации. Законодатель закрепил такую модель защиты прав и интересов корпорации, отказавшись от теоретически спорной модели косвенного иска, заимствованной из зарубежной доктрины и правоприменительной практики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аболонин Г. О.* Групповые иски. — М.: Норма, 2001. — 256 с.
2. *Аболонин Г. О.* Производные иски // Арбитражный и гражданский процесс. — 2014. — № 3. — С. 52–58.
3. *Андреев В. К.* Корпорация как самостоятельный субъект права // Гражданское право. — 2015. — № 1. — С. 7–13.
4. *Андреев В. К.* Субъективное гражданское право и иные проявления воли и интереса в деятельности юридических лиц // Журнал российского права. — 2018. — № 8. — С. 58–68.
5. *Гутников О. В.* Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве // Гражданское право. — 2019. — № 6. — С. 25–29.
6. *Журбин Б. А.* Групповые и производные иски в судебно-арбитражной практике. — М., 2008. — 79 с.

7. *Ионова Д. Ю.* Косвенные иски как способ защиты интересов участников коммерческих корпораций // *Российский судья*. — 2018. — № 7. — С. 17–22.
8. *Козлова Н. В.* Гражданско-правовой статус органов юридического лица // *Хозяйство и право*. — 2004. — № 8. — С. 42–60.
9. *Колесов П. П.* Процессуальные средства защиты права. — В. Новгород, 2004. — 219 с.
10. *Кузнецов А. А.* Косвенные иски в корпоративном праве России : материально-правовой аспект // *Закон*. — 2020. — № 11. — С. 76–86.
11. *Кулаков В. В.* Обязательственное право : учеб. пособие. — М. : РГУП, 2016. — 188 с.
12. *Кулаков В. В.* Сложные обязательства в гражданском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2011. — 42 с.
13. *Ломакин Д. В.* Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений : учеб. пособие. — М. : Статут, 2020. — 146 с.
14. *Могилевский С. Д., Самойлов И. А.* Корпорации в России : Правовой статус и основы деятельности. — М. : Дело, 2006. — 480 с.
15. *Осокина Г. Л.* Иск (теория и практика). — М. : Городец, 2000. — 186 с.
16. *Осокина Г. Л.* Проблемы иска и права на иск : дис. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 1989. — 414 с.
17. *Осокина Г. Л.* Чьи права защищаются косвенными исками? // *Российская юстиция*. — 1999. — № 10. — С. 18–19.
18. *Попов М. Г.* Косвенный иск: сравнительно-правовой аспект // *Право и государство: теория и практика*. — 2019. — № 6. — С. 62–66.
19. *Суханов Е. А.* Об ответственности государства по гражданско-правовым обязательствам // *Вестник ВАС РФ*. — 2001. — № 3. — С. 116–125.
20. *Хохлов В. А.* Общие положения об обязательствах : учеб. пособие. — М. : Статут, 2015. — 286 с.
21. *Чарльзворт Дж.* Основы законодательства о компаниях. — М. : Изд-во иностр. лит., 1958. — 495 с.
22. *Чеговадзе Л. А., Дерюгина Т. В.* Действия по реализации гражданского права в форме использования // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. — 2022. — № 2. — С. 268–280.
23. *Черепашин Б. Б.* Органы и представители юридического лица // *Черепашин Б. Б. Труды по гражданскому праву / науч. ред. С. С. Алексеев*. — М. : Статут, 2001. — 479 с.
24. *Чугунова Е. И.* Производные иски в гражданском и арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2003. — 23 с.
25. *Чугунова Е. И.* Производные иски в России и за рубежом // *Арбитражный и гражданский процесс*. — 2003. — № 3. — С. 41–47.
26. *Шиткина И. С.* Отдельные проблемы правового регулирования образования и деятельности единичного исполнительного органа // *Хозяйство и право*. — 2011. — № 4. — С. 3–17.
27. *Шиткина И. С. С. Д. Могилевский: вклад ученого в развитие теории и практики применения современного российского корпоративного права // Гражданское право*. — 2022. — № 3. — С. 26–31.
28. *Ярков В. В.* Защита прав акционеров по закону «Об акционерных обществах» с помощью косвенных исков // *Хозяйство и право*. — 1997. — № 11. — С. 72–78.
29. *Ярков В. В.* Косвенные иски: проблемы теории и практики // *Корпоративный юрист*. — 2007. — № 11. — С. 52–58.
30. *Ярков В. В.* Особенности рассмотрения дел по косвенным искам // *Юрист*. — 2000. — № 11. — С. 6–12.
31. *Baxter M. P.* The Derivative Action under the Ontario Business Corporation Act: A Review of Section 97 // *McGill Law Journal*. — 1982. — Vol. 27. — Iss. 3. — P. 453–478.
32. *Beck S. M.* The Shareholders' Derivative Action // *The Canadian Bar Review*. — 1974. — Vol. 52. — No. 2. — P. 159–208.
33. *Boyle A. J.* Minority Shareholders Remedies. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004. — 168 p.
34. *Brudney V.* Contract and Fiduciary Duty in Corporate Law // *Boston College Law Review*. — 1997. — Vol. 7. — Iss. 4. — No. 4. — P. 595–665.

35. *Dalley P. J.* The Misguided Doctrine of Stockholder Fiduciary Duties // *Hofstra Law Review*. — 2004. — Vol. 33. — Iss. 1. — P. 175–222.
36. *Davis K. B.* The Forgotten Derivative Suit / University of Wisconsin Law School. — Research Paper No. 1055. — 2007. — P. 1–97.
37. *Demott D.* Shareholder Litigation in Australia and the United States: Common Problems, Uncommon Solutions // *Sydney Law Review*. — 1987. — Vol. 11. — P. 259–305.
38. *Gelter M.* Preliminary Procedures in Shareholder Derivative Litigation: A Beneficial Legal Transplant? / ECGI. — Law Working Paper No. 625/2022. — February 2022. — P. 1–30.
39. *Gelter M.* Why do Shareholder Derivative Suits Remain Rare in Continental Europe? // *Brooklyn Journal of International Law*. — 2012. — Vol. 37. — Iss. 3. — P. 844–892.
40. *Kleinberger D. S.* Direct Versus Derivative and the Law of Limited Liability Companies // *Baylor Law Review*. — 2006. — Vol. 58. — P. 64–138.
41. *Kraakman R., Armour J., Davies P. et al.* The Anatomy of Corporate Law. — Oxford, 2017. — 281 p.
42. *Li X.* A Comparative Study of Shareholders' Derivative Actions. — Shanghai, 2007. — 370 p.
43. *Miller P. B.* A Theory of Fiduciary Liability // *McGill Law Journal*. — 2011. — Vol. 56. — No. 2. — P. 237–288.
44. *Puchniak D., Baum H., Ewing-Chow M.* The Derivative Action in Asia: A Comparative and Functional Approach. — Cambridge : Cambridge University Press, 2012. — 452 p.
45. *Ribstein L. E.* Are Partners Fiduciaries? // *University of Illinois Law Review*. — 2005. — Vol. 2005. — No. 1. — P. 209–252.
46. *Scarlett A. M.* Shareholder Derivative Litigations Historical and Normative Foundations // *Buffalo Law Review*. — 2013. — Vol. 61. — P. 837–908.
47. *Smith D. G.* The Critical Resource Theory of Fiduciary Duty // *Vanderbilt Law Review*. — 2002. — Vol. 55. — P. 1399–1497.
48. *Swanson C. B.* Juggling Shareholder Rights and Strike Suits in Derivative Litigation: The ALI Drops the Bell // *Minnesota Law Review*. — 1993. — Vol. 77. — P. 1339–1392.
49. *Tanguay J.* Minority Shareholders and Direct Suits in Closely Held Corporations Where Derivative Suits Are Impractical: *Durham v. Durham* // *The University of New Hampshire Law Review*. — 2009. — Vol. 5. — No. 3. — P. 469–492.
50. *Thomas R., Thompson R.* The Public and Private Faces of Derivative Lawsuits // *Vanderbilt Law Review*. — 2004. — Vol. 57. — No. 5. — P. 1747–1793.
51. *Tomas G., Hudson A.* The Law of Trusts. — N. Y., 2004. — 1907 p.
52. *Velasco J.* How Many Fiduciary Duties Are There in Corporate Law? // *Southern California Law Review*. — 2010. — Vol. 83. — P. 1231–1318.
53. *Zhang Z.* The Shareholder Derivative Action and Good Corporate Governance in China: Why is the Excitement Actually for Nothing? // *Pacific Basin Law Journal*. — 2011. — Vol. 28. — Iss. 2. — P. 174–209.

Материал поступил в редакцию 15 октября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abolonin G. O. Gruppovye iski. — M.: Norma, 2001. — 256 s.
2. Abolonin G. O. Proizvodnye iski // *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. — 2014. — № 3. — S. 52–58.
3. Andreev V. K. Korporatsiya kak samostoyatelnyy subekt prava // *Grazhdanskoe pravo*. — 2015. — № 1. — S. 7–13.
4. Andreev V. K. Subektivnoe grazhdanskoe pravo i inye proyavleniya voli i interesa v deyatelnosti yuridicheskikh lits // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2018. — № 8. — S. 58–68.

5. Gutnikov O. V. Fidutsiarnye obyazannosti v rossiyskom korporativnom prave // *Grazhdanskoe pravo*. — 2019. — № 6. — S. 25–29.
6. Zhurbin B. A. Gruppovye i proizvodnye iski v sudebno-arbitrazhnoy praktike. — M., 2008. — 79 s.
7. Ionova D. Yu. Kosvennye iski kak sposob zashchity interesov uchastnikov kommercheskikh korporatsiy // *Rossiyskiy sudya*. — 2018. — № 7. — S. 17–22.
8. Kozlova N. V. Grazhdansko-pravovoy status organov yuridicheskogo litsa // *Khozyaystvo i pravo*. — 2004. — № 8. — S. 42–60.
9. Kolesov P. P. Protsessualnye sredstva zashchity prava. — V. Novgorod, 2004. — 219 s.
10. Kuznetsov A. A. Kosvennye iski v korporativnom prave Rossii: materialno-pravovoy aspekt // *Zakon*. — 2020. — № 11. — S. 76–86.
11. Kulakov V. V. Obyazatelstvennoe pravo: ucheb. posobie. — M.: RGUP, 2016. — 188 s.
12. Kulakov V. V. Slozhnye obyazatelstva v grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2011. — 42 s.
13. Lomakin D. V. Kommercheskie korporatsii kak subekty korporativnykh pravootnosheniy: ucheb. posobie. — M.: Statut, 2020. — 146 s.
14. Mogilevskiy S. D., Samoylov I. A. Korporatsii v Rossii: Pravovoy status i osnovy deyatelnosti. — M.: Delo, 2006. — 480 s.
15. Osokina G. L. Isk (teoriya i praktika). — M.: Gorodets, 2000. — 186 s.
16. Osokina G. L. Problemy iska i prava na isk: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Tomsk, 1989. — 414 s.
17. Osokina G. L. Chi prava zashchishchayutsya kosvennymi iskami? // *Rossiyskaya yustitsiya*. — 1999. — № 10. — S. 18–19.
18. Popov M. G. Kosvennyy isk: sravnitelno-pravovoy aspekt // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. — 2019. — № 6. — S. 62–66.
19. Sukhanov E. A. Ob otvetstvennosti gosudarstva po grazhdansko-pravovym obyazatelstvam // *Vestnik VAS RF*. — 2001. — № 3. — S. 116–125.
20. Khokhlov V. A. Obshchie polozheniya ob obyazatelstvakh: ucheb. posobie. — M.: Statut, 2015. — 286 s.
21. Charlzvolt Dzh. Osnovy zakonodatelstva o kompaniyakh. — M.: Izd-vo inostr. lit., 1958. — 495 s.
22. Chegovadze L. A., Deryugina T. V. Deystviya po realizatsii grazhdanskogo prava v forme ispolzovaniya // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. — 2022. — № 2. — S. 268–280.
23. Cherepakhin B. B. Organy i predstaviteli yuridicheskogo litsa // Cherepakhin B. B. Trudy po grazhdanskomu pravu / nauch. red. S. S. Alekseev. — M.: Statut, 2001. — 479 s.
24. Chugunova E. I. Proizvodnye iski v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2003. — 23 s.
25. Chugunova E. I. Proizvodnye iski v Rossii i za rubezhom // *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. — 2003. — № 3. — S. 41–47.
26. Shitkina I. S. Otdelnye problemy pravovogo regulirovaniya obrazovaniya i deyatelnosti edinolichnogo ispolnitelnogo organa // *Khozyaystvo i pravo*. — 2011. — № 4. — S. 3–17.
27. Shitkina I. S. S. D. Mogilevskiy: vklad uchenogo v razvitie teorii i praktiki primeneniya sovremennogo rossiyskogo korporativnogo prava // *Grazhdanskoe pravo*. — 2022. — № 3. — S. 26–31.
28. Yarkov V. V. Zashchita prav aktsionerov po zakonu «Ob aktsionernykh obshchestvakh» s pomoshchyu kosvennykh iskov // *Khozyaystvo i pravo*. — 1997. — № 11. — S. 72–78.
29. Yarkov V. V. Kosvennye iski: problemy teorii i praktiki // *Korporativnyy yurist*. — 2007. — № 11. — S. 52–58.
30. Yarkov V. V. Osobennosti rassmotreniya del po kosvennym iskam // *Yurist*. — 2000. — № 11. — S. 6–12.
31. Baxter M. P. The Derivative Action under the Ontario Business Corporation Act: A Review of Section 97 // *McGill Law Journal*. — 1982. — Vol. 27. — Iss. 3. — P. 453–478.
32. Beck S. M. The Shareholders' Derivative Action // *The Canadian Bar Review*. — 1974. — Vol. 52. — No. 2. — P. 159–208.
33. Boyle A. J. *Minority Shareholders Remedies*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 168 p.

34. Brudney V. Contract and Fiduciary Duty in Corporate Law // Boston College Law Review. — 1997. — Vol. 7. — Iss. 4. — No. 4. — P. 595–665.
35. Dalley P. J. The Misguided Doctrine of Stockholder Fiduciary Duties // Hofstra Law Review. — 2004. — Vol. 33. — Iss. 1. — P. 175–222.
36. Davis K. B. The Forgotten Derivative Suit / University of Wisconsin Law School. — Research Paper No. 1055. — 2007. — P. 1–97.
37. Demott D. Shareholder Litigation in Australia and the United States: Common Problems, Uncommon Solutions // Sydney Law Review. — 1987. — Vol. 11. — P. 259–305.
38. Gelter M. Preliminary Procedures in Shareholder Derivative Litigation: A Beneficial Legal Transplant? / ECGI. — Law Working Paper No. 625/2022. — February 2022. — P. 1–30.
39. Gelter M. Why do Shareholder Derivative Suits Remain Rare in Continental Europe? // Brooklyn Journal of International Law. — 2012. — Vol. 37. — Iss. 3. — P. 844–892.
40. Kleinberger D. S. Direct Versus Derivative and the Law of Limited Liability Companies // Baylor Law Review. — 2006. — Vol. 58. — P. 64–138.
41. Kraakman R., Armour J., Davies P. et al. The Anatomy of Corporate Law. — Oxford, 2017. — 281 p.
42. Li X. A Comparative Study of Shareholders' Derivative Actions. — Shanghai, 2007. — 370 p.
43. Miller P. B. A Theory of Fiduciary Liability // McGill Law Journal. — 2011. — Vol. 56. — No. 2. — P. 237–288.
44. Puchniak D., Baum H., Ewing-Chow M. The Derivative Action in Asia: A Comparative and Functional Approach. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012. — 452 p.
45. Ribstein L. E. Are Partners Fiduciaries? // University of Illinois Law Review. — 2005. — Vol. 2005. — No. 1. — P. 209–252.
46. Scarlett A. M. Shareholder Derivative Litigations Historical and Normative Foundations // Buffalo Law Review. — 2013. — Vol. 61. — P. 837–908.
47. Smith D. G. The Critical Resource Theory of Fiduciary Duty // Vanderbilt Law Review. — 2002. — Vol. 55. — P. 1399–1497.
48. Swanson C. B. Juggling Shareholder Rights and Strike Suits in Derivative Litigation: The ALI Drops the Bell // Minnesota Law Review. — 1993. — Vol. 77. — P. 1339–1392.
49. Tanguay J. Minority Shareholders and Direct Suits in Closely Held Corporations Where Derivative Suits Are Impractical: Durham v. Durham // The University of New Hampshire Law Review. — 2009. — Vol. 5. — No. 3. — P. 469–492.
50. Thomas R., Thompson R. The Public and Private Faces of Derivative Lawsuits // Vanderbilt Law Review. — 2004. — Vol. 57. — No. 5. — P. 1747–1793.
51. Tomas G., Hudson A. The Law of Trusts. — N. Y., 2004. — 1907 p.
52. Velasco J. How Many Fiduciary Duties Are There in Corporate Law? // Southern California Law Review. — 2010. — Vol. 83. — P. 1231–1318.
53. Zhang Z. The Shareholder Derivative Action and Good Corporate Governance in China: Why is the Excitement Actually for Nothing? // Pacific Basin Law Journal. — 2011. — Vol. 28. — Iss. 2. — P. 174–209.

Уголовно-правовые механизмы обеспечения безопасности пожилых лиц

Аннотация. В статье проведен анализ современного состояния и особенностей реализации механизма обеспечения безопасности лиц пожилого возраста уголовно-правовыми средствами. Целью исследования является выработка теоретических положений, направленных на совершенствование института уголовно-правовой охраны прав пожилых лиц. В статье особое внимание уделено причинам общественной опасности преступлений против указанной социальной группы, а также проблемам законодательного закрепления и практической реализации указанного института на современном этапе. Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания и совокупность общенаучных (анализ, синтез, индукция, абстрагирование), частнонаучных (статистический) и специально-юридических (формально-юридический, метод толкования юридических норм, историко-правовой) методов. Автор приходит к выводу о том, что уровень общественной опасности преступлений, совершенных в отношении лиц пожилого возраста, невозможно определить однозначно в силу индивидуальных особенностей потерпевших. Справедливой представляется оценка преступного деяния против пожилого лица с указанием на признаки «беспомощное» либо «беззащитное», что определяет отсутствие необходимости изменения уголовного закона. Учитывая неоднозначность судебной практики, автор формулирует критерии, способствующие конкретизации представленных признаков в целях дифференциации уголовной ответственности за преступления в отношении уязвимых лиц пожилого возраста.

Ключевые слова: уголовное право; Уголовный кодекс Российской Федерации; преступление; пожилое лицо; возраст; потерпевший; общественная опасность; отягчающее наказание обстоятельство; беспомощность; беззащитность.

Для цитирования: Бирюков И. И. Уголовно-правовые механизмы обеспечения безопасности пожилых лиц // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 102–115. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.102-115.

© Бирюков И. И., 2024

* Бирюков Иван Игоревич, старший специалист центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства, аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
bii32@icloud.com
Большая Черемушкинская ул., д. 34, г. Москва, Россия, 117218

Criminal Law Mechanisms for Ensuring the Safety of the Older Adults

Ivan I. Biryukov, Senior Manager, Center for Criminal Legislation and Criminal Procedure Legislation;
Postgraduate Student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
bii32@icloud.com

Abstract. The paper analyzes the current state and features of the implementation of the mechanism for ensuring the safety of the older adults by the means of criminal law. The purpose of the study is to develop theoretical provisions aimed at improving the institution of criminal law protection of the rights of the older adults. The paper draws attention to the causes of the public danger of crimes against this social group, as well as the problems of legislative consolidation and practical implementation of this institution at the present stage. Methodologically, the study is based on the dialectical method of cognition, as well as a set of general scientific (analysis, synthesis, induction, abstraction), private scientific (statistical) and special legal (formal legal, method of interpretation of legal norms, historical and legal) methods. The author concludes that the level of public danger of crimes committed against the older adults cannot be determined unambiguously due to the individual characteristics of the victims. Qualifying a criminal act against an older adult person is considered fair in connection with the indication of the signs of «helpless» or «defenseless» state, which determines that there is no need to change the criminal law. Taking into account the ambiguity of judicial practice, the author defines criteria that contribute to the substantiation of the presented features in order to differentiate criminal liability for crimes against vulnerable elderly people.

Keywords: criminal law; Criminal Code of the Russian Federation; crime; older adult person; age; victim; public danger; aggravating circumstance; helplessness; defenselessness.

Cite as: Biryukov I. Criminal Law Mechanisms for Ensuring the Safety of the Older Adults. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):102-115. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.102-115

Обеспечение безопасности человека является одним из ключевых направлений деятельности государства, а защита его прав и свобод гарантирована ст. 45 и 46 Конституции РФ.

Если основываться на необходимости «преодоления исходного неравенства людей путем создания равенства стартовых возможностей в использовании ими своих прав и свобод»¹, то логично, что особое внимание государства должно быть привлечено к обеспечению безопасности представителей наименее социально защищенных категорий граждан. В частности, к ним следует отнести лиц пожилого возраста, поскольку старение представляет собой естественный и закономерный процесс жизнедея-

тельности человека, связанный с существенными преобразованиями организма, которые в той или иной степени негативно отражаются на его физическом здоровье, двигательной активности, психическом состоянии, умственных способностях и т.д., из чего следует снижение возможности противостояния противоправному поведению, что зачастую осознается виновным и используется при совершении преступления.

При этом наступившее столетие проявилось принципиально новой демографической ситуацией — увеличением абсолютной численности населения и доли лиц пожилого возраста в его структуре². Анализируя данные³, представленные Федеральной службой государственной статистики, следует отметить, что доля пожи-

---

¹ Азарова Е. Г. Право граждан на справедливое социальное обеспечение // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 8. С. 78.

² Правовая политика государства в сфере общественного здоровья : науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. В. Путило. М. : Проспект, 2022. С. 196–197.

³ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2023 г. // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_1.1.xlsx (дата обращения: 09.08.2023).

лых граждан во всем населении России на протяжении последних пяти лет в целом остается стабильно высокой⁴.

Кроме того, с учетом причин биологического и правового характера, а также при наличии «новых факторов общественного развития, которые несут угрозы как личности, так и государству»⁵, среди которых ключевую роль играют развитие информационных технологий и их активное внедрение в жизнь человека, в последние годы значительно обострилась проблема защиты представителей старшего поколения от преступных деяний.

Названные обстоятельства учитываются в документах стратегического планирования. Поддержке пожилых граждан согласно Стратегии национальной безопасности РФ⁶ уделяется особое внимание государства, в связи с чем формируются условия и принимаются меры, направленные на сбережение народа России, повышение их качества жизни и благосостояния, обеспечивается защита граждан старшего поколения и всех форм собственности от противоправных посягательств. Ключевое положение в данном контексте занимает уголовное право как «краеугольная отрасль для обеспечения благополучия общества»⁷. При этом в ст. 2 УК РФ защита прав и свобод человека и гражданина названа приоритетной задачей⁸. Между тем в УК РФ указание на пожилой возраст лица формально приводится четырежды:

при установлении запретов назначения принудительных работ для лиц, имеющих право на страховую пенсию по старости (ст. 53.1 УК РФ), пожизненного лишения свободы и смертной казни для мужчин, достигших возраста 65 лет к моменту вынесения приговора (ст. 57 и 59 УК РФ), а также в конструкции нормы, запрещающей оставление лица, которое лишено возможности принять меры к самосохранению, в опасном для жизни или здоровья состоянии (ст. 125 УК РФ). Специальные средства уголовно-правовой охраны пожилых лиц раскрываются через их отнесение к категориям «беспомощное» либо «беззащитное», которые закреплены в перечне обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ).

Вместе с тем важнейшим механизмом обеспечения безопасности представителей старших поколений, равно как и других людей, является предупредительный потенциал уголовного закона, который в настоящее время «используется не в полной мере»⁹.

В ходе анализа действующего законодательства выявлено отсутствие единства правовой терминологии относительно категоризации и дифференциации возрастной принадлежности лиц, претерпевающих процесс старения.

Указание на преклонный возраст человека в качестве юридического факта связано с возникновением права на пенсионное обеспечение по старости и иных форм социального обеспече-

⁴ Как отмечается в статистическом бюллетене (на 1 января 2022 г.) Росстата, «в настоящее время каждый седьмой россиянин, т.е. 16,0 % (на начало 2021 г. — 15,8 %) жителей страны, находится в возрасте 65 лет и более», а «каждый четвертый житель России (35,0 млн человек на 1 января 2022 г.) — в пенсионном возрасте» (URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 09.08.2023)).

⁵ См.: Правовой статус человека и гражданина в меняющемся мире : монография / отв. ред. А. Е. Постников. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ : Норма : Инфра-М, 2023.

⁶ Утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

⁷ Хабриева Т. Я. К 25-летию Журнала российского права. Обращение главного редактора к читателям // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 1. С. 13.

⁸ См.: Нудель С. Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 1. С. 5–22.

⁹ Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / В. П. Кашепов, Н. А. Голованова, А. А. Гравина [и др.] ; отв. ред. В. П. Кашепов. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ : Контракт, 2018. С. 125–126.

ния, что презюмирует его нетрудоспособность¹⁰ и возникновение различного рода социальных рисков. В соответствии с проводимой в стране пенсионной реформой предусмотрено поэтапное увеличение возраста, достижение которого влечет возникновение права на страховую пенсию по старости, до 65 и 60 лет (для мужчин и женщин соответственно) к 2028 г.¹¹

Между тем понятие «пожилой» конкретизируется в единственном документе — «ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения», утвержденном приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 532-ст. В пункте 2.4.23 указанного подзаконного акта приводится термин «гражданин пожилого возраста», в соответствии с которым к данной категории граждан относятся женщины старше 55 лет и мужчины старше 60 лет.

В контексте дифференциации возрастной принадлежности равным образом необходимо обратить внимание на классификацию, принятую Всемирной организацией здравоохранения

в 2012 г., которая применяется Минздравом России при разработке клинических и методических рекомендаций. Так, лица, претерпевающие процесс старения, вне зависимости от половой принадлежности, разделены на три группы: пожилого возраста (60 лет — 74 года), старческого (75—90 лет) и возраста долгожителей (более 90 лет).

С учетом повышенного внимания к возрастным изменениям функциональных особенностей организма и их последствиям в контексте уголовно-правовой охраны следует придерживаться научно обоснованного медицинского подхода¹², понимая под пожилыми мужчинами и женщинами старше 60 и 55 лет соответственно.

Далее, отметим чрезвычайную распространенность противоправных деяний в отношении указанной социальной группы, а также высокую степень общественной опасности их последствий. В средствах массовой информации регулярно появляются сведения о преступных актах различного характера, жертвами которых становятся лица пожилого возраста¹³.

¹⁰ См.: Березин Д. А., Маркина М. В. Пожилые люди: проблемы категоризации // Социальное и пенсионное право. 2020. № 3. С. 13–16.

¹¹ Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // СЗ РФ. 2018. № 41. Ст. 6190.

¹² Возраст выхода на пенсию был обоснован представителями советской медицинской и биологической науки, которые определили, что начиная с 55 лет проявляются функциональные изменения в организме человека, связанные со старением. Кроме того, разработки велись и по вопросу несоответствия физиологических возможностей женщин и мужчин, в связи с чем было установлено, что право на пенсионное обеспечение у женщин возникало (при наличии необходимого трудового стажа) в 55 лет, а у мужчин в 60. Более подробно см.: *Нагорный А. В.* Жизнь, старость и смерть. Одесса : Гос. изд. Украины, 1923 ; Советское трудовое право / Всесоюз. ин-т юрид. наук НКЮ Союза ССР. М. : Юрид. изд-во, 1939 ; Старость : труды конференции по проблеме генеза старости и профилактики преждевременного старения организма (Киев, 17–19 декабря 1938 г.). Киев : Изд-во АН УССР, 1939 ; *Нагорный А. В.* Проблемы старения и долголетия. Харьков : ХГУ, 1940 ; *Френкель З. Г.* Удлинение жизни и активная старость. Л. : Ордена Ленина ГИДУВ имени С.М. Кирова, 1945 ; *Сазонов В. С.* Развитие советского законодательства о пенсионном обеспечении : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967 ; *Мачульская Е. Е.* Право социального обеспечения. Перспективы развития. М. : Городец, 2000.

¹³ Приведем лишь некоторые, наиболее показательные примеры. Женщина (39 лет) в состоянии алкогольного опьянения пришла к своей престарелой односельчанке (92 года), чтобы занять у нее денег, а после отказа напала на нее, задушила платком и похитила 59 тыс. руб. (URL: <https://iz.ru/762121/2018-07-02/mnogodetnaia-mat-poluchila-10-let-kolonii-za-ubiistvo-blokadnicu> (дата обращения: 01.08.2023)). Двое лиц совершили хищения у 189 пожилых граждан путем обмана с установлением систем фильтрации воды. Под угрозой отключения водоснабжения от «представителей управляющей компании» старики передавали преступникам по 139 тыс. руб. (URL: <https://rg.ru/2021/07/28/reg-cfo/sud-vynes-prigovor>

Вместе с тем наблюдается недостаток информации из открытых источников о состоянии преступности против представителей старших поколений. Несмотря на то что статистическая карточка на выявленное преступление (Форма № 1)¹⁴, разработанная в целях формирования статистической информации о состоянии преступности, содержит указание на принадлежность потерпевшего к пожилым лицам, официальные, открыто публикуемые статистические базы данных, представленные МВД России, Генеральной прокуратурой РФ и Верховным Судом РФ, не располагают сведениями о количестве потерпевших преклонного возраста, что не позволяет в полном объеме оценить степень распространенности рассматриваемой группы общественно опасных деяний. Отсутствие соответствующих данных в открытых официальных источниках может быть объяснено тем, что статистические сведения ложатся в основу оценки качества работы упомянутых органов, указание на возраст потерпевшего для которой не имеет значения (за исключением несовершеннолетних).

В отечественной уголовно-правовой и криминологической литературе имеет место дискуссия по проблеме преступности в отношении пожилых

граждан. На основании данных ведомственной статистики высказываются мнения о степени общественной опасности и распространенности указанной категории противоправных деяний. А. И. Бастрыкин обращает внимание на то, что сотрудники Следственного комитета РФ в ходе расследования уголовных дел сталкиваются с самыми разными проявлениями жестокости и безнравственности, включая унижение и обман ветеранов и пенсионеров — людей, которые так нуждаются в защите и заботе¹⁵. А. Л. Ситковский и Г. Ф. Коимшиди, анализируя данные ФКУ «ГИАЦ МВД России», с тревогой отмечают рост количества потерпевших преклонного возраста и прогнозируют негативную тенденцию виктимизации пожилых граждан в связи с влиянием ряда социально-экономических факторов¹⁶. К. В. Вишневецкий приводит данные о том, что люди в возрасте от 16 до 24 лет в несколько раз чаще становятся жертвами краж и угонов транспортных средств, чем люди старше 65 лет, однако признает уязвимость лиц пожилого возраста в условиях кардинальной трансформации социума¹⁷. Отдельные исследователи поднимают проблему отсутствия статистических данных открытого характера о преступлениях в отношении пожилых лиц¹⁸.

moshennikam-prodavavshim-moskvicham-chudo-filtry-dlia-vody.html (дата обращения: 01.08.2023)). Ущерб на сумму более 11 млн руб. был причинен организованной группой, которая в 2021 г. совершила 41 эпизод телефонного мошенничества в отношении жителей Москвы, Санкт-Петербурга и Ленинградской области в возрасте старше 80 лет (URL: <https://regnum.ru/news/3821690> (дата обращения: 02.08.2023)). Двое мужчин (39 и 27 лет) незаконно проникли в частный дом, где проживали пожилые брат и сестра (1944 и 1946 годов рождения), связали хозяев, заклеили им рты скотчем, после чего накрыли пледом и подожгли (URL: <https://news.rambler.ru/crime/47012421-sozhgli-zazhivo-stali-izvestny-podrobnosti-ubiystva-rozhilogo-repetitora-v-moskve/> (дата обращения: 02.08.2023)).

¹⁴ См.: приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: Бастрыкин А. И. О соотношении уголовного закона и нравственности // Уголовный закон и нравственность : сборник материалов Международной науч.-практ. конференции (Москва, 29 сентября 2021 г.) / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ : Юриспруденция, 2022. С. 30–35.

¹⁶ См.: Ситковский А. Л., Коимшиди Г. Ф. Характеристика криминальной виктимизации пожилых и несовершеннолетних, а также ожидаемые тенденции ее развития до 2023 года // Академическая мысль. 2021. № 4 (17). С. 124–133.

¹⁷ См.: Вишневецкий К. В. К вопросу о виктимизации людей преклонного возраста // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 565–568.

¹⁸ См.: Соколова А. В. Специфика учета пожилого возраста потерпевшего от преступления при назначении наказания // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 39. № 3. С. 156–160.

два проекта связаны с дополнением перечня отягчающих наказание обстоятельств указанием на совершение преступлений в отношении лиц: 1) достигших возраста 70 лет (2017 г.)²⁶; 2) достигших пенсионного возраста (2020 г.)²⁷.

Кроме того, отметим обращение представителей Общественной палаты к Генеральному прокурору РФ в 2016 г. с идеей об ужесточении законодательства в целях противодействия преступным посягательствам, направленным против пожилых людей²⁸.

Перечисленные предложения обосновывались тем, что данные социальные группы являются наиболее незащищенными и уязвимыми, преступления против них совершаются всё чаще, что является верхом циничности и связано с их одиночеством, недостатком общения, повышенной доверчивостью, слабой информированностью по ряду вопросов.

При аргументации научных и законодательных инициатив, связанных с дополнением перечня отягчающих наказание обстоятельств, принимаются во внимание положения Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., статья 39 которого,

кроме прочих отягчающих ответственность обстоятельств, содержала указание на совершение преступления в отношении престарелого²⁹ и применялась вплоть до 1 января 1997 г. Как справедливо отмечают Л. В. Лобанова и Д. В. Давтян, «ранее категория престарелого потерпевшего обладала большей самостоятельностью»³⁰.

Невзирая на то, что ни одно из отмеченных предложений не нашло поддержки, дискуссия о необходимости законодательного преобразования механизма уголовно-правовой охраны лиц пожилого возраста не утихает, периодически продолжают выдвигаться соответствующие предложения³¹. При этом следует согласиться с представленными как в научных работах, так и в пояснительных записках к законопроектам доводами о степени распространенности соответствующих деяний, а также более высоком уровне уязвимости данной социальной группы.

Впрочем, предложения о закреплении специальных составов преступления либо дополнении перечня обстоятельств, отягчающих наказание, признаками «престарелый», «пожилой»,

---

ской Федерации» ; № 436314-6 «О внесении изменений в статью 159 Уголовного кодекса Российской Федерации» ; № 465438-6 «О внесении изменения в статью 161 Уголовного кодекса Российской Федерации» ; № 465446-6 «О внесении изменения в статью 162 Уголовного кодекса Российской Федерации» ; № 471170-6 «О внесении изменения в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 16.08.2023).

²⁶ См.: проект федерального закона № 188746-7 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 16.08.2023).

²⁷ См.: проект федерального закона № 958905-7 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 16.08.2023).

²⁸ Совершение преступления против пожилого гражданина может стать отягчающим обстоятельством // URL: <https://www.garant.ru/news/886672/> (дата обращения: 06.08.2023).

²⁹ Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Лобанова Л. В., Давтян Д. В. Об уголовно-правовом значении престарелого возраста потерпевшего // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 29.

³¹ В частности, 15 июня 2022 г. член Комитета Государственной Думы ФС РФ по труду, социальной политике и делам ветеранов Екатерина Стенякина высказала мнение о том, что необходимо ужесточить наказание за преступления в отношении пожилых граждан, а также детей и инвалидов (URL: <https://www.mk.ru/social/2022/06/15/v-gosdume-prizvali-uzhestochit-nakazanie-za-prestupleniya-protiv-pozhilykh-rossiyan.html> (дата обращения: 29.08.2023)). 16 августа 2023 г. вице-спикер Государственной Думы ФС РФ от партии «Новые люди» Владислав Даванков отправил на отзыв в Правительство РФ и Верховный Суд РФ законопроект, согласно которому преступление против человека старше 60 лет будет отягчающим наказанием обстоятельством (URL: <https://tass.ru/obschestvo/18521881> (дата обращения: 30.08.2023)).

«лицо, достигшее возраста семидесяти лет», «пенсионер» или иными сходными не представляются обоснованными.

Первым аргументом против предлагаемых изменений действующего законодательства для установления более строгой ответственности за преступления против пожилых лиц является неопределенность последствий в части объективного вменения, поскольку факт совершения преступления в отношении пожилого лица, находящегося в особо уязвимом положении и неспособного защитить себя, не во всех случаях может быть осознан лицом, имеющим намерение совершить данное деяние, из чего следует отсутствие умысла на причинение общественно опасных последствий данному субъекту³². Соответственно, в целях квалификации по специальной норме или учета в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, в ходе предварительного следствия необходимо доказать направленность преступного умысла виновного лица исключительно на пожилого гражданина, что представляется в значительной степени затруднительным.

В качестве второго аргумента выступает наличие в отечественном уголовном законе специальных механизмов привлечения к уголовной ответственности за деяния, совершенные в отношении незащищенных и уязвимых граждан пожилого возраста. Так, предусмотренный частью 1 ст. 63 УК РФ перечень обстоятельств, отягчающих наказание, содержит указание на совершение преступления в отношении беззащитного либо беспомощного лица (п. «з»). При этом к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 УК РФ)» могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее. Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» определено, что беспомощное состояние потерпевшего лица имеется

в случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному.

Институт обстоятельств, отягчающих наказание, выступает важнейшим инструментом дифференциации уголовной ответственности, характеризует преступное деяние как обладающее повышенной степенью общественной опасности в силу определенных субъективных (в частности, активная роль, особая жестокость, мотивы мести, ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, использование доверия и т.д.) или объективных (например, наступление тяжких последствий, совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия и т.д.) условий его совершения, что, в свою очередь, является основанием для назначения виновному более строгого наказания в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

Повышение степени общественной опасности, с которым законодатель соотносит наличие указанного ранее обстоятельства, связано не с формальным достижением конкретного возраста потерпевшим или возникновением права на пенсионное обеспечение, а с неспособностью в силу физического состояния или нарушения когнитивных функций организма (включая те негативные проявления, которые возникают в престарелом возрасте: болезнь, инвалидность, психическое расстройство и т.д.) защитить себя, оказать активное противодействие преступному посягательству, т.е. с фактическим особо уязвимым положением, которое осознается и используется виновным при совершении преступления. При этом факт приобретения права на пенсионное обеспечение или достижения определенного возраста не может однозначно свидетельствовать об изменениях в интеллектуальном и волевом аспектах поведения лица (приобретение забывчивости, доверчивости

и пр.), наличие которых ставит его в более уязвимое состояние в контексте преступного посягательства и дает основание для рассмотрения вопроса о необходимости его особой уголовно-правовой защиты. В этой связи справедливым является суждение доклада Всемирной организации здравоохранения, посвященного проблемам старости: «в то время как одни 70-летние люди могут находиться в хорошей физической и умственной форме, другие могут быть немощными или нуждаться в существенной поддержке для удовлетворения своих основных потребностей»³³.

Соответственно, указание на обстоятельство, отягчающее наказание, законно и справедливо только в случаях, когда фактические обстоятельства дела свидетельствуют о наличии уязвимого состояния пожилого лица, связанного с возрастными изменениями в организме, в силу которых оно не может оказать необходимое сопротивление преступнику в момент совершения противоправного деяния.

Исходя из представленных выше положений, автор считает обоснованной невозможность законодательного закрепления специальных составов преступлений в отношении лиц пожилого возраста либо дополнения перечня обстоятельств, отягчающих наказание, признаками «престарелый», «пожилой», «лицо, достигшее возраста 70 лет», «пенсионер» или иными сходными. Вносить в текст УК РФ представленные формальные признаки нерезонно «в отрыве от состояния беспомощности, неспособности принять меры к самосохранению, которое опреде-

ляется не в последнюю очередь именно этими возрастными показателями»³⁴.

Вывод о недостаточности имеющихся в УК РФ механизмов, позволяющих дифференцировать и индивидуализировать меры уголовной ответственности посредством указания на оценочные признаки «беспомощность» либо «беззащитность», и необходимости изменения уголовного закона должен быть основан на анализе имеющейся судебной практики, вырабатывающей «единые общие подходы и критерии в их определении и применении»³⁵, поскольку именно суд, соприкасаясь с преступлением и оценивая его общественную опасность³⁶, самостоятельно и независимо принимает решение о применении в конкретном деле тех или иных механизмов, предусмотренных уголовным законом. Как справедливо отмечает К. З. Трапаидзе, «правом определять, является в конкретной ситуации престарелое лицо беспомощным или нет, должен обладать только суд»³⁷.

Между тем в настоящее время судебная практика по делам, потерпевшими в которых являются пожилые или престарелые лица, характеризуется редкостью и неоднозначностью в части указания на наличие обстоятельства, отягчающего наказание, в виде совершения деяния в отношении беспомощного или беззащитного лица. В частности, в одном из уголовных дел суд не нашел ситуацию, при которой пожилой человек находился под постоянными угрозами физического насилия и психологическим давлением своего близкого родственника (из чего следует невозможность в силу возраста оказать

³² Примером служат весьма распространенные случаи телефонного мошенничества, совершаемого путем установления соединения случайным набором либо из заранее подготовленной базы телефонных номеров (так называемые холодные звонки) с абонентами, сведения о личности которых неизвестны.

³³ Всемирная организация здравоохранения. Всемирный доклад о старении и здоровье. 2016 // URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf?sequence=10 (дата обращения: 15.08.2023).

³⁴ Кауфман М. А. Указ. соч. С. 25.

³⁵ Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности : монография / отв. ред. О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. М. : Юриспруденция, 2022. С. 36.

³⁶ См.: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Преступность и судебно-уголовная политика // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 12. С. 37.

³⁷ Трапаидзе К. З. Учение о возрасте в уголовном праве : монография / под науч. ред. С. М. Кочои. М. : Проспект, 2023. С. 121.

сопротивление виновному), подходящей для признания указанных деяний как совершенных в отношении беспомощного или беззащитного лица³⁸. Однако в сходном деле суд, учитывая показания свидетеля о том, что потерпевшая, находясь в преклонном возрасте, обстоятельства воспринимает адекватно, сама себя обслуживает, ходит по магазинам, производит квартирную плату, находит возможным признать ее беззащитность и беспомощность, обосновывая это сложившейся обстановкой и физическим превосходством подсудимого³⁹. В ином случае суд установил, что потерпевшая находится в беспомощном состоянии в силу возраста и общего неудовлетворительного состояния здоровья, что явно было известно подсудимому ввиду внешних данных и их родственных отношений⁴⁰.

Несправедливой представляется ситуация, в соответствии с которой для отнесения к обстоятельствам, отягчающим наказание, судами не принимается во внимание признаваемая подсудимыми направленность умысла на совершение деяния в отношении пожилого лица в контексте осознания невозможности потерпевшего в силу возраста оказать необходимое сопротивление⁴¹.

Наоборот, следует признать удачной практику прямого указания судом в приговоре на год

рождения или преклонный возраст лица, наличие инвалидности и заболеваний в обоснование его беспомощности⁴². Так, крайне убедительное и четкое обоснование оценки деяния как совершенного в отношении беззащитного и беспомощного лица дается в следующем приговоре: потерпевшая являлась престарелым человеком в возрасте 81 года и инвалидом первой группы, страдала различными болезнями и в силу этого была лишена возможности защитить себя, оказать активное сопротивление, осуществить свое право на необходимую оборону. Виновный, совершая преступление, осознавал эти обстоятельства, так как потерпевшая была ему хорошо знакома, он общался с ней как с соседкой⁴³.

Впрочем, даже наличие ограниченных возможностей престарелого лица противостоять преступному деянию (наличие спицы в костях, в связи с чем потерпевшая может передвигаться только с тростью) судом не всегда воспринимается как его беспомощность⁴⁴.

Следует подчеркнуть, что отдельные примеры судебной практики представляются весьма противоречивыми, что обусловлено оценочным характером понятий «беспомощность» и «беззащитность» и отсутствием четкости в их разъяснении. Подобная ситуация требует не преобразований уголовного закона, а пред-

---

³⁸ См.: приговор Читинского районного суда Забайкальского края № 1-25/2022 1-461/2021 от 03.02.2022 по делу № 1-25/2022 (здесь и далее материалы судебной практики приводятся в соответствии с интернет-ресурсом «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 08.08.2023))).

³⁹ См.: приговор Котельничского районного суда Кировской области № 1-3/35/2020 от 23.07.2020 по делу № 1-3/35/2020.

⁴⁰ См.: приговор Половинского районного суда Курганской области № 1-11/2020 от 21.07.2020 по делу № 1-11/2020.

⁴¹ См.: апелляционное постановление Калужского областного суда № 22-1327/2020 УК-22-1327/2020 от 03.11.2020 по делу № 1-26/2020 ; приговоры Пензенского областного суда № 2-6/2020 от 11.12.2020 по делу № 2-6/2020 ; Чусовского городского суда Пермского края № 1-62/2022 от 18.02.2022 по делу № 1-62 ; Красноборского районного суда Архангельской области № 1-72/2020 от 22.07.2020 по делу № 1-72/2020.

⁴² См.: приговоры Советского районного суда Республики Башкортостан № 1-304/2020 от 23.07.2020 по делу № 1-304/2020 ; Окуловского районного суда Новгородской области № 1-11-116/2020 1-116/2020 от 23.07.2020 по делу № 1-11-116/2020.

⁴³ См.: приговор Шадринского районного суда Курганской области № 1-25/2021 1-446/2020 от 03.03.2021 по делу № 1-25/2021.

⁴⁴ См.: приговор Подольского городского суда Московской области № 1-322/2020 от 23.07.2020 по делу № 1-322/2020.

ставления Пленумом Верховного Суда РФ нижестоящим судам более конкретных критериев определения состояния пожилого лица в целях дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности за преступления, совершенные в отношении них.

Подводя итог, можно констатировать, что уголовно-правовая охрана пожилых граждан крайне специфичный институт, осложненный субъективными особенностями пожилых лиц. Преступления в отношении лиц пожилого возраста, без сомнения, связаны с повышенной степенью общественной опасности. Подобная ситуация объясняется а) физиологическими и психическими изменениями, происходящими в ходе биологического старения; б) многочисленностью данной социальной группы; в) темпами развития общественных отношений, за которыми трудно успевать традиционно консервативным пожилым лицам; г) высоким уровнем виктимизации данной социальной группы и распространенности указанных деяний; д) отсутствием реальной возможности противостоять преступнику, особенно при совершении насильственных деяний. При этом оценка степени общественной опасности должна производиться не на основании формальных критериев (достижение возраста, возникновение права на пенсионное обеспечение по старости), а с учетом фактического уязвимого положения, выраженного в неспособности в силу физического состояния или нарушения когнитивных функций организма защитить себя, что осознается и используется виновным при совершении преступления.

Указанное положение было принято во внимание законодателем, устанавливающим меха-

низм привлечения к более строгой уголовной ответственности посредством закрепления в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение деяния в отношении беспомощного либо беззащитного лица (без конкретизации возраста или факта получения пенсионных выплат), в связи с чем внесение изменений в уголовный закон в части дополнения перечня указанных обстоятельств либо закрепления квалифицирующих признаков в статьях Особенной части УК РФ, регулирующих рассматриваемые общественные отношения, носит избыточный характер.

Несмотря на наличие такого механизма, судебная практика по исследуемому вопросу представляется весьма неоднозначной и в отдельных случаях противоречивой, что обусловлено оценочным характером понятий «беспомощность» и «беззащитность», отсутствием четкости в их разъяснении и отграничении от нормального состояния лица, из чего следует необходимость разработки критериев оценки данных состояний и внесения соответствующих изменений на уровне постановлений Пленума Верховного Суда РФ. В частности, на основании проведенного автором анализа правоприменительной практики предлагается выделить признаки, которые следует учитывать при оценке преступления в отношении пожилого лица как совершенного с обстоятельством, отягчающим наказание: возраст потерпевшего 80 лет и старше, наличие у него инвалидности, заболеваний, а также направленность умысла преступника на совершение деяния в отношении пожилого лица как субъекта, не способного оказать активное сопротивление.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Азарова Е. Г. Право граждан на справедливое социальное обеспечение // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. — № 8. — С. 77–92.
2. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Преступность и судебно-уголовная политика // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25. — № 12. — С. 26–40.
3. Байбарин А. А. Уголовно-правовая дифференциация возраста : монография. — М. : Высшая школа, 2009. — 252 с.
4. Бастрыкин А. И. О соотношении уголовного закона и нравственности // Уголовный закон и нравственность : сборник материалов международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. Я. Хабриева. — М., 2022. — С. 30–35.

5. Березин Д. А., Маркина М. В. Пожилые люди: проблемы категоризации // Социальное и пенсионное право. — 2020. — № 3. — С. 13–16.
6. Вишневецкий К. В. К вопросу о виктимизации людей преклонного возраста // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 12. — С. 565–568.
7. Кара И. С., Кара С. В. Перспективы признания повышенной ответственности за преступления, совершенные в отношении пожилых лиц, в международном и российском законодательстве // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2020. — № 6. — С. 20–25.
8. Кауфман М. А. Возрастные признаки потерпевшего: дискуссионные аспекты уголовно-правовой регламентации // Уголовное право. — 2015. — № 4. — С. 19–26.
9. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / В. П. Кашепов, Н. А. Голованова, А. А. Гравина [и др.] ; отв. ред. В. П. Кашепов. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ : Контракт, 2018. — 280 с.
10. Кунц Е. В. Уголовно-правовые средства защиты прав лиц пожилого возраста // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем : сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. — Пенза, 2019. — С. 67–69.
11. Курбатова С. М. «Старческий возраст» как обстоятельство, отягчающее уголовное наказание // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы : сборник научных трудов 3-й Международной научной конференции с включением материалов XI Круглого стола «Ценности и нормы правовой культуры в России». — Курск, 2021. — С. 317–319.
12. Лобанова Л. В., Давтян Д. В. Об уголовно-правовом значении престарелого возраста потерпевшего // Российская юстиция. — 2010. — № 11. — С. 27–30.
13. Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения. Перспективы развития. — М. : Городец, 2000. — 141 с.
14. Нагорный А. В. Жизнь, старость и смерть. — Одесса : Гос. изд. Украины, 1923. — 120 с.
15. Нагорный А. В. Проблемы старения и долголетия / Харьк. гос. ун-т имени А.М. Горького. — Харьков : ХГУ, 1940. — 446 с.
16. Нудель С. Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27. — № 1 — С. 5–22.
17. Попов Н. В. Человек и закон. Обман — преступление против стариков // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. — 2015. — № 2. — С. 31–34.
18. Правовая политика государства в сфере общественного здоровья : науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. В. Путило. — М. : Проспект, 2022. — 224 с.
19. Правовой статус человека и гражданина в меняющемся мире : монография / отв. ред. А. Е. Постников. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ : Норма : Инфра-М, 2023. — 248 с.
20. Репецкая Ю. О. Виктимологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершенных в отношении лиц пожилого возраста : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 27 с.
21. Сазонов В. С. Развитие советского законодательства о пенсионном обеспечении : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1967. — 388 с.
22. Ситковский А. Л., Коимшиди Г. Ф. Характеристика криминальной виктимизации пожилых и несовершеннолетних, а также ожидаемые тенденции ее развития до 2023 г. // Академическая мысль. — 2021. — № 4 (17). — С. 124–133.
23. Советское трудовое право / Всесоюз. ин-т юрид. наук НКЮ Союза ССР. — М. : Юрид. изд-во, 1939. — 319 с.
24. Соколова А. В. Специфика учета пожилого возраста потерпевшего от преступления при назначении наказания // Юридический вестник ДГУ. — 2021. — Т. 39. — № 3. — С. 156–160.

25. Старость: труды конференции по проблеме генеза старости и профилактики преждевременного старения организма (Киев, 17–19 декабря 1938 г.). — Киев : Изд-во АН УССР, 1939. — 490 с.
26. Трапаидзе К. З. Учение о возрасте в уголовном праве : монография / под науч. ред. С. М. Кочои. — М. : Проспект, 2023. — 384 с.
27. Третьяков И. Л. Криминальная виктимизация лиц старшего поколения: актуальные проблемы ее преодоления // Юридическая наука: история и современность. — 2019. — № 9. — С. 129–141.
28. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности : монография / отв. ред. О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. — М. : Юриспруденция, 2022. — 302 с.
29. Френкель З. Г. Удлинение жизни и активная старость / Гос. Ордена Ленина ин-т усовершенствования врачей имени С.М. Кирова. — Л. : Ордена Ленина ГИДУВ имени С.М. Кирова, 1945. — 372 с.
30. Хабриева Т. Я. К 25-летию Журнала российского права. Обращение главного редактора к читателям // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. — № 1. — С. 5–15.
31. Шикун И. Р. К вопросу виктимологической профилактики преступного насилия в отношении лиц пожилого возраста // Российский следователь. — 2013. — № 8. — С. 42–44.

Материал поступил в редакцию 5 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Azarova E. G. Pravo grazhdan na spravedlivoe sotsialnoe obespechenie // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2022. — Т. 26. — № 8. — С. 77–92.
2. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Prestupnost i sudebno-ugolovnaya politika // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2021. — Т. 25. — № 12. — С. 26–40.
3. Baybarin A. A. Ugolovno-pravovaya differentsiatsiya vozrasta: monografiya. — М.: Vysshaya shkola, 2009. — 252 s.
4. Bastrykin A. I. O sootnoshenii ugolovnogo zakona i npravstvennosti // Ugolovnyy zakon i npravstvennost: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / отв. ред. Т. Я. Хабриева. — М., 2022. — С. 30–35.
5. Berezin D. A., Markina M. V. Pozhilye lyudi: problemy kategorizatsii // Sotsialnoe i pensionnoe pravo. — 2020. — № 3. — С. 13–16.
6. Vishnevetskiy K. V. K voprosu o viktimizatsii lyudey preklonnogo vozrasta // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. — 2012. — № 12. — С. 565–568.
7. Kara I. S., Kara S. V. Perspektivy priznaniya povyshennoy otvetstvennosti za prestupleniya, sovershennyye v otnoshenii pozhilykh lits, v mezhdunarodnom i rossiyskom zakonodatelstve // Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya. — 2020. — № 6. — С. 20–25.
8. Kaufman M. A. Vozrastnye priznaki poterpevshego: diskussionnye aspekty ugolovno-pravovoy reglamentatsii // Ugolovnoe pravo. — 2015. — № 4. — С. 19–26.
9. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya kak formy preobrazovaniya ugolovnogo zakonodatelstva: monografiya / V. P. Kashenov, N. A. Golovanova, A. A. Gravina [i dr.]; отв. ред. V. P. Kashenov. — М.: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve RF: Kontrakt, 2018. — 280 s.
10. Kunts E. V. Ugolovno-pravovye sredstva zashchity prav lits pozhilogo vozrasta // Ekonomika, upravlenie i pravo: innovatsionnoe reshenie problem: sbornik statey XVIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — Penza, 2019. — С. 67–69.
11. Kurbatova S. M. «Starcheskiy vozrast» kak obstoyatelstvo, otyagchayushchee ugolovnoe nakazanie // Evolyutsiya gosudarstva i prava: problemy i perspektivy: sbornik nauchnykh trudov 3-y Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii s vklyucheniem materialov XI Kruglogo stola «Tsennosti i normy pravovoy kultury v Rossii». — Kursk, 2021. — С. 317–319.

12. Lobanova L. V., Davtyan D. V. Ob ugovolno-pravovom znachenii prestarelogo vozrasta poterpevshego // Rossiyskaya yustitsiya. — 2010. — № 11. — S. 27–30.
13. Machulskaya E. E. Pravo sotsialnogo obespecheniya. Perspektivy razvitiya. — M.: Gorodets, 2000. — 141 s.
14. Nagornyy A. V. Zhizn, starost i smert. — Odessa: Gos. izd. Ukrainy, 1923. — 120 s.
15. Nagornyy A. V. Problemy stareniya i dolgoletiya / Khark. gos. un-t imeni A.M. Gorkogo. — Kharkov: KhGU, 1940. — 446 s.
16. Nudel S. L. Modernizatsiya ugovolnoy politiki: problemy pravovogo regulirovaniya // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2023. — T. 27. — № 1 — S. 5–22.
17. Popov N. V. Chelovek i zakon. Obman — prestuplenie protiv starikov // Aktualnye voprosy borby s prestupnostyu. — 2015. — № 2. — S. 31–34.
18. Pravovaya politika gosudarstva v sfere obshchestvennogo zdorovya: nauch.-prakt. posobie / otv. red. N. V. Putilo. — M.: Prospekt, 2022. — 224 s.
19. Pravovoy status cheloveka i grazhdanina v menyayushchemsya mire: monografiya / otv. red. A. E. Postnikov. — M.: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve RF: Norma: Infra-M, 2023. — 248 s.
20. Repetskaya Yu. O. Viktimologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie prestupleniy, sovershennykh v otnoshenii lits pozhilogo vozrasta: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2010. — 27 s.
21. Sazonov V. S. Razvitie sovet'skogo zakonodatelstva o pensionnom obespechenii: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1967. — 388 s.
22. Sitkovskiy A. L., Koimshidi G. F. Kharakteristika kriminalnoy viktimizatsii pozhilykh i nesovershennoletnikh, a takzhe ozhidaemye tendentsii ee razvitiya do 2023 g. // Akademicheskaya mysl. — 2021. — № 4 (17). — S. 124–133.
23. Sovetskoe trudovoe pravo / Vsesoyuz. in-t yurid. nauk NKYu Soyuzo SSR. — M.: Yurid. izd-vo, 1939. — 319 s.
24. Sokolova A. V. Spetsifika ucheta pozhilogo vozrasta poterpevshego ot prestupleniya pri naznachenii nakazaniya // Yuridicheskiy vestnik DGU. — 2021. — T. 39. — № 3. — S. 156–160.
25. Starost: trudy konferentsii po probleme geneza starosti i profilaktiki prezhdevremennogo stareniya organizma (Kiev, 17–19 dekabrya 1938 g.). — Kiev: Izd-vo AN USSR, 1939. — 490 s.
26. Trapaidze K. Z. Uchenie o vozraste v ugovolnom prave: monografiya / pod nauch. red. S. M. Kochoi. — M.: Prospekt, 2023. — 384 s.
27. Tretyakov I. L. Kriminalnaya viktimizatsiya lits starshego pokoleniya: aktualnye problemy ee preodoleniya // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost. — 2019. — № 9. — S. 129–141.
28. Ugovolno-pravovye i ugovolno-protsessualnye sredstva obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti: monografiya / otv. red. O. A. Zaytsev, S. L. Nudel. — M.: Yurisprudentsiya, 2022. — 302 s.
29. Frenkel Z. G. Udlinenie zhizni i aktivnaya starost / Gos. Ordena Lenina in-t usovershenstvovaniya vrachey imeni S.M. Kirova. — L.: Ordena Lenina GIdUV imeni S.M. Kirova, 1945. — 372 s.
30. Khabrieva T. Ya. K 25-letiyu Zhurnala rossiyskogo prava. Obrashchenie glavnogo redaktora k chitatel'nyam // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2022. — T. 26. — № 1. — S. 5–15.
31. Shikula I. R. K voprosu viktimologicheskoy profilaktiki prestupnogo nasiliya v otnoshenii lits pozhilogo vozrasta // Rossiyskiy sledovatel. — 2013. — № 8. — S. 42–44.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.116-129

Н. П. Бухарина*

Ретроспектива возникновения и развития ведомственного процессуального контроля как элемента механизма исправления следственных ошибок (на примере деятельности общих революционных трибуналов в 1917–1922 гг.)

Аннотация. Становление в 1960–1990 гг. института ведомственного процессуального контроля в современном для теории уголовного процесса понимании было бы невозможным без функционирования в 1917–1922 гг. трибунальной юстиции. Использование историко-правового метода позволило проанализировать в динамике функции революционных трибуналов с общей компетенцией, исследовать их взаимоотношения с чрезвычайными комиссиями и иными органами дознания и предварительного следствия. Результаты исследования показали, что в 1917–1922 гг. трибуналы не только осуществляли правосудие по наиболее тяжким составам преступлений, но и выполняли функцию по выявлению следственных ошибок, для чего были наделены соответствующими процессуальными полномочиями. Выводы о степени эффективности реализации указанных полномочий в условиях перманентной реформы трибунальной юстиции автор делает на основании изучения статистических данных исследуемого периода. Анализ нормативных правовых актов, регулировавших деятельность революционных трибуналов, позволяет говорить о том, что в 1917–1922 гг. ведомственный процессуальный контроль не был дифференцированным и его развитие было неотделимо от эволюции судебного и ведомственного контроля, а позднее — прокурорского надзора. **Ключевые слова:** ведомственный процессуальный контроль; процессуальное руководство; организационные полномочия; процессуальные полномочия; следственные ошибки; механизм исправления следственных ошибок; судебный контроль; прокурорский надзор; революционные трибуналы; следственные комиссии; чрезвычайные комиссии.

Для цитирования: Бухарина Н. П. Ретроспектива возникновения и развития ведомственного процессуального контроля как элемента механизма исправления следственных ошибок (на примере деятельности общих революционных трибуналов в 1917–1922 гг.) // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 116–129. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.116-129.

© Бухарина Н. П., 2024

* Бухарина Надежда Порфирьевна, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета
Свободный пр., д. 82а, г. Красноярск, Россия, 660041
buharina.np@yandex.ru

Retrospective of the Emergence and Development of Departmental Procedural Control as an Element of the Mechanism for Correcting Investigative Errors. Case Study of the Activities of Revolutionary Tribunals in 1917–1922

Nadezhda P. Bukharina, Postgraduate Student, Department of Criminal Procedure and Criminology,
Law Institute, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
bukharina.np@yandex.ru

Abstract. Development in 1960–1990 of departmental procedural control as the theory of criminal procedure understand it now would have been impossible without the tribunal justice in 1917–1922. The use of the historical legal method made it possible to analyze the dynamics of the functions of revolutionary tribunals with general competence, to study their relationships with emergency commissions and other bodies of inquiry and preliminary investigation. The results of the study showed that in 1917–1922 the tribunals not only administered justice for the most serious crimes, but also performed the function of identifying investigative errors, for which they were endowed with the appropriate procedural powers. The author draws conclusions about the degree of effectiveness of the implementation of these powers in the conditions of permanent reform of tribunal justice based on a study of statistical data from the mentioned period. An analysis of the normative legal acts that regulated the activities of revolutionary tribunals allows us to say that in 1917–1922 departmental procedural control was not differentiated and its development was inseparable from the evolution of judicial and departmental control, and later — prosecutorial supervision.

Keywords: departmental procedural control; procedural guidance; organizational authority; procedural powers; investigative errors; mechanism for correcting investigative errors; judicial control; prosecutor supervision; revolutionary tribunals; commissions of inquiry; emergency commissions.

Cite as: Bukharina NP. Retrospective of the Emergence and Development of Departmental Procedural Control as an Element of the Mechanism for Correcting Investigative Errors. Case Study of the Activities of Revolutionary Tribunals in 1917–1922. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):116-129. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.116-129.

Исторически сложилось, что в России значительная роль в достижении целей уголовного процесса принадлежит досудебному производству. Быстрота и качество уголовно-процессуальной деятельности на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования не только являются важнейшим условием принятия законных процессуальных решений на досудебных стадиях, но и обеспечивают возможность полного, всестороннего и объективного рассмотрения уголовного дела судом.

Ведомственный процессуальный контроль как инструмент управления уголовно-процес-

суальной деятельностью и один из элементов механизма исправления следственных ошибок имеет длительную историю своего развития. Однако в науке нет единого мнения относительно отправной точки в генезисе этого института.

Некоторые исследователи отмечают, что зачатки процессуального контроля как наиболее широкого понятия появились в результате петровских реформ, в мероприятиях которых можно проследить реализацию идеи о контроле за уголовным судопроизводством¹. Исследования других ученых позволяют сделать вывод о том, что прообраз ведомственного контроля

---

¹ См.: Черняков М. М. Вопросы теории и практики процессуального контроля в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 11 ; Московцева К. А. Процессуальный контроль руководителя следственного органа за деятельностью следователя в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 40–43.

мог возникнуть в результате судебной реформы 1864 г.² Объединяющей для указанных точек зрения является посылка о достаточно длительном генезисе ведомственного контроля, истоки которого лежат не только в дореволюционном, но и в дореформенном законодательстве. В общем и целом считаем данный подход вполне обоснованным.

Другая группа исследователей сужают ретроспективу и начинают отсчет с этапа, на котором ведомственный процессуальный контроль приобрел черты, характерные для современного нам института, — с введения в 1960-х гг. должности начальника следственного отдела и наделения его полномочиями, позволявшими руководить деятельностью соответствующих отделов³. Однако подобный подход, на наш взгляд, создает неверное впечатление о ведомственном процессуальном контроле как о техническом институте, созданном искусственным путем и не имевшем эволюционных форм развития в их исторической обусловленности.

При всем разнообразии научных взглядов на периодизацию ведомственного процессуального контроля авторы солидарны в том, что советский период являлся качественно новым в его становлении и развитии. Однако проблема генезиса элементов ведомственного процессуального контроля в нормативно-правовом

регулировании деятельности революционных трибуналов с общей компетенцией недостаточно изучена.

После Октябрьской революции 1917 г. формально еще почти месяц продолжали действовать законодательство, суды и следственные органы Временного Правительства, по воспоминаниям современников находившиеся в жесткой оппозиции к новой власти⁴. В условиях правовой неопределенности на местах начали стихийно возникать различные следкомиссии с судебными функциями, трибуналы и прочие чрезвычайные судебно-следственные органы⁵. Всё это обусловило принятие 24 ноября 1917 г. специального декрета, сломившего старую следственную и судебную систему, ликвидировавшего неконтролируемое революционное правосудие и заложившего основы для создания новой системы в составе народных судов и революционных трибуналов⁶.

По наиболее опасным для молодого советского государства преступлениям: контрреволюционная деятельность, саботаж, взяточничество и другие тяжкие преступления — предварительное следствие и судебное разбирательство поручались революционным трибуналам, которые представляли собой систему общих, военных, ведомственных и иных специальных следственно-судебных органов⁷.

² См.: *Солодилов А. В.* Судебный контроль за проведением следственных действий и решениями прокурора и органов расследования, ограничивающими конституционные права и свободы граждан, в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 13.

³ См.: *Табакос С. А.* Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: автор : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 17 ; *Садюкова У. В.* Процессуальные полномочия руководителя следственного органа: теория и практика реализации: автор : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 12.

⁴ См.: *Кадич А. Р.* О народном суде (из личных впечатлений) // Пролетарская революция и право. 1918. № 2. С. 23–30 ; *Стучка П.* Пять лет революции права // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44–45. С. 1–3.

⁵ См.: *Нахимсон Ф.* Первые дни жизни народного суда в Петрограде // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44–45. С. 28–29.

⁶ См.: Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О суде» от 24.11.1917 № 1 // URL: <https://www.prlib.ru/item/709081?ysclid=likekni8l408681281> (дата обращения: 17.09.2023).

⁷ См. подробнее: *Ташбекова И. Ю., Колотков М. Б.* Организационно-правовая деятельность революционных трибуналов в Советской России 1917–1922 гг. // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1. С. 62–69 ; *Россинский С. Б., Грибунов О. П.* Трибунальная юстиция в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 22–32.

Декретом о суде от 24.11.1917 для осуществления функции предварительного расследования по уголовным делам, подсудным революционным трибуналам, создавались особые следственные комиссии, члены которых первоначально избирались Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (далее — Советы)⁸, а с 1919 г. назначались революционным трибуналом. В организационном отношении, предполагавшем выполнение полномочий распорядительного характера, следственные комиссии с 1917 г. по 1919 г. были непосредственно подчинены административно-исполнительной власти. С 1919 по 1922 г. подчинение было опосредованным — через революционные трибуналы, представители которых также избирались местными Советами или исполнительными комитетами Советов (далее — Исполкомы). Это позволяло формировать кадровый состав из людей, приверженных новому правительству и общественному строю. К 1922 г. революционные трибуналы и их органы на 90 % состояли из членов РКП(б), на 60 % — из рабочих и крестьян⁹.

В развитие положений Декрета о суде от 24.11.1917 Народным комиссариатом юстиции (НКЮ) была разработана Инструкция для революционных трибуналов от 19.12.1917¹⁰, которая разрешала учреждать следственные комиссии при революционных трибуналах. Согласно этой Инструкции следственные комиссии как колле-

гиальный участник уголовного судопроизводства были наделены большой процессуальной самостоятельностью при реализации возложенных на них функций¹¹.

В полномочия следственных комиссий, согласно пп. «д», «ж» п. 3 Инструкции от 19.12.1917, входило рассмотрение жалоб и сообщений о преступлениях, принятие процессуальных решений о возбуждении дела либо о его прекращении, о направлении дела по подсудности либо о его назначении к слушанию в заседании революционного трибунала. Следственные комиссии самостоятельно принимали решения о применении мер процессуального принуждения и производстве следственных действий (пп. «з» п. 3 Инструкции от 19.12.1917). Широкий комплекс процессуальных прав и обязанностей позволял следственным комиссиям задавать расследованию определенный вектор, контролировать движение уголовного дела, оканчивать предварительное расследование и определять дальнейшее направление уголовного дела. Это предоставляло возможность совмещать выполнение функций предварительного следствия и предания суду, а также осуществлять самопроверку уголовно-процессуальной деятельности, компенсируя таким образом в той или иной мере отсутствие дореволюционных институтов прокуратуры и предания суду. Тем не менее практика показывала, что предоставленная следователям процессуальная самостоятельность,

⁸ Необходимо отметить, что Декретом о суде от 24.11.1917 закреплялось правило о формировании следственных комиссий исключительно при губернских и городских Советах. При этом опубликованная позднее Инструкция революционным трибуналам НКЮ от 19.12.1917 фактически расширила это правило, что позволяло создавать следственные комиссии непосредственно при революционных трибуналах.

⁹ См.: *Тарновский Е. Н.* Личный состав и репрессия ревтрибуналов // *Еженедельник Советской Юстиции.* 1922. № 11. С. 6–7.

¹⁰ Инструкция Народного комиссариата юстиции РСФСР «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях, и о порядке ведения его заседаний» от 19.12.1917 // URL: <https://znanium.com/read?id=165651> (дата обращения: 17.09.2023).

¹¹ Следует отметить, что в науке существует и иная точка зрения, согласно которой процессуальная самостоятельность невозможна при коллегиальном способе расследования уголовных дел, имевшем место в 1917–1922 гг. (*Огородов А. Н.* Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 31). Не вступая с автором в дискуссию, отметим, что с указанной позицией сложно согласиться. Статья 163 УПК РФ, например, закрепляет основания и порядок осуществления предварительного следствия следственной группой. Однако мы не можем в рассматриваемом случае отказать их участникам в процессуальной самостоятельности.

которую можно было назвать процессуальной свободой, не способствовала сокращению сроков предварительного следствия. Нормативно установленный срок в 48 часов на практике растягивался на 6–7, а порой и 8 месяцев¹².

В связи с упразднением Устава уголовного судопроизводства 1864 г. правовое регулирование предварительного следствия и процессуальных способов обеспечения его законности носило фрагментарный характер. Анализ Инструкции от 19.12.1917 во взаимосвязи с нормами постановления НКЮ от 16.12.1917¹³ позволил установить, что законность арестов и следственных действий, в том числе обысков и выемок, обеспечивалась их осуществлением на основании письменного ордера, выдаваемого уполномоченным органом — коллегией из трех членов следственной комиссии. Решение об избрании меры пресечения по общему правилу было законным, если оно санкционировано следственной комиссией. Но в ситуациях, не терпящих отлагательства, мера пресечения могла быть избрана каждым членом комиссии самостоятельно и в течение 12 часов утверждена в установленном порядке. Революционная совесть и правосознание правоприменителей служили в таких случаях гарантией законности принимаемых решений.

Отмена дореволюционных институтов прокурорского надзора и судебного контроля создавали предпосылки для возникновения иных — ведомственных — форм обеспечения законности в ходе предварительного следствия. Постановлением НКЮ от 16.12.1917 Совет народных комиссаров, Советы и их Исполкомы, революционные трибуналы, НКЮ и пр. наделялись функциями контроля за отдельными процес-

суальными действиями подведомственных им следственных органов. Эта функция реализовывалась через закрепление полномочий по рассмотрению «заявлений о неправильных действиях и упущениях»¹⁴ при производстве обысков, выемок и иных следственных действий, а также арестов. Анализ нормативных актов показывает, что в сложившихся условиях процедура рассмотрения жалоб на постановления следственных комиссий вышестоящей инстанцией выступала единственным прямо закрепленным способом выявления и исправления ошибок.

Законодательство не исключало возможности подачи жалоб в НКЮ. Но на практике этот способ был недостаточно эффективен. По воспоминаниям дореволюционного юриста Н. В. Майера, проходившего службу в НКЮ, комиссариат, требуя отмены решения революционного трибунала, часто опирался «...за отсутствием законных иерархических оснований, на решительность тона и категоричность выражений. В некоторых случаях, — отмечал Н. В. Майер, — эти требования посылались даже телеграфно. Но решительно никаких признаков того или другого результата этих бумажек в комиссариате не имелось»¹⁵.

Таким образом, в рассматриваемый период процессуальная самостоятельность следственных комиссий при революционных трибуналах была достаточно широкой. Процессуальный контроль носил ведомственный характер и был ограничен только рассмотрением жалоб на решения и действия следственных комиссий при производстве обысков, выемок и иных следственных действий, а также арестов.

Ленинским Декретом от 04.05.1918 трибунальная юстиция была реформирована в свя-

¹² См.: Дополнительная резолюция, принятая на I Всероссийском съезде ответственных работников революционных трибуналов по 1-му и 2-му пункту порядка дня в заседании 30 октября 1918 г. // Судостроительство РСФСР : лекции по теории и истории судостроительства. М., 1923. С. 319.

¹³ Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР «О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений» от 16.12.1917 // URL: <https://znanium.com/read?id=165651> (дата обращения: 17.09.2023).

¹⁴ Абз. 2 постановления «О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений» от 16.12.1917.

¹⁵ *Майер Н.* Служба в комиссариате юстиции и народном суде // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном : в 22 т. Берлин : Слово, 1923. Т. 8. С. 59.

зи со стихийным многообразием структуры и компетенции революционных трибуналов на местах. Изменения затронули также и организацию процессуального контроля.

Согласно п. 5 данного Декрета, в составе революционного трибунала учреждался новый орган — коллегия обвинителей, членам которой была передана часть полномочий следственных комиссий. В компетенцию нового участника уголовного процесса входило согласование прекращения уголовного дела и предания обвиняемого суду (п. 8 Декрета от 04.05.1918), проверка полноты предварительного следствия, контроль правильности определения подсудности (пп. «б» п. 6 Декрета от 04.05.1918). Указанные полномочия носили ярко выраженный контролирующий характер и были направлены на выявление и устранение на этапе завершения предварительного следствия ошибок, снижающих эффективность работы революционных трибуналов в целом.

Вместе с тем источники содержат сведения еще об одной группе процессуальных полномочий коллегий, связанных с их непосредственным участием в предварительном следствии. Согласно Инструкции Центральной обвинительной коллегии 1918 г. члены коллегии обвинителей были вправе участвовать в любом деле в качестве стороны, присутствовать при проведении некоторых следственных действий, в частности допроса свидетелей, требовать их передопроса и получения новых доказательств¹⁶. Кроме того, представители коллегии обвинителей участвовали совместно со следователями следственных комиссий в составлении обвинительного заключения, фактическую сторону которого излагали следователи, а формулирование тезисов обвинения возлагалось на членов коллегии¹⁷. Выполнение анализируемых полномочий было связано с непосредственным вмешательством в деятельность следователя и являлось, по

нашему мнению, зачатками процессуального руководства предварительным следствием. Но законодатель не пошел по пути развития подобных форм процессуального взаимодействия, и последующими нормативными актами данный порядок был упразднен.

Доступные источники содержат сведения о том, что в 1917–1918 гг. в производстве революционных трибуналов находилось в отдельных случаях не более 5 % уголовных дел, составлявших подсудность, установленную Инструкцией от 19.12.1917 и Декретом от 04.05.1918¹⁸. Современники вспоминали, что революционные трибуналы превратились в тот период в универсальные инстанции, которые разрешали все дела, в том числе и бракоразводные¹⁹. Перегруженность трибуналов, неопытность кадрового состава и дискретность правового регулирования их деятельности оставались основными факторами, снижающими эффективность предварительного следствия.

Рассмотрим показатели деятельности следственных комиссий в 1917–1918 гг., приведенные в таблице 1.

Из графы 2 таблицы 1 следует, что количество возбужденных дел, подсудных революционному трибуналу, и дел, относившихся к подсудности иных судов, было примерно одинаковым. При этом удельный вес уголовных дел, направленных для рассмотрения по существу, составлял более 60 % по делам, подсудным трибуналу, и 40 % — по иным. Соответственно, приоритетной для следственных комиссий являлась борьба с контрреволюционной, экономической и должностной преступностью, уровень которой был достаточно высоким.

Удельный вес прекращенных следственными комиссиями уголовных дел, подсудных революционному трибуналу, равнялся 18,2 % против 15,4 % по делам иных категорий. В структуре прекращенных уголовных дел контррево-

¹⁶ Привод. по: Судоустройство РСФСР : лекции по теории и истории судоустройства. С. 85.

¹⁷ Привод. по: Судоустройство РСФСР : лекции по теории и истории судоустройства. С. 85.

¹⁸ См.: Берман Я. О революционных трибуналах // Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 50–51.

¹⁹ См.: Данишевский К. Х. Революционные военные трибуналы. М. : Изд. Реввоен трибунала Республики, 1920. С. 9–10 ; Майер Н. Указ. соч. С. 59.

Таблица 1

Расследование и рассмотрение уголовных дел, подсудных революционным трибуналам²⁰

Показатель работы	1917–1918 гг.	I пол. 1919 г.	1920 г.	II пол. 1921 г.
Всего возбуждено уголовных дел, в том числе:	12 223	—	—	—
— подсудных революционному трибуналу (РТ);	5 420	—	—	—
— иных	6 803	—	—	—
Всего прекращено уголовных дел, в том числе:	2 040	2 327	—	—
— подсудных РТ;	989	2 327	—	—
удельный вес от количества возбужденных уголовных дел (%)	18,2	—	—	—
— иных	1 051	—	—	—
удельный вес от количества возбужденных уголовных дел (%)	15,4	—	—	—
Всего направлено уголовных дел в РТ, в том числе:	6 104	8 000	36 923	12 368
— подсудных РТ;	3 340	6 737	36 923	12 368
удельный вес от количества возбужденных уголовных дел (%)	61,6	—	—	—
— иных	2 764	1 263	—	—
удельный вес от количества возбужденных уголовных дел (%)	40,6	—	—	—
Всего окончено производством в РТ, в том числе:	1 818	1 719	—	—
— подсудных РТ;	1 818	1 719	—	—
удельный вес от количества направленных в РТ уголовных дел (%)	54,4	25,5	—	—
— иных	—	—	—	—
удельный вес от количества направленных в РТ уголовных дел (%)	—	—	—	—
Оправдано РТ, % от общего числа	28	27	—	11–12

люционные выступления составляли 43 %²¹, спекуляция — 31 %, взяточничество, подлог, неправомерное использование советских документов — 16 %²², иные из категории подсудных трибуналам — 10 %²³.

Для наглядности введем статистический показатель интенсивности²⁴. Расчет интенсивности репрессивной деятельности революционных трибуналов показывает, что на 100 окончанных производств было оправдано 38,8 человека²⁵.

²⁰ Составлено автором на основе материалов: Берман Я. Указ. соч. С. 47–78 ; Титов Ю. П. Развитие системы советских революционных трибуналов : учеб. пособие / отв. ред. И. А. Исаев. М. : ВЮЗИ, 1987. С. 27 ; Родин Д. Революционные трибуналы в 1920–1922 гг. // Вестник статистики. 1923. № 1–4. Кн. XIII. С. 154–179.

²¹ Контрреволюционные преступления являлись новеллой советского законодательства. Понятие контрреволюционной деятельности не было конкретизировано вплоть до издания циркуляра Кассационного отдела ВЦИК № 1 от 05.10.1918, опубликованного в газете «Известия» от 06.10.1918 № 217. До указанного момента правоприменителям предоставлялось право самостоятельно наполнять его содержанием, руководствуясь «революционной совестью и правосознанием». В этой связи очень красноречивым является монолог героя повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» профессора Преображенского: «...никакой

Таким образом, анализ позволяет заключить, что при достаточно высоком уровне контрреволюционной, экономической и должностной преступности в 1917–1918 гг. отмечался большой процент прекращенных следственными комиссиями уголовных дел, а также достаточно низкая интенсивность репрессии трибуналов, что свидетельствовало о значительном количестве допущенных в ходе предварительного следствия ошибок, не позволивших достичь актуальных для того исторического периода целей деятельности революционных трибуналов и их органов. Между тем анализируемые показатели дают представление о степени эффективности осуществления контрольных полномочий, позволивших обеспечить соответствующий общественно-политическим и правовым реалиям того времени уровень законности (революционной) и выявить определенное количество следственных ошибок.

Мятеж Чехословацкого корпуса, восстание левых эсеров в Москве, покушение на В. И. Ленина, «красный террор» и эскалация граждан-

ской войны выступили факторами реформирования трибунальной юстиции и возврата к упрощенному судопроизводству, что соответствовало задачам, возложенным в тот период на трибунал как в первую очередь орган революционной расправы, а не суд²⁶.

С принятием Декрета ВЦИК «О революционных трибуналах» от 12.04.1919²⁷ (далее — Положение от 12.04.1919) оформилась их единая система. Все иные чрезвычайные судебные учреждения ликвидировались, коллегии обвинителей в том виде, в котором они существовали в 1918 г., упразднялись, полномочия следственных комиссий секвестировались и т.д.

Согласно новому положению, революционные трибуналы совмещали функции суда первой инстанции и органа, осуществлявшего контроль за деятельностью следственных комиссий и ЧК²⁸.

Во взаимоотношениях с ЧК революционные трибуналы наделялись (с учетом установленных изъятий) правом проверки отдельных следственных действий (п. 8 Положения от

контрреволюции! Кстати, вот еще слово, которое я совершенно не выношу! Абсолютно неизвестно, что под ним скрывается! Черт его знает!» (Булгаков М. А. Собачье сердце // Собрание сочинений : в 5 т. М. : Худож. лит., 1989. Т. 2. С. 146).

²² По уголовным делам о преступлениях по должности даже в царские времена был весьма высокий процент оправданий в силу сложности их раскрытия и расследования. На это указывал, например, Е. Н. Тарновский (см.: Тарновский Е. Н. Оправдательные приговоры в России // Юридический вестник. 1891. Кн. 3. С. 425–441). Учитывая социальный состав и уровень образования членов первых революционных трибуналов, информация о которых была достаточно хорошо изучена (см.: Тарновский Е. Н. Личный состав и репрессия ревтрибуналов // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 11. С. 6–7; Рогинский Т. К вопросу о личном составе и репрессиях ревтрибуналов // Там же. № 13. С. 6–7), можно предположить, что при расследовании этих видов преступлений ошибки были распространенным явлением.

²³ См.: Берман Я. Указ. соч. С. 47–49, 54–55, 57.

²⁴ Подробнее об относительных величинах: Теория статистики с элементами эконометрики : учебник / под ред. В. В. Ковалева. М. : Юрайт, 2014. С. 142–148.

²⁵ См. исходные данные для расчетов: Берман Я. Указ. соч. С. 65.

²⁶ См.: В. И. Ленин и ВЧК : сборник документов (1917–1922 гг.) / сост. Ж. Г. Адиебекова [и др.]. 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1975. С. 144–145.

²⁷ Декрет ВЦИК «О революционных трибуналах» (положение) от 12.04.1919 // URL: <https://znanium.com/read?id=212204> (дата обращения: 17.09.2023).

²⁸ Необходимо отметить, что в изучаемый период развитие трибунальной юстиции проходило в условиях острой борьбы между ВЧК и революционными трибуналами за нормативное закрепление той или иной ведомственной модели следствия, судебного разбирательства и осуществления контроля, результатом которой явилось компромиссное Положение от 12.04.1919, развивавшее закрепленные постановлением ЦИК от 17.02.1919 принципы процессуального взаимодействия указанных органов (см. подробнее:

12.04.1919), проводимых органами ЧК. Однако перечень конкретных следственных действий, по которым могла быть проведена проверка, в каком-либо нормативном акте не раскрывался.

Анализ Положения от 12.04.1919 показывает, что механизм и правовые последствия применения членами революционных трибуналов п. 8 указанного акта не были урегулированы, что дает основание утверждать скорее об его декларативности. Вместе с тем нормативное закрепление подобного правомочия контроля с оттенком процессуального руководства в отношении органа, осуществлявшего следствие и не находившегося в ведомственной подчиненности, создавало правовые предпосылки для будущей реставрации института прокурорского надзора.

По отношению к следственным комиссиям революционные трибуналы выполняли функции контролирующего органа. В силу Положения от 12.04.1919 за трибуналами были закреплены исключительные компетенции по прекращению уголовного дела и изменению меры пресечения (п. 9), по продлению сроков предварительного следствия (п. 14), по направлению материалов на следствие в случае выявления такой неполноты предварительного расследования, которая не могла быть преодолена в ходе судебного следствия (п. 22), по рассмотрению протестов, жалоб, ходатайств обвиняемых (п. 16). Таким образом, контроль за деятельностью следственных комиссий оставался ведомственным процессуальным по форме, но по содержанию полномочий носил черты судебного контроля с элементами процессуального руководства.

Доступные источники не позволяют в полной мере сопоставить данные об эффективности контрольных полномочий революционных трибуналов на основании Положения от 12.04.1919 с данными 1917–1918 гг. Показатели в графах 2–3 таблицы 1 свидетельствуют об увеличении

количества прекращенных уголовных дел более чем на 2 %. Одновременно мы можем наблюдать снижение удельного веса уголовных дел, оконченных производством, в общем количестве направленных в трибуналы дел с 54,4 % в 1917–1918 гг. до 25,5 % в 1919 г. При этом показатель интенсивности репрессии революционных трибуналов составил 49,3 оправданных на 100 оконченных производств²⁹. Объяснением этому могут служить разные факторы. Например, большая нагрузка на аппарат революционных трибуналов при ограниченности кадровых ресурсов, упрощение процедур и сокращение сроков судопроизводства, не позволявших объективно и всесторонне исследовать обстоятельства дела, и пр. Наряду с этим, в качестве одной из причин рассмотренных структурных изменений можно назвать ограничение процессуальной самостоятельности следственных комиссий и расширение контрольной функции революционных трибуналов. Частичная реставрация дореволюционной практики обращения дела к доследованию в случае невозможности пробелов предварительного следствия³⁰ в совокупности с наделением трибуналов полномочиями по принятию решения о прекращении уголовного дела выступили предпосылкой к увеличению случаев выявления следственных ошибок, о количестве которых дают представление приведенные статистические показатели.

Новеллой Положения от 12.04.1919 являлось возложение на следственные комиссии обязанностей по контролю за полнотой дознания, проведенного иными органами (кроме ЧК) по сообщениям, поступающим в революционные трибуналы, и по исправлению выявленных недостатков (п. 13). Эта норма получит развитие в Положении о революционных трибуналах 1920 г., с принятием которого следственные комиссии будут упразднены (за исключением комиссий

Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1922). М. : Политиздат, 1960. С. 132–134, 139, 141 ; Феликс Эдмундович Дзержинский : биография / редкол. А. С. Велидов [и др.]. 3-е изд., доп. М. : Политиздат, 1987. С. 158, 162–164).

²⁹ См. исходные данные для расчетов: *Титов Ю. П.* Указ. соч. С. 27.

³⁰ См.: *Городыский Я.* О дополнении оконченных предварительных следствий (эюд из следственной практики) // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. Кн. 4. С. 75–142.

военных и военно-железнодорожных трибуналов, комиссии при Верховном революционном трибунале)³¹, а в составе трибуналов появится новая единица — следователь-докладчик.

Согласно ст. 8–11 Положения от 18.03.2020 в обязанности следователя-докладчика входила проверка материалов, поступавших в революционные трибуналы от ЧК, особых отделов и иных органов, поименованных в ст. 1 указанного акта. По результатам такой проверки принималось одно из следующих решений: о назначении дела к слушанию, о направлении материалов на исследование или о производстве отдельных следственных действий либо о прекращении уголовного дела (ст. 13 Положения от 18.03.2020).

В исключительных случаях революционный трибунал мог поручить восполнить недостатки дознания и следствия следователю-докладчику, который наделялся правом запрашивать все относящиеся к делу материалы³², производить необходимые следственные действия (ст. 9 Положения от 18.03.2020) и пр. При этом значительная часть процессуальной деятельности следователя-докладчика — производство следственных действий, арестов, изменение меры пресечения, освобождение из-под стражи или привлечение в качестве обвиняемого — осуществлялась исключительно с письменного согласия председателя трибунала, который фактически выполнял функцию процессуального руководства исследованием (ст. 10 Положения от 18.03.2020).

Децентрализация функций расследования дел, подведомственных революционным трибуналам, с одной стороны, не позволяла сконцентрировать всю полноту репрессии в руках ЧК или революционных трибуналов, а с другой — закладывала предпосылки для развития ведомственного контроля как самостоятельного

направления деятельности соответствующих органов. В качестве примера можно привести контроль ВЧК за работой местных ЧК. Так, в одном из циркулярных писем ВЧК содержались не только общие руководящие начала о порядке взаимодействия ЧК и революционных трибуналов, но и требования к обеспечению полноты следствия, по завершению которого «...список вещественных доказательств; список обвиняемых с указанием, кто из них под стражей; точное указание виновности каждого с указанием фактов, доказанных в отношении данного лица, и с обязательным выделением в особую группу лиц, по отношению к которым имеются только данные розыска, не подтвержденные сверх того ничем»³³ должны быть предоставлены в полном объеме для предупреждения возвращения уголовных дел на исследование в ЧК.

Еще одним направлением деятельности революционного трибунала в соответствии со ст. 9 Положения от 18.03.1920 продолжала оставаться проверка следственных действий по делам, находящимся в производстве ЧК и особых отделов, но по которому уже проведены все розыскные мероприятия. На практике нередко возникали трудности с определением момента их окончания, что позволяло подконтрольным органам нивелировать норму ст. 9. Точку в данном вопросе поставил 2-й Съезд деятелей революционных трибуналов, проходивший в апреле 1920 г. Согласно резолюции Съезда окончание розыскных действий должно было связываться с моментом «...проведения ликвидации преступной деятельности привлекаемых лиц путем ареста их по постановлениям Ч.К. и предъявления главным виновникам обвинения при первых допросах и сосредоточения в руках соответствующего следователя всех данных розыска до следственной разработки»³⁴.

³¹ Декрет ВЦИК «О революционных трибуналах» (положение) от 18.03.1920 // URL: <https://znanium.com/read?id=212206> (дата обращения: 17.09.2023).

³² См., например: п. 1 § 3 Инструкции ВЧК «О взаимоотношении ревтрибуналов и ЧК на местах» от 11.08.1920 № 102 // Из истории земли Томской. 1917–1921. Народ и власть : сборник документов и материалов. Томск, 1997. С. 105.

³³ Циркулярное письмо ВЧК «О взаимоотношениях чрезвычайных комиссий с трибуналами» от 17.04.1920 № 4 // Сталин и государственная безопасность / ред. О. Селин. М. : Алгоритм, 2013. С. 26.

³⁴ Цит. по: Судостроительство РСФСР : лекции по теории и истории судостроительства. С. 123.

В качестве способа преодоления контроля со стороны революционных трибуналов также применялось и ведомственное нормотворчество. Проверка следственных действий, как указывалось в инструкции ВЧК, может быть проведена только тем членом трибунала, который входит в его состав от губЧК, а в исключительных случаях — «по постановлению всей коллегии трибунала помимо его»³⁵. Как видим, обеспечение реального контроля за производством ЧК следственных действий на основании ст. 9 Положения от 18.03.1920 было затруднено и носило скорее формальный характер.

Революционные трибуналы сохранили право проверять законность содержания под стражей. Между тем процедура изменения данной меры пресечения была усложнена по сравнению с порядком, урегулированным пунктом 11 Положения от 12.04.1919. Трибуналы обязали выходить с предложением об изменении меры пресечения к тому учреждению, за которым было закреплено лицо, находящееся под стражей (ст. 12 Положения от 18.03.1920). При этом соответствующий орган был вправе отклонить предложение трибунала своим мотивированным ответом.

Процедура прекращения уголовного дела также была реформирована. Согласно ст. 10 Положения от 18.03.1920 рассмотрение вопроса о прекращении дела теперь составляло предмет распорядительного заседания пленума трибунала.

Закрепленные Положением от 18.03.1920 формы и порядок контроля за деятельностью ЧК, особых отделов, иных органов, правомочных направлять дела в трибуналы, и следователей-докладчиков оставались в общем и целом неизменными до судебной реформы 1922–1923 гг.

Таким образом, к 1920-м гг. трибунальная юстиция окончательно сложилась структурно и

функционально. Революционный трибунал представлял собой орган, выполнявший функции суда первой инстанции по наиболее тяжким составам преступлений и осуществлявший контрольные полномочия в отношении процессуальной деятельности значительного количества субъектов.

В зависимости от объема прав и обязанностей революционных трибуналов, а также от ведомственной принадлежности органов можно выделить два направления контрольной деятельности трибуналов.

В качестве первого, обеспечивавшего законность (революционную) принимаемых трибуналами решений, можно назвать ведомственный процессуальный контроль и руководство в отношении подчиненных следователей-докладчиков, выполнявших функцию доследования. О степени эффективности работы в данном направлении косвенно свидетельствует сокращение количества вынесенных трибуналами оправдательных приговоров с 27 % в первой половине 1919 г. до 11–12 % во второй половине 1921 г. (графы 3 и 5 таблицы 1).

Вторым направлением выступали мероприятия по выявлению и профилактике следственных ошибок, допускавшихся при выполнении отдельных видов процессуальной деятельности органами дознания и следствия — ЧК, особыми отделами и пр. Однако на практике контроль был номинальным, а объем полномочий и штат трибуналов — явно непропорциональными нагрузке. Так, значительный прирост направленных в период с 1917 г. по 1921 г. на рассмотрение в трибуналы уголовных дел (графы 2–5 таблицы 1) и высокий показатель их прекращения (графа 2 таблицы 2) позволяет сделать вывод, что революционные трибуналы были перегружены и не справлялись в полной мере с теми задачами, которые стояли перед ними в сфере выявления ошибок следствия.

³⁵ П. 2 § 3 инструкции ВЧК «О взаимоотношении ревтрибуналов и ЧК на местах» от 11.08.1920 № 102. С. 105.

Таблица 2
**Прекращение уголовных дел
 на 100 оконченных производством³⁶**

Год	Прекращено уголовных дел	
	революционными трибуналами	народными судами
1917–1918	60	—
1919	135	—
1920	130	95
1921	86	82
1922	47	—

Сопоставляя данные, получаем, что за 1920 г. революционными трибуналами было прекращено почти в 1,5 раза больше уголовных дел, чем народными судами, в 1921 г. количество прекращенных уголовных дел в обеих инстанциях находилось примерно на одном уровне. Принимая во внимание относительную стабилизацию общественно-политической обстановки в стране в годы НЭПа, а также изменение подследственности дел, поступавших на рассмотрение, приведенные показатели явно свидетельствовали о назревшей необходимости развития

и нормативного закрепления различных видов и форм процессуального контроля, которые в своей совокупности могли бы обеспечить повышение эффективности следственной деятельности.

В рассматриваемый исторический отрезок времени ведомственный процессуальный контроль еще не был дифференцирован и продолжил свою эволюцию в 1920–1950-х гг. в недрах прокурорского надзора, судебного контроля и ведомственного контроля.

Изучение нормативно-правового регулирования деятельности революционных трибуналов в совокупности с анализом статистических данных позволяет сделать вывод, что механическое перераспределение полномочий без учета отраслевого и межотраслевого согласования норм, практик межведомственного взаимодействия, сложившихся следственных традиций и специфики расследуемых видов преступлений не было способно обеспечить эффективность контрольной деятельности единого следственного органа и предопределило дальнейшую дифференциацию и специализацию процессуального контроля.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Берман Я. О революционных трибуналах // Пролетарская революция и право. — 1919. — № 1. — С. 47–78.
2. В. И. Ленин и ВЧК : сборник документов (1917–1922 гг.) / сост. Ж. Г. Адиебекова [и др.]. — 2-е изд., доп. — М. : Политиздат, 1975. — 641 с.
3. Гордынский Я. О дополнении оконченных предварительных следствий (эюд из следственной практики) // Журнал гражданского и уголовного права. — 1885. — Кн. 4. — С. 75–142.
4. Данишевский К. Х. Революционные военные трибуналы. — М. : Изд. Реввоен трибунала Республики, 1920. — 61 с.
5. Кадич А. Р. О народном суде (из личных впечатлений) // Пролетарская революция и право. — 1918. — № 2. — С. 23–30.
6. Майер Н. Служба в комиссариате юстиции и народном суде // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном : в 22 т. Т. 8. — Берлин : Слово, 1923. — 199 с.
7. Московцева К. А. Процессуальный контроль руководителя следственного органа за деятельностью следователя в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2023. — 315 с.
8. Нахимсон Ф. Первые дни жизни народного суда в Петрограде // Ежедневник советской юстиции. — 1922. — № 44–45. — С. 28–29.

³⁶ Составлено автором на основе материалов: Берман Я. Указ. соч. С. 47–78 ; Титов Ю. П. Указ. соч. С. 27 ; Родин Д. Указ. соч. С. 154–179.

9. *Огородов А. Н.* Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 251 с.
10. *Рогинский Т.* К вопросу о личном составе и репрессиях ревтрибуналов // *Еженедельник советской юстиции.* — 1922. — № 13. — С. 6–7.
11. *Родин Д.* Революционные трибуналы в 1920–1922 гг. // *Вестник статистики.* — 1923. — № 1-4. — Кн. XIII. — С. 154–179.
12. *Россинский С. Б., Грибунов О. П.* Трибунальная юстиция в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России.* — 2022. — № 4 (103). — С. 22–32.
13. *Садиокова У. В.* Процессуальные полномочия руководителя следственного органа: теория и практика реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2020. — 32 с.
14. *Софинов П. Г.* Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1922). — М. : Политиздат, 1960. — 247 с.
15. *Стучка П.* Пять лет революции права // *Еженедельник советской юстиции.* — 1922. — № 44–45. — С. 1–3.
16. *Солодилов А. В.* Судебный контроль за проведением следственных действий и решениями прокурора и органов расследования, ограничивающими конституционные права и свободы граждан, в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 1999. — 310 с.
17. *Судоустройство РСФСР : лекции по теории и истории судоустройства.* — М., 1923. — 406 с.
18. *Табачков С. А.* Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2009. — 26 с.
19. *Тарновский Е. Н.* Оправдательные приговоры в России // *Юридический вестник.* — 1891. — Кн. 3. — С. 425–441.
20. *Тарновский Е. Н.* Личный состав и репрессия ревтрибуналов // *Еженедельник советской юстиции.* — 1922. — № 11. — С. 6–7.
21. *Ташбекова И. Ю., Колотков М. Б.* Организационно-правовая деятельность революционных трибуналов в Советской России 1917–1922 гг. // *Актуальные проблемы российского права.* — 2009. — № 1. — С. 62–69.
22. *Теория статистики с элементами эконометрики : учебник / под ред. В. В. Ковалева.* — М. : Юрайт, 2014. — 670 с.
23. *Титов Ю. П.* Развитие системы советских революционных трибуналов : учеб. пособие / отв. ред. И. А. Исаев. — М. : ВЮЗИ, 1987. — 71 с.
24. *Феликс Эдмундович Дзержинский : биография / редкол. А. С. Велидов [и др.].* — 3-е изд., доп. — М. : Политиздат, 1987. — 509 с.
25. *Черняков М. М.* Вопросы теории и практики процессуального контроля в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2005. — 19 с.

Материал поступил в редакцию 19 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Berman Ya. O revolyutsionnykh tribunalakh // *Proletarskaya revolyutsiya i pravo.* — 1919. — № 1. — S. 47–78.
2. V. I. Lenin i VChK: sbornik dokumentov (1917–1922 gg.) / sost. Zh. G. Adibekova [i dr.]. — 2-e izd., dop. — M.: Politizdat, 1975. — 641 s.
3. Gorodyskiy Ya. O dopolnenii okonchennykh predvaritelnykh sledstviy (etyud iz sledstvennoy praktiki) // *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava.* — 1885. — Kn. 4. — S. 75–142.
4. Danishevskiy K. Kh. Revolyutsionnye voennye tribunaly. — M.: Izd. Revvoentribunala Respubliki, 1920. — 61 s.

5. Kadich A. R. O narodnom sude (iz lichnykh vpechatleniy) // Proletarskaya revolyutsiya i pravo. — 1918. — № 2. — S. 23–30.
6. Mayer N. Sluzhba v komissariate yustitsii i narodnom sude // Arkhiv russkoy revolyutsii, izdavaemyy I. V. Gessenom: v 22 t. T. 8. — Berlin: Slovo, 1923. — 199 s.
7. Moskovtseva K. A. Protsessualnyy kontrol rukovoditelya sledstvennogo organa za deyatelnostyu sledovatelya v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam: dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2023. — 315 s.
8. Nakhimson F. Pervye dni zhizni narodnogo suda v Petrograde // Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii. — 1922. — № 44–45. — S. 28–29.
9. Ogorodov A. N. Protsessualnaya samostoyatel'nost sledovatelya v ugovolnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2018. — 251 s.
10. Roginskiy T. K voprosu o lichnom sostave i repressiyakh revtribunalov // Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii. — 1922. — № 13. — S. 6–7.
11. Rodin D. Revolyutsionnye tribunaly v 1920–1922 gg. // Vestnik statistiki. — 1923. — № 1–4. — Kn. XIII. — S. 154–179.
12. Rossinskiy S. B., Gribunov O. P. Tribunalnaya yustitsiya v pervye gody sovetskoy vlasti (1917–1922 gg.) // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. — 2022. — № 4 (103). — S. 22–32.
13. Sadiokova U. V. Protsessualnye polnomochiya rukovoditelya sledstvennogo organa: teoriya i praktika realizatsii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2020. — 32 s.
14. Sofinov P. G. Ocherki istorii Vserossiyskoy chrezvychaynoy komissii (1917–1922). — M.: Politizdat, 1960. — 247 s.
15. Stuchka P. Pyat let revolyutsii prava // Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii. — 1922. — № 44–45. — S. 1–3.
16. Solodilov A. V. Sudebnyy kontrol za provedeniem sledstvennykh deystviy i resheniyami prokurora i organov rassledovaniya, ogranichivayushchimi konstitutsionnye prava i svobody grazhdan, v ugovolnom protsesse Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk. — Tomsk, 1999. — 310 s.
17. Sudoustroystvo RSFSR: lektsii po teorii i istorii sudoustroystva. — M., 1923. — 406 s.
18. Tabakov S. A. Vedomstvennyy protsessualnyy kontrol za deyatelnostyu sledovateley i doznavateley organov vnutrennikh del: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Omsk, 2009. — 26 s.
19. Tarnovskiy E. N. Opravdatelnye prigovory v Rossii // Yuridicheskiy vestnik. — 1891. — Kn. 3. — S. 425–441.
20. Tarnovskiy E. N. Lichnyy sostav i repressiya revtribunalov // Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii. — 1922. — № 11. — S. 6–7.
21. Tashbekova I. Yu., Kolotkov M. B. Organizatsionno-pravovaya deyatel'nost revolyutsionnykh tribunalov v Sovetskoy Rossii 1917–1922 gg. // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2009. — № 1. — S. 62–69.
22. Teoriya statistiki s elementami ekonometriki: ucheb. / pod red. V. V. Kovaleva. — M.: Yurayt, 2014. — 670 s.
23. Titov Yu. P. Razvitie sistemy sovetskikh revolyutsionnykh tribunalov: ucheb. posobie / otv. red. I. A. Isaev. — M.: VYuZl, 1987. — 71 s.
24. Feliks Edmundovich Dzerzhinskiy: biografiya / redkol. A. S. Velidov [i dr.]. — 3-e izd., dop. — M.: Politizdat, 1987. — 509 s.
25. Chernyakov M. M. Voprosy teorii i praktiki protsessual'nogo kontrolya v dosudebnom proizvodstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Omsk, 2005. — 19 s.

АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.130-143

С. Б. Зубков*

О проблемах «двойной защиты»

Аннотация. На основе нормативных источников, материалов судебной и дисциплинарной практики региональных адвокатских палат, актов адвокатской корпорации в статье анализируются отдельные аспекты института «двойной защиты», при которой наряду с адвокатом, осуществляющим защиту по соглашению, в деле участвует защитник по назначению. В частности, исследуются вопросы о приоритете охраняемых законом ценностей при принятии решения о допустимости «двойной защиты»; о степени полноты и непротиворечивости правового регулирования соответствующих правоотношений в их правовом и профессионально-этическом контексте; об обоснованности расширения правовых оснований для участия защитника по назначению; о действии правила ч. 3 ст. 50 УПК РФ о неявке защитника в течение 5 суток в отношении адвоката по назначению; о возможности замены назначенного защитника ввиду его «низкой квалификации». В условиях неполноты и противоречивости регулирования этой значимой как в правовом, так и в профессионально-этическом отношении сферы и с учетом разных задач при реализации функций уголовного судопроизводства органами дознания и следствия, а также государственным обвинением с одной стороны и защиты — с другой важно находить в этой области некий регуляторный баланс. Следует учитывать и то, что институт «двойной защиты» так или иначе затрагивает тематику конфликта публичного и частного интереса. По мнению автора, необходимо устранить неполноту и противоречивость нормативного регулирования института «двойной защиты», выработать унифицированные подходы при реализации данного института адвокатами, обеспечить непротиворечивую корпоративную дисциплинарную практику в вопросах привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, содействовать единству правоприменительной практики в данном вопросе органами дознания, следствия и суда.

Ключевые слова: право; адвокатура; уголовное право; уголовный процесс; защита в уголовном процессе; защита в уголовном процессе по соглашению; защита в уголовном процессе по назначению; правовые основания для участия защитника по назначению; неявка защитника в течение 5 суток; двойная защита в уголовном процессе; правовые основания участия защитника по назначению в уголовном процессе; конкуренция защитников в уголовном процессе; дисциплинарная практика адвокатских палат.

Для цитирования: Зубков С. Б. О проблемах «двойной защиты» // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 130–143. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.130-143.

© Зубков С. Б., 2024

* Зубков Сергей Борисович, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, президент Адвокатской палаты города Москвы, адвокат, аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Сивцев Вражек пер., д. 43, г. Москва, Россия, 119002
7240202@mail.ru

On the 'Double Protection' Issues

Sergey B. Zubkov, Vice-President of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, President of the Moscow Bar Association, Lawyer, Postgraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
7240202@mail.ru

Abstract. Based on regulatory sources, materials from the judicial and disciplinary practice of regional bar chambers, and bar instruments, the paper analyzes certain aspects of double protection, when a court appointed attorney participates in the case along with an arranged lawyer. In particular, the paper studies issues on the priority of legally protected values when deciding on the admissibility of 'double protection'; on the degree of completeness and consistency of legal regulation of relevant legal relations in their legal and professional ethical context; on the validity of expanding the legal grounds for the participation of a court-appointed attorney; on the effect of the rule of Part 3 of Art. 50 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the failure of a defense lawyer to appear within 5 days in relation to a court-appointed lawyer; on the possibility of challenging the court-appointed attorney due to their «low qualifications.» Given the incompleteness and inconsistency of regulation of this sphere, which is significant both legally and professionally and ethically, and taking into account the different tasks in the implementation of the functions of criminal proceedings by the bodies of inquiry and investigation, as well as the state prosecution — on the one hand, and the defense — on the other, it is important to find there is a certain regulatory balance in this area. It should also be taken into account that the institution of «double protection» in one way or another touches on the issue of conflict of public and private interests. According to the author, it is necessary to eliminate the incompleteness and inconsistency of the normative regulation of the institution of «double protection», develop unified approaches to the implementation of this institution by lawyers, ensure consistent corporate disciplinary practice in matters of bringing a lawyer to disciplinary liability, promote the unity of law enforcement practice in this matter by the bodies of inquiry and investigation and courts.

Keywords: law; advocacy; criminal law; criminal procedure; defense in criminal proceedings; defense in criminal proceedings by agreement; defense in criminal proceedings as assigned; legal grounds for the participation of an appointed defense attorney; failure of the defense attorney to appear within 5 days; double protection in criminal proceedings; legal grounds for the participation of an appointed defense attorney in criminal proceedings; competition of defense attorneys in criminal proceedings; disciplinary practice of bar associations.

Cite as: Zubkov SB. On the 'Double Protection' Issue. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):130-143. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.130-143.

Введение

Тематика так называемой двойной защиты представляет не только значительный теоретический интерес, но и высокую практическую значимость как для обеспечения права на защиту и получение квалифицированной юридической помощи, так и для деятельности адвокатов и самой адвокатуры.

Приходится констатировать, что отношения, связанные с осуществлением «двойной защиты», хотя и регламентируются нормами адвокатской корпорации¹, но, увы, не в должном объеме. Говорить о полном и непротиворечивом регулировании этой значимой и в правовом, и в профессионально-этическом отношении сферы не приходится².

---

¹ См.: решение Совета ФПА РФ «О двойной защите» 27 сентября 2013 г. (в редакции решения Совета ФПА РФ от 28.11.2019) // URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-decision-to-double-the-protection/> (дата обращения: 08.02.2024).

² Здесь, кроме прочего, необходимо учитывать фактор не всегда единообразной судебной практики.

Многие из аспектов данной проблематики требуют теоретической проработки, дальнейшего продолжения широкого корпоративного обсуждения и последующей нормативной регламентации.

Следует сказать, что в научном и в адвокатском профессиональном сообществе проблема «двойной защиты» находится в центре внимания. К ней на протяжении ряда лет обращались ученые и практики: А. П. Галоганов, Н. С. Гаспарян, О. В. Гладышева, Н. М. Кипнис, В. В. Ключевант, А. В. Коршунов, Ю. С. Пилипенко, Г. М. Резник, А. В. Сучков, А. А. Шаевич, Г. К. Шаров и др.

По проблемам «двойной защиты» в Федеральную палату адвокатов РФ (ФПА РФ) неоднократно обращались адвокаты из различных регионов. В этих обращениях, в частности, поднималась проблема об отказе защитникам по назначению в удовлетворении ходатайств о выходе из процесса, в случае наличия у подзащитного адвоката по соглашению³ и ряд других проблем, о которых пойдет речь.

Учитывая значимость данной тематики, 18 октября 2019 г. ФПА РФ провела научно-практическую конференцию «Проблемы “двойной защиты” в дисциплинарной практике адвокатских палат». На ней высказывались различные точки зрения. В частности, о том, что «двойная защита» является «препятствием эффективному применению статусных прав адвокатов» (С. Ю. Макаров), а «институт “двойной защиты” придуман только с одной целью — чтобы облегчить суду быстрое вынесение обвинительных приговоров» (Н. С. Гаспарян). Отмечалось, что «защитник-дублер может участвовать в процессе лишь в случае констатации судом злоупотребления правом со стороны другого адвоката» (Г. М. Резник), но при этом существуют различного рода «спекуляции вокруг понятия “зло-

употребление правом на защиту”» (М. Н. Толчеев)⁴. Критическому анализу было подвергнуто постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2019 № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю. Ю. Кавалерова», в котором изложена позиция Суда, связанная с вопросами «двойной защиты», и делался вывод о том, что «приглашение судом защитника по назначению должно осуществляться не в “интересах правосудия”, а для обеспечения права обвиняемого на защиту» (Т. Г. Морщакова); отмечалось, что ситуация с «двойной защитой» и злоупотреблением правом на защиту отражает тот факт, что «что состояние судебно-следственной системы очень далеко от идеала» (Ю. С. Пилипенко)⁵.

Поднимался вопрос о существовании «неочевидных ситуаций, когда процессуальные оппоненты скрывают от адвоката наличие защитника по соглашению» (Е. А. Рубинштейн). Коллеги призывали к взвешенному подходу к вопросу о «двойной защите» и к тому, чтобы «избегать категоричности» (Н. М. Кипнис)⁶.

Выступления на названной конференции — это один из примеров активного обсуждения в адвокатском сообществе проблематики «двойной защиты» и лишь некоторые проблемные вопросы и высказанные позиции наших коллег по данной теме. Дискуссия в этом направлении продолжается.

В литературе делаются предложения о необходимости более подробно регламентировать отношения, связанные с рассматриваемым институтом. Так, Е. Забуга предлагает алгоритм действий адвоката в случае возникновения ситуации «двойной защиты»⁷. По мнению О. В. Гладышевой, следует, в частности, устано-

³ См., например: Двойная защита недопустима // Адвокатская газета. 2013. № 17 (154). URL: <https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/dvoynaya-zashchita-nedopustima/> (дата обращения: 28.11.2023).

⁴ См.: «Двойная защита» в контексте общих проблем правосудия // Адвокатская газета. 2019. № 21 (302).

⁵ См.: «Двойная защита» в контексте общих проблем правосудия.

⁶ См.: «Двойная защита» в контексте общих проблем правосудия.

⁷ Забуга Е. Алгоритм действий в случае «двойной защиты» // Адвокатская газета. 11 октября 2018. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/algorithm-deystviy-v-sluchae-dvoynoy-zashchity/> (дата обращения: 08.02.2024).

вить специальную процедуру «выхода из дела» адвоката — защитника по назначению⁸. О конкретных способах «противодействия дублированию» в корпоративной прессе выступал Н. С. Гаспарян⁹ и другие коллеги.

Высказываются довольно категоричные позиции о нормативном закреплении в УПК РФ норм вполне определенного содержания. Так, Г. С. Девяткин предлагает «ввести запрет в Уголовно-процессуальном кодексе привлечения в дело судом “адвокатов-дублеров”, а также законодательно закрепить возможности выбора подсудимым конкретного адвоката по назначению»¹⁰.

В данной публикации мы остановимся лишь на отдельных аспектах рассматриваемой проблематики.

Приоритет охраняемых законом ценностей при принятии решения о допустимости осуществления «двойной защиты»

Одним из значимых и в некотором смысле фундаментальных является вопрос о приоритете правовых ценностей, которые предопределяют принятие решения о допустимости «двойной защиты», и о тех конкретных аргументах, на основании которых такое решение принимается.

Пункт «d» ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 гласит: «Каждый имеет право... защищать себя лично или посредством выбранного им защитника; если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве и иметь

назначенного ему защитника в любом случае, когда интересы правосудия того требуют, безвозмездно для него в любом таком случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты этого защитника...»¹¹.

Процедуры приглашения, назначения и замены защитника, а также нормы об обязательном участии защитника закреплены в ст. 50, 51 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Очевидно, что, принимая решение о допуске адвоката по назначению при наличии у обвиняемого адвоката по соглашению, суд руководствуется вполне понятным мотивом: с одной стороны, обеспечить рассмотрение дела в установленные сроки; с другой — не допустить нарушения права на защиту. В этом смысле оставление в процессе адвоката по назначению или назначение его, несмотря на наличие адвоката по соглашению, делается «для перестраховки», «на всякий случай», являясь вполне объяснимым и понятным решением. Другой вопрос о законности такого решения.

У судьи, принимающего решение об оставлении в процессе защитника по назначению в определенный момент может не быть оснований для того, чтобы оставить его по мотиву наличия у защитника по соглашению и/или подзащитного каких-либо проявлений злоупотребления правом на защиту.

В литературе отмечается, что факты одновременного участия защитников по соглашению и назначению весьма часто связаны со случаями неявки адвоката по соглашению¹², вызваны потребностью обеспечить непрерывность процесса, при наличии фактора злоупотребления

---

⁸ *Гладышева О. В.* Двойная и субсидиарная защита в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 3 (14). С. 98. URL: <https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-95-104/> (дата обращения: 08.02.2024).

⁹ *Гаспарян Н.* Изменить сложившиеся стереотипы // Адвокатская газета 2019. № 23 (304). URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/izmenit-slozhivshiesya-steriotipy/> (дата обращения: 29.11.2023).

¹⁰ См.: *Девяткин Г. С.* Актуальные вопросы постановления Пленума Верховного Суда РФ о применении законодательства о праве на защиту // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 4 (36). С. 57–58.

¹¹ СПС «КонсультантПлюс».

¹² См., например: *Терёмина Т. Ю.* Несогласованность действий между защитником по выбору обвиняемого и защитником по назначению следователя // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 3. С. 537–539.

(возможного злоупотребления) — затягивания в рассмотрении дел¹³.

Здесь следует отметить, что наряду с ситуацией злоупотребления правом на защиту, на анализе которой мы и планируем более подробно остановиться, существуют ситуации, когда злоупотребления правом нет, а защитник по соглашению не может участвовать в деле по объективной причине (например, из-за болезни).

Коллеги полагают, что причиной одновременного участия защитников по соглашению и назначению является желание судей «подстраховаться» от возможных неявок адвокатов по соглашению, пусть даже по уважительным причинам, при условии их добросовестного отношения к процессу, и по причине «нежелательной для суда активности в процессе» таких защитников¹⁴.

Региональная практика также подтверждает тот факт, что назначение адвокатов «на всякий случай» нередко связано именно с тем, что действия подсудимого и защиты направлены исключительно на затягивание процесса, даже тогда, когда это не так, а для суда приоритетны сроки рассмотрения дела, а не реализация права на защиту¹⁵.

Кроме того, действует фактор «рассмотрения уголовного дела в разумный срок», что, как отмечает Н. М. Кипнис, является причиной активизации привлечения адвокатов-дублеров: судей привлекают к дисциплинарной ответственности за нарушение таких сроков и потому

они изначально, без каких-либо объективных оснований, лишь предполагая, что адвокату по соглашению «захочется что-то сорвать», назначают «дублеров»¹⁶.

Именно поэтому такая «перестраховка» со стороны суда объяснима, хотя и не является законно обоснованным решением.

Совершенно справедливо мнение Г. М. Резника о том, что привлечение судом дублеров с самого начала процесса «оскорбительно для адвокатуры, ибо исходит из тотального недоверия к адвокатам, приглашенным самим обвиняемым или с его согласия»¹⁷.

Другая ситуация — когда позиция подзащитного и защитника по данному вопросу не учитываются. По мнению А. В. Коршунова и А. А. Шаевич, данный факт необходимо рассматривать как «иное нарушение права обвиняемого пользоваться помощью защитника» (п. 4 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ), что должно влечь отмену или изменение судебного решения¹⁸.

Итак, при решении вопроса об участии в процессе защитника по назначению наряду с защитником по соглашению (при установлении факта злоупотребления правом), с одной стороны, значимы такие аргументы, как экономия процессуальных средств (необходимость обеспечить разумные сроки производства по делу) и экономия средств федерального бюджета. С другой стороны — обеспечение обвиняемого квалифицированной юридической помощью

¹³ Калачева Е. Н. Проблемы назначения адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве и возможные пути решения: вызовы цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11 (75). С. 117–118.

¹⁴ См.: Ключевант В. В. Право свободного выбора адвоката — неотъемлемая часть права на защиту. Практика «двойной защиты» не может быть поддержана адвокатской корпорацией // Официальный сайт ФПА РФ. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/pravo-svobodnogo-vybora-advokata-neotemlemaya-chast-prava-na-zashchitu/> (дата обращения: 29.11.2023).

¹⁵ См., например: Полетило О. Не нарушать право на защиту // Адвокатская газета. 2019. № 23 (304).

¹⁶ См.: Кипнис Н. Опасности «двойной защиты». О постановлении Конституционного Суда РФ от 17.07.2019 № 28-П // Официальный сайт ФПА РФ. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/opasnosti-dvoynoy-zashchity/> (дата обращения: 29.11.2023).

¹⁷ Резник Г. Наши разногласия // Адвокатская газета. 2015. № 17 (202).

¹⁸ См.: Коршунов А. В., Шаевич А. А. Некоторые проблемы участия адвоката в уголовном судопроизводстве по назначению // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 18. № 2. С. 203.

¹⁹ При употреблении конструкции «надлежащее качество квалифицированной юридической помощи» мы исходим из той трактовки, которая предлагается, в частности, С. Н. Гавриловым. По его мнению, признак

надлежащего качества¹⁹ и, как следствие, соблюдение права на защиту.

Полагаем, что в качестве приоритета должно выступать именно обеспечение обвиняемого квалифицированной юридической помощью надлежащего качества.

В этом отношении следует согласиться с мнением Н. С. Гаспаряна, который говорит о том, что «в иерархии ценностей справедливого правосудия разумные сроки не могут быть большей ценностью, чем право на судебную защиту»²⁰. При этом автор ссылается на постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2011 № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ю. Какуюева», в котором говорится о том, что «процессуальная экономия как таковая не является для законодателя самоцелью», она лишь закладывает «основу для организационно наиболее быстрого и эффективного разрешения дел в судебной системе в целом... и не допускает какого-либо снижения уровня процессуальных гарантий в целях процессуальной экономии»²¹.

Кроме процессуальной экономии, существует вопрос экономии бюджетных средств. А. В. Сучков полагает, что при наличии у обвиняемого защитника по соглашению назначенный защитник должен обратиться в Счетную

палату РФ, Федеральное казначейство о нецелевом расходовании бюджетных средств и взыскании с виновных лиц соответствующих средств²².

Правовая регламентация института «двойной защиты»

УПК РФ не регламентирует отношения, связанные с «двойной защитой».

Позиция судебной власти по данному вопросу выражена, в частности, в постановлениях Конституционного Суда РФ от 17.07.2019 № 28-П и Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»²³.

В числе корпоративных актов адвокатуры следует назвать решение Совета ФПА РФ «О двойной защите» от 27.09.2013 (в редакции решения Совета ФПА РФ от 28.11.2019), рекомендации Совета ФПА РФ «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» (утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 28.11.2019)²⁴.

Как отметил Г. М. Резник, решение Совета ФПА «О двойной защите» явилось реакцией на наметившуюся в судебной практике тенденцию дополнительно привлекать в процесс, вопреки

квалифицированности юридической помощи связан непосредственно с субъектом ее оказания — с лицом, получившим в установленном порядке статус адвоката. Что же касается качества квалифицированной помощи, то таковое должно оцениваться посредством установленных в адвокатуре дисциплинарных процедур либо в гражданско-правовом порядке. См.: *Гаврилов С. Н.* К вопросу о толковании отдельных терминов в контексте построения корпоративной системы менеджмента качества юридической помощи (услуг) в адвокатуре // *Адвокатская практика.* 2010. № 5. С. 4–19; *Он же.* Реализация процессного подхода к качеству квалифицированной юридической помощи в условиях цифровизации // *Lex russica.* 2022. Т. 75. № 2. С. 108–120.

²⁰ См.: *Гаспарян Н.* Указ. соч.

Уточним лишь, что здесь речь следует вести скорее о праве на защиту и получение квалифицированной юридической помощи, а не о праве на судебную защиту.

²¹ СПС «КонсультантПлюс».

²² См.: *Сучков А. В.* Необходимо вернуться к обсуждению вопросов отказа от защитника и «множественной» защиты // *Адвокатская газета.* 14.09.2018. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/osnovanie-uchastiya-advokata-v-dele-osnova-diskussii/> (дата обращения: 29.12.2023).

²³ СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ СПС «КонсультантПлюс».

воле подсудимого, обеспеченного защитником по соглашению, защитника по назначению²⁵.

Рассматриваемые отношения регулируются и на уровне адвокатских палат.

Например, Совет Адвокатской палаты города Москвы по итогам анализа многочисленных ситуаций, возникших в рамках осуществляемого органами палаты дисциплинарного производства, 18 января 2016 г. принял разъяснение по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению»²⁶. Периодически осуществляются обзоры дисциплинарной практики²⁷. Наряду с официальными актами адвокатской корпорации и разъяснениями советов адвокатских палат, публикуются и примеры из дисциплинарной практики с разбором конкретных ситуаций²⁸.

Как верно отмечалось в корпоративной прессе, постановление КС РФ от 17.07.2019 № 28-П в определенной степени усугубило ситуацию, поскольку «легализовало» право суда назначать адвоката подсудимому при наличии у того адвоката по соглашению²⁹. Это, в свою очередь, породило опасность злоупотребления правом, однако уже со стороны суда (Г. М. Резник).

Прав Н. М. Кипнис, который говорит о том, что массовое признание легитимности института дублеров повлечет то, что защитник по

соглашению будет признан факультативным участником процесса³⁰. Тем самым роль защитника по соглашению может быть снижена на системном уровне.

Следует отметить, что негативная практика института «двойной защиты» продолжает развиваться, о чем говорится в корпоративной прессе³¹. В определенной степени это происходит из-за отсутствия единообразия в региональной практике органов адвокатского самоуправления и, как мы уже отмечали выше, неполноты и противоречивости регулирования этой значимой как в правовом, так и в профессионально-этическом отношении сферы.

В литературе высказываются небезосновательные предложения о том, что ответственность адвокатов за данные нарушения должна быть ужесточена³², а также о том, чтобы нарушение, предусмотренное абзацем 3 п. 2.1 решения Совета ФПА РФ «О двойной защите» от 27.09.2013, воспринималось как дисциплинарный проступок, влекущий за собой дисциплинарную ответственность исключительно в виде прекращения статуса адвоката³³.

Последнее предложение небесспорно, хотя и отражает настрой в корпорации — желание жестко реагировать на подобные нарушения со стороны адвокатов.

²⁵ См.: Резник Г. Указ. соч.

²⁶ Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2015. № 4 (130). С. 17–21 ; 2016. № 3 (133). С. 85–90.

²⁷ Обзор дисциплинарной практики за 2019 г. и первое полугодие 2020 г. по вопросам, связанным с «двойной защитой», вступлением адвоката в дело и выходом из него // URL: https://www.advokatymoscow.ru/upload/disciplinary-practice/Обзор_ДП_-_двойная_защита.pdf (дата обращения: 24.11.2023).

²⁸ См., например: Никифоров А. Справляться с непростыми ситуациями // Адвокатская газета. 2019. № 23 (304).

²⁹ См.: Гаспарян Н. Указ. соч.

³⁰ См.: Кипнис Н. Указ. соч.

³¹ Хмыров Р. Нарушение права на защиту недопустимо // Адвокатская газета 2022. № 10 (363).

Встречаются нарушения, которые не ограничиваются конкретным регионом. Приводятся примеры из практики, свидетельствующие о незаконном назначении «защитника-дублера» из соседнего региона. См., например: Леванюк Е. Межобластной масштаб нарушения права на защиту // Официальный сайт ФПА РФ. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/mezhoblastnoy-masshtab-narusheniya-prava-na-zashchitu/> (дата обращения: 29.11.2023).

³² См., например: Тихонов М. Определиться с понятием // Адвокатская газета 2019. № 16 (297).

По мнению Р. Хмырова, «адвокатские палаты обязаны жестко пресекать действия “адвокатов-дублеров”» (Хмыров Р. Для судьи — неугоден // Адвокатская газета. 2019. № 16 (297)).

³³ Хмыров Р. Нарушение права на защиту недопустимо.

Вместе с тем есть и причины объективного характера, которые при существующих проблемах в нормативном регулировании данного института способствуют распространению негативных проявлений в области «двойной защиты». Так, в корпоративной прессе отмечается, что, поскольку совет адвокатской палаты созывается на заседание раз в месяц, существующий механизм получения адвокатом разъяснений в сложной этической ситуации не может обеспечить оперативного решения вопроса³⁴. В то же время надо иметь в виду, что разъяснения по поводу возможных действий адвокатов в сложной ситуации, касающейся соблюдения этических норм, даваемые советом адвокатской палаты на основании Кодекса профессиональной этики адвоката³⁵, вовсе не означает, что в таком разъяснении будет дана некая «инструкция», предписывающая адвокату действовать так или иначе в конкретной ситуации.

Таким образом, очевидно, что предстоит работа по дальнейшему нормативному регулированию рассматриваемого института, но также необходимо совершенствование корпоративных механизмов и проявление «политической воли» со стороны органов адвокатского самоуправления, что должно обеспечить единство подходов, в том числе в вопросах дисциплинарной практики.

Обоснованность расширения правовых оснований для участия защитника по назначению

Как отмечается в постановлении КС РФ от 17.07.2019 № 28-П, «непринятие отказа подо-

зреваемого, обвиняемого от назначенного ему защитника может быть продиктовано необходимостью *обеспечить разумные сроки производства по делу*, угроза нарушения которых вызвана *злоупотреблением правом на защиту* (выделено мной. — С. 3.), когда процессуальное поведение подозреваемого, обвиняемого или приглашенного защитника, будучи недобросовестным, ущемляет конституционные права иных участников судопроизводства»³⁶.

Таким образом, Конституционный Суд РФ обозначил мотив, по которому защитник по назначению может быть оставлен в процессе (обеспечение разумных сроков производства по делу), а также негативный фактор, который влияет на срыв этих «разумных сроков» («злоупотребление правом на защиту» в виде «недобросовестного процессуального поведения подозреваемого, обвиняемого или приглашенного защитника»).

Таким образом, злоупотребление правом на защиту является единственным фактором, позволяющим не принять отказ подозреваемого, обвиняемого от назначенного ему защитника. В литературе к такого рода процессуальному поведению относят: безосновательную неявку защитника в судебное заседание; неоднократные и безосновательные ходатайства о замене защитника; иные действия, явно направленные на воспрепятствование нормальному ходу судебного разбирательства, содержащие признаки злоупотребления правом³⁷.

В постановлении КС РФ от 17.07.2019 № 28-П со ссылкой на позицию Верховного Суда РФ говорится о том, что злоупотреблением правом на защиту является в том числе «неявка [защитника] под разными предлогами в судебное засе-

---

³⁴ См.: Никифоров А. Указ. соч.

³⁵ Пп. 19 п. 3 ст. 31 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

³⁶ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2019 № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю. Ю. Кавалерова» // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4410.

³⁷ См.: Пилипенко Ю. С. Злоупотребление правом со стороны адвокатов: правовая позиция Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и ЕСПЧ // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11. С. 42.

дание»³⁸. Н. С. Гаспарян отметил, что могут быть уважительные причины неявок защитника и что в результате «Конституционный Суд РФ сформулировал неудачную правовую позицию»³⁹. Полагаем, что из системного толкования данной позиции Конституционного Суда РФ следует, что речь идет именно об умышленных (недобросовестных) действиях адвоката, поскольку в самой формулировке говорится о действиях, «явно направленных на воспрепятствование нормальному ходу судебного разбирательства и указывающих на злоупотребление правом».

В практике Европейского Суда по правам человека в качестве злоупотребления правом на защиту рассматривалась, например, частая замена подсудимым адвокатов («Фреро против Франции» (*Frerot v. France*)); попытки ввести в дело дополнительных адвокатов в завершающей стадии процесса («Климентьев против России»); очевидное затягивание адвокатом процесса («Кройссант против Германии» (*Croissant v. Germany*)); грубое нарушение защитником порядка судебного заседания, его неэтичное поведение («Ритченко против России»).

Отсутствие конкретизированного перечня злоупотреблений правом на защиту, а также то, что само это понятие не лишено субъективного компонента, безусловно, не может не вызывать различные толкования и повлечь разную правоприменительную практику. Вместе с тем, как отмечается в литературе, фактически невозможно выработать какие-то «жесткие формулировки», «четко формализовать какие-либо правила процессуального поведения» в части определения добросовестного поведения адвоката⁴⁰.

Полагаем, что каких-либо оснований для расширения правовых оснований для участия защитника по назначению, кроме как наличие

установленного факта злоупотребления правом на защиту со стороны адвоката по соглашению, нет. При этом решение о назначении защитника должно быть надлежаще мотивировано.

Профессионально-этический и правовой контекст ситуации «двойной защиты»

При наличии, по мнению суда, факта злоупотребления правом на защиту защитник по назначению невольно выступает в роли некоего «правильного», не злоупотребляющего таким правом.

Возникает тема этичности и правомерности постановки вопроса о том, что защитник по назначению необходим как тот, кто не злоупотребляет правом на защиту. А если защитник по соглашению реализует вполне обоснованную тактику защиты, не являющуюся, по мнению защитника по назначению, злоупотреблением? Очевидно, что далеко не всегда, например, заявление ходатайств и выполнение иных действий адвоката, связанных с осуществлением защиты, являются злоупотреблением правом на защиту. Даже если удовлетворение таких ходатайств объективно требует времени и тем «затягивает» процесс. Тем более что, как уже отмечалось, грань понятия злоупотребления правом на защиту весьма размыта.

Полагаем, что в таких ситуациях при решении вопросов «двойной защиты» и выбора адвокатом по назначению тех или иных действий необходимо не упускать из виду фактор морально-этической самооценки действий адвоката по назначению. Адвокат в любом случае должен исходить из законных интересов своего подзащитного.

³⁸ «Соответствующими обстоятельствами могут признаваться, в частности, сделанные неоднократно и без каких-либо оснований заявления о замене защитника, его неявка под разными предлогами в судебное заседание, т.е. действия, явно направленные на воспрепятствование нормальному ходу судебного разбирательства и указывающие на злоупотребление правом» (постановление КС РФ от 17.07.2019 № 28-П).

³⁹ Гаспарян Н. Навязывание защитника судом как опаснейший вид нарушения профессиональных прав адвоката // Официальный сайт ФПА РФ. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/navyazyvanie-zashchitnikasudom/> (дата обращения: 29.11.2023).

⁴⁰ Кипнис Н. Указ. соч.

Вызывает вопросы и ситуация согласования позиции защитников при осуществлении «двойной защиты».

В литературе нередко говорится о низком уровне качества защиты, что выражается в формальном подходе к своим обязанностям отдельных защитников по назначению и случаях, когда таковой фактически «мешает выстраиванию линии защиты» адвокату по соглашению⁴¹.

К сожалению, выработался стереотип отношения к адвокату по назначению как к лицу, которое лишь формально присутствует в процессе, не осуществляя, как правило, всех необходимых действий, направленных на оказание квалифицированной юридической помощи. Стереотип этот возник, увы, не без оснований. Вместе с тем практике известны случаи, когда именно защитник по назначению надлежаще выполняет все необходимые функции, тогда как защитник по соглашению не в полной мере делает это⁴².

Во всяком случае, необходимо исходить из презумпции добросовестности адвоката и равных процессуальных прав вне зависимости от основания появления адвоката в процессе.

Но существуют и ситуации, когда адвокаты по соглашению и по назначению не могут выработать единую тактику защиты. О. В. Гладышева, например, выделяет несколько аспектов этой проблемы: юридический, профессионально-этический, психологический, финансовый⁴³.

Полагаем, что в таких случаях необходимо ориентироваться на позицию подзащитного.

О действии правила ч. 3 ст. 50 УПК РФ о неявке защитника в течение 5 суток в отношении адвоката по назначению

В соответствии с ч. 3 ст. 50 УПК РФ, «в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов».

Очевидно, что правило о неявке защитника в течение 5 суток распространяется не только на защитника по соглашению, но и на защитника по назначению. Изначально в названной норме речь идет о неявке «приглашенного защитника». Однако далее, после вступления адвоката по назначению в дело, процессуальный статус не должен быть каким-либо образом ущемлен.

Неслучайно в той же части 3 ст. 50 УПК РФ далее говорится о том, что «произвести данное процессуальное действие без участия защитника», за исключением определенных случаев, лицо, ведущее процесс, может, «если участвующий в уголовном деле защитник в течение 5 суток не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия (выделено мной. — С. 3.)». То есть речь идет не только о приглашенном, но и о назначенном защитнике.

После принятия процессуального решения о допуске адвоката в качестве защитника лицом, ведущим уголовный процесс, какое-либо ущемление в правах защитника по назначению не должно иметь места. Статус защитника вне зависимости от основания его назначения един.

---

⁴¹ См., например: *Чистилина Д. О.* Проблемы осуществления «двойной защиты» в уголовном процессе России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2020. Т. 10. № 2. С. 70.

⁴² См., например: Совет прекратил статус адвоката за неисполнение профессиональных обязанностей перед доверителем после заключения соглашения на осуществление ее защиты // Адвокатская палата города Москвы : официальный сайт. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/discipline/solutions/13364/> (дата обращения: 07.02.2024).

⁴³ *Гладышева О. В.* Указ. соч. С. 100.

Замена назначенного защитника ввиду его «низкой квалификации»

В числе оснований для замены назначенного защитника, согласно постановлению КС РФ от 17.07.2019 № 28-П, указана «низкая квалификация защитника».

Полагаем, что сама формулировка и употребление в данном контексте термина «квалификация защитника» не корректны. В рассматриваемом Конституционным Судом РФ деле речь идет не о квалификации защитника, а о ситуации ненадлежащего исполнения им своих обязанностей и/или нарушении им норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона № 63-ФЗ, «адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом». Статус адвоката приобретает в порядке ст. 9 Федерального закона № 63-ФЗ, существуют процедуры допуска (ст. 10) и сдачи (ст. 11) квалификационного экзамена, а также присвоения статуса адвоката (ст. 12).

Таким образом, вопрос об уровне квалификации лица, претендующего получить статус адвоката, решается адвокатской корпорацией. Также адвокатской корпорацией посредством дисциплинарных процедур решается и вопрос об отсутствии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката и/или о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей (п. 7 ст. 33 Федерального закона № 63-ФЗ).

Соответственно, такое основание, как низкая квалификация защитника, не может быть причиной для замены защитника.

Выводы и предложения

Институт «двойной защиты», несмотря на наличие определенной степени регулирования посредством правовых позиций, выраженных

Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ, сформированных сложившейся судебной практикой, а также с помощью норм, закрепленных корпоративными актами адвокатуры, не утратил проблематики на практике.

Ситуация отсутствия полного и непротиворечивого регулирования рассматриваемых отношений представляет угрозу, а в отдельных случаях влечет нарушения прав на защиту и получение обвиняемыми квалифицированной юридической помощи и в целом негативно влияет на реализацию функции судопроизводства.

Полагаем, было бы неправильным, чтобы регулирование рассматриваемых отношений осуществлялось исключительно адвокатской корпорацией. Учитывая разные задачи при реализации функций уголовного судопроизводства с одной стороны органами дознания и следствия, государственным обвинением и с другой стороны защиты, следует находить в этой области некий регуляторный баланс. Кроме того, важно и то, что институт «двойной защиты» так или иначе затрагивает тематику конфликта публичного (бюджетные затраты на оплату труда защитника по назначению наряду с защитником по соглашению) и частного интереса (возможность осуществления в отдельных случаях «двойной защиты»).

С учетом того обстоятельства, что в настоящее время осуществляется цифровая трансформация адвокатуры и адвокатской деятельности, необходимо в контексте данных процессов и с использованием цифровых инструментов разработать и по возможности «переложить» в цифровой формат модель практической реализации института «двойной защиты» — с учетом всех значимых факторов, ситуационных вариантов и с определением надлежащих алгоритмов действий адвокатов как по соглашению, так и по назначению⁴⁴.

При этом нужно учитывать различные ситуации (в том числе, например, исключение участия «адвоката-дублера» после завершения

⁴⁴ Как правильно отмечается в литературе, определенные решения необходимы не только для адвокатов «по назначению», но и для адвокатов «по соглашению». См.: *Дядькин Д.* Независимость и законность. Без компромиссов // Адвокатская газета. 2022. № 10 (363).

неотложных процессуальных действий⁴⁵ или принятия на себя защиты обвиняемого защитником по соглашению⁴⁶ и др.).

В целом, по нашему мнению, задача состоит в том, чтобы устранить неполноту и противоречивость нормативного регулирования института «двойной защиты»; выработать унифицирован-

ные подходы при реализации данного института адвокатами; обеспечить непротиворечивую корпоративную дисциплинарную практику в вопросах привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности; содействовать единству правоприменительной практики органов дознания, следствия и суда.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гаврилов С. Н.* К вопросу о толковании отдельных терминов в контексте построения корпоративной системы менеджмента качества юридической помощи (услуг) в адвокатуре // *Адвокатская практика*. — 2010. — № 5. — С. 4–19.
2. *Гаврилов С. Н.* Реализация процессного подхода к качеству квалифицированной юридической помощи в условиях цифровизации // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 108–120.
3. *Гаспарян Н.* Изменить сложившиеся стереотипы // *Адвокатская газета* — 2019. — № 23 (304). — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/izmenit-slozhivshiesya-stereotipy/> (дата обращения: 29.11.2023).
4. *Гаспарян Н.* Навязывание защитника судом как опаснейший вид нарушения профессиональных прав адвоката // *Официальный сайт ФПА РФ*. — URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/navyazyvanie-zashchitnika-sudom/> (дата обращения: 29.11.2023).
5. *Гладышева О. В.* Двойная и субсидиарная защита в уголовном судопроизводстве // *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. — 2022. — № 3 (14). — С. 95–104. — URL: <https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-95-104/> (дата обращения: 08.02.2024).
6. «Двойная защита» в контексте общих проблем правосудия // *Адвокатская газета* — 2019. — № 21 (302).
7. Двойная защита недопустима // *Адвокатская газета*. — 2013. — № 17 (154). — URL: <https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/dvoynaya-zashchita-nedopustima/> (дата обращения: 28.11.2023).
8. *Десяткин Г. С.* Актуальные вопросы постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении законодательства о праве на защиту // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. — 2015. — № 4 (36). — С. 52–59.
9. *Дядькин Д.* Независимость и законность. Без компромиссов // *Адвокатская газета*. — 2022. — № 10 (363).
10. *Забуга Е.* Алгоритм действий в случае «двойной защиты» // *Адвокатская газета*. 11 октября 2018. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/algorithm-deystviy-v-sluchae-dvoynoy-zashchity/> (дата обращения: 08.02.2024).
11. *Калачева Е. Н.* Проблемы назначения адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве и возможные пути решения: вызовы цифровизации // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2020. — № 11 (75). — С. 112–123.
12. *Кипнис Н.* Опасности «двойной защиты». О постановлении Конституционного Суда РФ от 17.07.2019 № 28-П // *Официальный сайт ФПА РФ*. — URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/opasnosti-dvoynoy-zashchity/> (дата обращения: 29.11.2023).
13. *Клювгант В. В.* Право свободного выбора адвоката — неотъемлемая часть права на защиту. Практика «двойной защиты» не может быть поддержана адвокатской корпорацией // *Официальный сайт*

---

⁴⁵ *Дядькин Д.* Указ. соч.

⁴⁶ См., например: *Хмыров Р.* Нарушение права на защиту недопустимо; *Трубецкой Н.* Защитник в неотложном процессуальном действии // *Адвокатская газета*. 2022. № 9 (362).

- ФПА РФ. — URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/pravo-svobodnogo-vybora-advokata-neotemlemaya-chast-prava-na-zashchitu/> (дата обращения: 29.11.2023).
14. Коршунов А. В., Шаевич А. А. Некоторые проблемы участия адвоката в уголовном судопроизводстве по назначению // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2021. — Т. 18. — № 2. — С. 196–206.
  15. Леванюк Е. Межобластной масштаб нарушения права на защиту // Официальный сайт ФПА РФ. — URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/mezhoblastnoy-masshtab-narusheniya-prava-na-zashchitu/> (дата обращения: 29.11.2023).
  16. Никифоров А. Справляться с непростыми ситуациями // Адвокатская газета — 2019. — № 23 (304).
  17. Пилипенко Ю. С. Злоупотребление правом со стороны адвокатов: правовая позиция Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и ЕСПЧ // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2020. — № 11. — С. 37–43.
  18. Полетило О. Не нарушать право на защиту // Адвокатская газета. — 2019. — № 23 (304).
  19. Резник Г. Наши разногласия // Адвокатская газета. — 2015. — № 17 (202).
  20. Сучков А. В. Необходимо вернуться к обсуждению вопросов отказа от защитника и «множественной» защиты // Адвокатская газета. — 14.09.2018. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/osnovanie-uchastiya-advokata-v-dele-osnova-diskussii/> (дата обращения: 29.12.2023).
  21. Терёнина Т. Ю. Несогласованность действий между защитником по выбору обвиняемого и защитником по назначению следователя // Современные научные исследования и разработки. — 2018. — № 3. — С. 537–539.
  22. Тихонов М. Определиться с понятием // Адвокатская газета — 2019. — № 16 (297).
  23. Трубецкой Н. Защитник в неотложном процессуальном действии // Адвокатская газета. — 2022. — № 9 (362).
  24. Хмыров Р. Нарушение права на защиту недопустимо // Адвокатская газета. — 2022. — № 10 (363).
  25. Чистилина Д. О. Проблемы осуществления «двойной защиты» в уголовном процессе России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». — 2020. — Т. 10. — № 2. — С. 68–80.

Материал поступил в редакцию 26 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gavrillov S. N. K voprosu o tolkovanii otdelnykh terminov v kontekste postroeniya korporativnoy sistemy menedzhmenta kachestva yuridicheskoy pomoshchi (uslug) v advokature // Advokatskaya praktika. — 2010. — № 5. — С. 4–19.
2. Gavrillov S. N. Realizatsiya protsessnogo podkhoda k kachestvu kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi v usloviyakh tsifrovizatsii // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 108–120.
3. Gasparyan N. Izmenit slozhivshiesya stereotipy // Advokatskaya gazeta — 2019. — № 23 (304). — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/izmenit-slozhivshiesya-stereotipy/> (дата обращения: 29.11.2023).
4. Gasparyan N. Navyazyvanie zashchitnika sudom kak opasneyshiy vid narusheniya professionalnykh prav advokata // Ofitsialnyy sayt FPA RF. — URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/navyazyvanie-zashchitnika-sudom/> (дата обращения: 29.11.2023).
5. Gladysheva O. V. Dvoynaya i subsidiarnaya zashchita v ugovnom sudoproizvodstve // Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2022. — № 3 (14). — С. 95–104. — URL: <https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-95-104/> (дата обращения: 08.02.2024).
6. «Dvoynaya zashchita» v kontekste obshchikh problem pravosudiya // Advokatskaya gazeta — 2019. — № 21 (302).

7. Dvoynaya zashchita nedopustima // Advokatskaya gazeta. — 2013. — № 17 (154). — URL: <https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/dvoynaya-zashchita-nedopustima/> (data obrashcheniya: 28.11.2023).
8. Devyatkin G. S. Aktualnye voprosy postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii o primenenii zakonodatelstva o prave na zashchitu // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki. — 2015. — № 4 (36). — S. 52–59.
9. Dyadkin D. Nezavisimost i zakonnost. Bez kompromissov // Advokatskaya gazeta. — 2022. — № 10 (363).
10. Zabuga E. Algoritm deystviy v sluchae «dvoynoy zashchity» // Advokatskaya gazeta. 11 oktyabrya 2018. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/algoritm-deystviy-v-sluchae-dvoynoy-zashchity/> (data obrashcheniya: 08.02.2024).
11. Kalacheva E. N. Problemy naznacheniya advokata-zashchitnika v ugovnom sudoproizvodstve i vozmozhnye puti resheniya: vyzovy tsifrovizatsii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2020. — № 11 (75). — S. 112–123.
12. Kipnis N. Opasnosti «dvoynoy zashchity». O postanovlenii Konstitutsionnogo Suda RF ot 17.07.2019 № 28-P // Ofitsialnyy sayt FPA RF. — URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/opasnosti-dvoynoy-zashchity/> (data obrashcheniya: 29.11.2023).
13. Klyuvgant V. V. Pravo svobodnogo vybora advokata — neotemlemaya chast prava na zashchitu. Praktika «dvoynoy zashchity» ne mozhet byt podderzhana advokatskoy korporatsiyey // Ofitsialnyy sayt FPA RF. — URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/pravo-svobodnogo-vybora-advokata-neotemlemaya-chast-prava-na-zashchitu/> (data obrashcheniya: 29.11.2023).
14. Korshunov A. V., Shaevich A. A. Nekotorye problemy uchastiya advokata v ugovnom sudoproizvodstve po naznacheniyu // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. — 2021. — T. 18. — № 2. — S. 196–206.
15. Levanyuk E. Mezhoblastnoy masshtab narusheniya prava na zashchitu // Ofitsialnyy sayt FPA RF. — URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/mezhoblastnoy-masshtab-narusheniya-prava-na-zashchitu/> (data obrashcheniya: 29.11.2023).
16. Nikiforov A. Spravlyatsya s neprostymi situatsiyami // Advokatskaya gazeta — 2019. — № 23 (304).
17. Pilipenko Yu. S. Zloupotrebleniye pravom so storony advokатов: pravovaya pozitsiya Konstitutsionnogo Suda RF, Verkhovnogo Suda RF i ESPCh // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2020. — № 11. — S. 37–43.
18. Poletilo O. Ne narushat pravo na zashchitu // Advokatskaya gazeta. — 2019. — № 23 (304).
19. Reznik G. Nashi raznoglasiya // Advokatskaya gazeta. — 2015. — № 17 (202).
20. Suchkov A. V. Neobkhodimo vernutsya k obsuzhdeniyu voprosov otkaza ot zashchitnika i «mnozhestvennoy» zashchity // Advokatskaya gazeta. — 14.09.2018. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/osnovanie-uchastiya-advokata-v-dele-osnova-diskussii/> (data obrashcheniya: 29.12.2023).
21. Terenina T. Yu. Nesoglasovannost deystviy mezhdru zashchitnikom po vyboru obvinyaemogo i zashchitnikom po naznacheniyu sledovatelya // Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki. — 2018. — № 3. — S. 537–539.
22. Tikhonov M. Opredelitsya s ponyatiem // Advokatskaya gazeta — 2019. — № 16 (297).
23. Trubetskoy N. Zashchitnik v neotlozhnom protsessualnom deystvii // Advokatskaya gazeta. — 2022. — № 9 (362).
24. Khmyrov R. Narusheniye prava na zashchitu nedopustimo // Advokatskaya gazeta. — 2022. — № 10 (363).
25. Chistilina D. O. Problemy osushchestvleniya «dvoynoy zashchity» v ugovnom protsesse Rossii // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya i pravo». — 2020. — T. 10. — № 2. — S. 68–80.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.144-155

С. Ю. Карпов*,
А. Я. Понимаскин*

Практика аттестации пожарно-технических экспертов: тенденции, вопросы, предложения

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с аттестацией судебных пожарно-технических экспертов судебно-экспертных учреждений федеральной противопожарной службы МЧС России. Особое внимание уделяется кадровому обеспечению и балансу экспертов, имеющих допуск на право производства экспертиз по утвержденным в МЧС России специализациям в пожарно-технической экспертизе. Показано, что во многих экспертных подразделениях отсутствуют эксперты по большинству утвержденных в МЧС России специализаций судебной пожарно-технической экспертизы. Авторы обращают внимание на необходимость унификации специализаций судебных пожарно-технических экспертиз с другими экспертными учреждениями и организациями. Обсуждается количество специализаций в судебной пожарно-технической экспертизе и совершенствование подготовки пожарно-технических экспертов. Предлагается сократить количество специализаций в судебной пожарно-технической экспертизе, утвержденных в квалификационных требованиях к сотрудникам федеральной противопожарной службы МЧС России по специальности «Судебная пожарно-техническая экспертиза». Для повышения эффективности судебно-экспертной деятельности авторы рекомендуют сформировать и вести на постоянной основе базу данных судебных пожарно-технических экспертов России.

Ключевые слова: эксперт; пожар; пожарно-техническая экспертиза; расследование пожаров; аттестация экспертов; экспертные специализации; кадровое обеспечение экспертных подразделений; судебная экспертиза; пожарно-тактическая экспертиза.

Для цитирования: Карпов С. Ю., Понимаскин А. Я. Практика аттестации пожарно-технических экспертов: тенденции, вопросы, предложения // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 144–155. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.144-155.

© Карпов С. Ю., Понимаскин А. Я., 2024

* Карпов Сергей Юрьевич, старший научный сотрудник научно-исследовательского сектора методического обеспечения деятельности ИПЛ отдела координации и планирования НИОКР Всероссийского ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института противопожарной обороны ВНИИПО мкр., д. 12, г. Балашиха, Московская область, Россия, 143954
kafedrandagps@mail.ru

** Понимаскин Алексей Яковлевич, начальник отдела координации и планирования НИОКР Всероссийского ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института противопожарной обороны ВНИИПО мкр., д. 12, г. Балашиха, Московская область, Россия, 143954
sector-ipl@vniipo.ru

Fire Experts Certification: Trends, Issues, Proposals

Sergey Yu. Karpov, Senior Researcher, Research Sector for Methodological Support for Fire Research Laboratory Activities, R&D Coordination and Planning Department, All-Russian Research Institute for Fire Protection of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, Balashikha, Moscow Region, Russian Federation
kafedrandagps@mail.ru

Alexey Ya. Ponimaskin, Head of the R&D Coordination and Planning Department, All-Russian Research Institute for Fire Protection of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, Balashikha, Moscow Region, Russian Federation
sector-ipl@vniipo.ru

Abstract. The paper discusses issues related to the certification of forensic fire experts in forensic institutions of the federal fire service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters (EMERCOM of Russia). Particular attention is given to the staffing and balance of experts who have the right to carry out expert examination under competencies approved by the EMERCOM of Russia. It is shown that in many expert departments there are no experts in most of the fields of forensic fire examination approved by the EMERCOM of Russia. The authors draw attention to the need to unify the specializations of forensic fire examinations with other expert institutions and organizations. The number of specializations in forensic fire examination and the improvement of training of fire experts are discussed. It is proposed to reduce the number of specializations in forensic fire examination approved as the competence requirements for employees of the federal fire service of the EMERCOM of Russia for «Forensic fire examination» specialization. In order to increase the efficiency of forensic expert activities, the authors recommend creating and consistently maintaining a database of forensic fire experts in Russia.

Keywords: expert; fire; fire expertise; fire investigation; certification of experts; expert specializations; staffing of expert units; forensic examination; fire tactical examination.

Cite as: Karpov SYu, Ponimaskin AYa. Fire Experts Certification: Trends, Issues, Proposals. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):144-155. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.144-155.

В расследовании уголовных, гражданских и административных дел, связанных с пожарами, судебная пожарно-техническая экспертиза (СПТЭ) в большинстве случаев является ключевым источником доказательства. И это обстоятельство накладывает ответственность не только на эксперта, но и на систему организации его подготовки. Общество и государство ожидают от эксперта выполнения работы в разумные сроки с надлежащим качеством, научным и объективным выводом в заключении. На качество и сроки производства судебных пожарно-технических экспертиз, кроме компетенций эксперта, существенно влияет наличие экспертных методик, современного экспертного оборудования, а также организационно-правовая регламентация деятельности судебного эксперта.

В системе государственных экспертных учреждений, специализирующихся на производстве пожарно-технических экспертиз, судебно-экспертные учреждения Федеральной противопожарной службы МЧС России (СЭУ ФПС МЧС России) занимают лидирующую позицию по количеству учреждений, а также по объему исследований и экспертиз в области обеспечения пожарной безопасности. Поэтому в данной статье авторами рассматриваются проблемные вопросы, связанные с производством пожарно-технических экспертиз, а также выработкой предложений по совершенствованию судебно-экспертной деятельности на примере СЭУ ФПС МЧС России.

В настоящее время в системе МЧС России действуют 78 судебно-экспертных учреждений

(СЭУ) и одно головное экспертное подразделение «Исследовательский центр экспертизы пожаров» (ИЦЭП). Ведомственными приказами в СЭУ определен общий порядок деятельности, оснащения, статистической отчетности судебно-экспертных подразделений¹. В современных условиях круг задач СЭУ постоянно расширяется, а это значит, что есть объективная необходимость как можно раньше определить методы их решения, в первую очередь на уровне организационно-правовой регламентации в деятельности эксперта.

С момента создания СЭУ ФПС МЧС России прошло более 16 лет, в связи с этим назрел вопрос оценки деятельности системы. Хотелось бы проанализировать, насколько динамично и системно развивалась деятельность, как часто внедрялись (разрабатывались) новые технологии в данной отрасли, каким образом повысился уровень компетенции эксперта, насколько эффективны применяемые на практике методы (методики), приборы, оборудование, а также организационно-правовая и методическая работа. Решение проблемных вопросов, связанных с появлением новых видов экспертиз, повышением качества заключения эксперта и сокращением сроков производства, подталкивает экспертное сообщество к пересмотру многих ранее принятых позиций. Авторы в данной статье анализируют круг вопросов, связанных со специализациями (подвидами) пожарно-технической экспертизы, аттестацией экспертов, а также обсуждают повышение эффективности судебно-экспертной деятельности в ФПС СЭУ МЧС России.

Одним из оснований производства судебной пожарно-технической экспертизы (по опреде-

ленной специализации) в СЭУ ФПС МЧС России является наличие у эксперта допуска на право самостоятельного производства судебной пожарно-технической экспертизы.

В системе МЧС России по судебной пожарно-технической экспертизе предусмотрено восемь специализаций:

1. Реконструкция процесса возникновения и развития пожара.
2. Металлографические и морфологические исследования металлических объектов СПТЭ.
3. Рентгенофазовый анализ при исследовании объектов СПТЭ.
4. Молекулярная и атомная спектроскопия при исследовании объектов СПТЭ.
5. Термический анализ при исследовании объектов СПТЭ.
6. Обнаружение и классификация инициаторов горения при исследовании объектов СПТЭ.
7. Полевые инструментальные методы при исследовании объектов СПТЭ.
8. Анализ нарушений нормативных требований в области пожарной безопасности, прогнозирование и экспертное исследование их последствий.

В рамках судопроизводства по делам о пожарах велика вероятность привлечения эксперта с различной спецификой подготовки (специализацией), поэтому в штате экспертных подразделений должно быть достаточное количество аттестованных экспертов с различными специализациями СПТЭ. Ежегодно сотрудниками СЭУ ФПС МЧС России проводятся около 18 000 судебных экспертиз и выполняется более 25 000 технических заключений. Нагрузка на одного аттестованного эксперта СЭУ с учетом только производства судебных пожарно-техни-

¹ См. подробнее: приказ МЧС РФ от 14.10.2005 № 745 «О создании судебно-экспертных учреждений и экспертных подразделений федеральной противопожарной службы»; приказ МЧС РФ от 22.08.2013 № 551 «О представлении сведений о деятельности судебно-экспертных учреждений федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы»; приказ МЧС РФ от 19.08.2005 № 640 «Об утверждении Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделений федеральной противопожарной службы»; приказ МЧС РФ от 09.06.2006 № 351 «Об утверждении Положения о порядке проведения аттестации сотрудников и работников судебно-экспертных учреждений и экспертных подразделений федеральной противопожарной службы на право самостоятельного производства судебных экспертиз»; приказ МЧС РФ от 27.02.2014 № 86 «О головном судебно-экспертном подразделении федеральной противопожарной службы».

ческих экспертиз в 2022 г. составила в среднем более 45 экспертиз. Количество проведенных СПТЭ в 2022 г. в региональных СЭУ варьируется от 20 до 620 экспертиз, а в среднем показатель составляет более 220 экспертиз на одно подразделение. Нагрузка между экспертами должна быть сбалансирована, а в штате СЭУ желательно иметь не менее двух экспертов, аттестованных по различным специализациям СПТЭ.

Деление на специализации (подвиды) в СПТЭ предусмотрено только в СЭУ МЧС России, в других ведомственных экспертных учреждениях, например в системе МВД РФ, СКР РФ, Минюста РФ, СПТЭ не разделяют на специализации. Вопрос деления на специализации СПТЭ дискуссионный². Очевидно одно: чем больше специализаций (подвидов) СПТЭ, тем больше нужно аттестованных экспертов (по конкретной специализации) в подразделении. В некоторых подразделениях СЭУ один эксперт может иметь несколько допусков по различным специализациям, но такая практика в основном единичная и не регламентирована нормативными документами. Вопрос компетенции эксперта и его соответствия занимаемой должности по формальным признакам зависит от наличия допуска к производству судебной экспертизы. То есть достаточно получить допуск к одной из 8 специализаций СПТЭ и вопрос аттестации решен. Как правило, экспертное подразделение не имеет достаточный штат аттестованных экспертов в соответствии с действующими специализациями, и это является препятствием для

выполнения задач по производству судебных экспертиз различной сложности и направленности. Поэтому вопрос кадрового ресурсообеспечения и регламентации аттестации экспертов СЭУ требует дополнительной научно-технической и правовой проработки.

Основная часть

Аттестация экспертов и дополнительная профессиональная подготовка по экспертным специализациям СПТЭ в системе МЧС России осуществляется в головном экспертном подразделении, роль которого выполняет ИЦЭП, а также на базе СЭУ I разряда в соответствии с ведомственными нормативными документами³. Укомплектованность СЭУ аттестованными судебными экспертами является одной из важных задач в организации судебно-экспертной деятельности и выполнении государственного задания⁴.

Анализ статистических данных (табл. 1, 2) говорит о том, что наибольшее количество экспертов в период с 2017 г. по 2021 г. обучалось по СПТЭ-1 «Реконструкция процесса возникновения и развития пожара», а наименьшее количество — по СПТЭ-5 «Термический анализ при исследовании объектов СПТЭ». Учитывая аналитические данные (рис. 1, табл. 3), можно сказать, что во всех СЭУ ФПС МЧС России есть эксперт(-ы), имеющий допуск к СПТЭ-1. Эксперты по СПТЭ-2 отсутствуют в 50,63 % СЭУ, эксперты по СПТЭ-3 отсутствуют в 43,1 % СЭУ,

² См. подробнее: *Шеков А. А., Кузнецов К. Л., Зырянов В. С.* О видах пожарно-технической экспертизы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2007. № 1 (80). С. 65–71 ; *Плахов С. И.* О видовой классификации пожарно-технических и взрывотехнологических экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. № 3 (27). С. 18–37 ; *Таубкин И. С.* О повышении качества судебных пожарно-технических экспертиз // Там же. 2019. Т. 14. № 4. С. 98–116.

³ См.: приказ МЧС России от 09.06.2006 № 351 «Об утверждении Положения о порядке проведения аттестации сотрудников и работников судебно-экспертных учреждений и экспертных подразделений Федеральной противопожарной службы на право самостоятельного производства судебных экспертиз», «Квалификационные требования к сотрудникам Федеральной противопожарной службы МЧС России», утверждены Главным государственным инспектором Российской Федерации по пожарному надзору 19.09.2011.

⁴ См.: *Елисеев Ю. Н., Лобатова О. В., Теплякова Т. Д.* Организация профессиональной подготовки сотрудников судебно-экспертных учреждений Федеральной противопожарной службы // Расследование пожаров : сборник статей / под общ. ред. И. Д. Чешко. СПб., 2019. С. 18–25.

эксперты по СПТЭ-4 в 87,34 %, по СПТЭ-5 отсутствие составляет 94,93 %, по СПТЭ-6 отсутствие составляет 53,16 %, по СПТЭ-7 отсутствие составляет 74,68 %, по СПТЭ-8 — 60,75 %. Как видно из

статистических данных, ситуация с достаточным наличием аттестованных экспертов в СЭУ находится на низком уровне.

Таблица 1

Количество экспертов, прошедших обучение, включая повышение квалификации, по специализациям в ИЦЭП (чел.)

Специализация	Годы				
	2017	2018	2019	2020	2021
СПТЭ-1	20	29	20	33	42
СПТЭ-2	33	16	19	17	22
СПТЭ-3	20	11	20	13	14
СПТЭ-4	15	13	4	2	5
СПТЭ-5	5	—	—	—	—
СПТЭ-6	24	12	20	18	10
СПТЭ-7	22	23	24	23	12
СПТЭ-8	37	25	38	26	25

Таблица 2

Статистика обучения экспертов по специализациям в СЭУ 1 разряда

Годы	Регион						
	Нижегородская область	Краснодарский край	Омская область	Приморский край	Ставропольский край	Ярославская область	Свердловская область
СПТЭ-1							
2017	7	4	3	3	—	7	2
2018	5	1	5	1	—	8	1
2019	3	9	3	2	—	5	1
2020	2	2	6	2	—	9	1
2021	1	6	3	2	—	2	3
СПТЭ-2							
2017	4	3	1	—	—	2	2
2018	1	3	2	1	—	8	2
2019	2	1	—	—	—	4	1
2020	3	3	—	—	—	2	—
2021	5	1	1	—	—	—	3
СПТЭ-3							
2017	—	4	1	1	—	3	—
2018	3	—	—	2	—	5	—
2019	2	—	—	—	—	3	—
2020	1	1	—	—	—	—	—

Годы	Регион						
	Нижегородская область	Краснодарский край	Омская область	Приморский край	Ставропольский край	Ярославская область	Свердловская область
2021	1	1	—	1	—	—	—
СПТЭ-4							
2017	—	1	—	2	—	2	—
2018	1	1	1	1	—	—	—
2019	2	1	—	1	—	—	—
2020	2	—	2	1	—	3	—
2021	2	—	—	—	—	3	—
СПТЭ-5							
2017	—	—	—	—	—	—	—
2018	—	—	—	—	—	—	—
2019	—	—	—	—	—	—	—
2020	—	—	—	—	—	—	—
2021	—	—	—	—	—	—	—
СПТЭ-6							
2017	2	—	—	—	—	4	—
2018	2	5	1	3	—	6	1
2019	1	2	1	2	—	3	—
2020	1	1	1	1	—	2	2
2021	—	1	1	2	—	2	—
СПТЭ-7							
2017	3	2	—	—	—	3	—
2018	2	4	—	—	—	2	—
2019	6	3	—	—	—	2	—
2020	4	4	—	—	—	2	—
2021	—	4	—	—	—	3	—
СПТЭ-8							
2017	—	—	6	—	—	—	—
2018	—	—	—	—	—	—	—
2019	—	—	—	—	—	—	—
2020	—	—	—	—	—	—	—
2021	—	—	—	—	—	—	—

Таблица № 3

Данные о количестве экспертов в СЭУ ФПС МЧС России, имеющих свидетельство на право самостоятельно проводить судебные экспертизы по утвержденным специализациям СПТЭ (по состоянию на 23 марта 2022 г.)

СЭУ	Специализация СПТЭ							
	1	2	3	4	5	6	7	8
ИЦЭП	6	3	2	2	1	3		2
г. Москва	6	3				2		
Омская область	4	2	3			1	2	2
Республика Тыва	3							
Республика Хакасия	3	2						
Алтайский край	2		1			1	1	2
Забайкальский край	3					1		
Красноярский край	5	7	3			5	1	
Иркутская область	7	2	1				3	3
Кемеровская область	2	3				1		
Новосибирская область	3	1	1			1	2	1
Томская область	5	2	1	1		1		
Приморский край	6	1	2	1	1	2	1	1
Республика Бурятия	2							
Республика Саха (Якутия)	3		1					
Камчатский край	4					1		
Хабаровский край	7	1	1			2		
Амурская область	4		1			1		
Магаданская область	2							
Сахалинская область	4	1				1		
Свердловская область	7	1				1		1
Ханты-Мансийский АО — Югра	4	3		2		3		1
Ямало-Ненецкий АО	1		1			3		
Курганская область	5					1		1
Тюменская область	7	2		1		2		1
Челябинская область	4	2						
Ярославская область	4	1	1			1	1	
Белгородская область	1		1	1		1		
Брянская область	5	1	2	1		1		1
Владимирская область	4					1	1	2
Воронежская область	6	1					1	
Ивановская область	4	1	1	1		1	2	1
Калужская область	3							
Костромская область	2	1	1					
Курская область	4	1					1	
Липецкая область	3		1					
Московская область	4	1	1					3
Орловская область	3							2
Рязанская область	7		2			1	2	1

СЭУ	Специализация СПТЭ							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Смоленская область	5							1
Тамбовская область	2	1	1					
Тверская область	6	2				2		2
Тульская область	6		1			2	1	8
Нижегородская область	3	1	1			2		
Республика Башкортостан	2	1	2					2
Республика Марий Эл	3	1						
Республика Мордовия	3	2	2					4
Республика Татарстан	1		1					1
Удмуртская Республика	2	2	1			3		3
Чувашская Республика	4	3	2			2	1	
Пермский край	3		1					1
Кировская область	3		2			1		1
Оренбургская область	3						1	1
Пензенская область	4		1			1		
Самарская область	4						1	
Саратовская область	5							
Ульяновская область	2							
Краснодарский край	6	1		1				
Астраханская область	2							
Волгоградская область	2							
Ростовская область	5						1	
Ставропольский край	2						1	
Кабардино-Балкарская Республика	1							
Карачаево-Черкесская Республика	3							
Республика Дагестан	2							1
Республика Ингушетия	1							
Республика Северная Осетия — Алания	2		1					
Чеченская Республика	1							
г. Санкт-Петербург	6	3	5	4	2	3	1	7
Республика Карелия	5	2	1					
Республика Коми	4					1		
Архангельская область	4	1						1
Вологодская область	1	2	1			1		
Калининградская область	2		1					
Ленинградская область	2	1	1					3
Мурманская область	2		4					
Новгородская область	2	1	2			1	1	
Псковская область	3							
СЭУ ФПС № 93	19	3	2		1	1		7

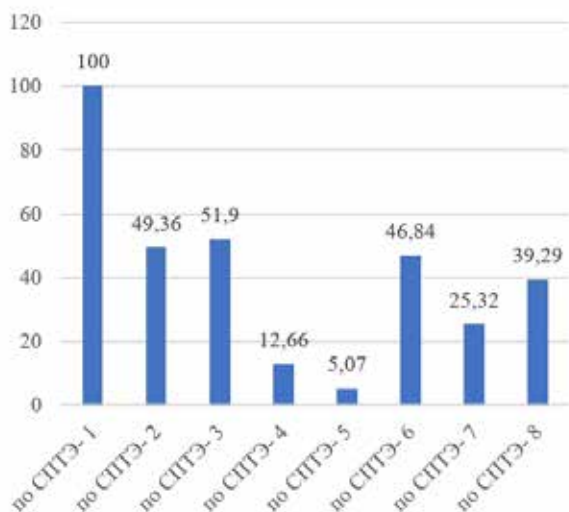

Рис. 1. Данные о количестве экспертов СЭУ, имеющих допуски на право самостоятельного производства экспертиз, в 2017–2021 гг.

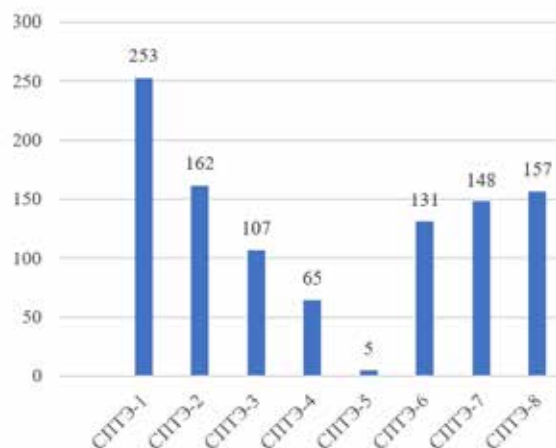

Рис. 2. Количество экспертов, прошедших обучение в 2017–2021 гг. по специализациям СПТЭ

На практике бóльшая часть судебных экспертиз выполняется экспертами, имеющими допуск по СПТЭ-1. Мнение экспертного сообщества в системе МЧС РФ во многом сводится к тому, что специализация СПТЭ-1 является основополагающей в рамках производства судебных экспертиз по делам о пожарах. Однако не стоит забывать, что есть другие специализации (СПТЭ-2 — СПТЭ-8), которые были приняты для реализации их на практике с учетом специфики расследований преступлений, сопряженных с пожарами и нарушением требований пожарной безопасности. Деление СПТЭ на специализации произошло в 2006 г. — с утверждением квалификационных требований к сотрудникам федеральной противопожарной службы МЧС России по специальности «Судебная пожарно-техническая экспертиза». В настоящее время нет единого подхода к видовой унификации (подвидам) СПТЭ в экспертном сообществе, а также их признания на межведомственном уровне.

Существующее положение в СЭУ в части количества специализаций и деятельности по производству СПТЭ порождает несколько вопросов:

- почему такой низкий процент аттестованных сотрудников;
- какова реальная потребность в судебных экспертах разных специализаций в регионах;

- возможно ли замещение потребности в судебных экспертах за счет привлечения экспертов из других организаций (ведомств) или из СЭУ другого региона;

- есть ли необходимость в таком большом перечне специализаций СПТЭ;

- могут ли судебные эксперты из других ведомств и организаций (с учетом того, что у них нет деления СПТЭ на специализации) проводить, например, повторные экспертизы после первичной экспертизы, выполненной в СЭУ ФПС МЧС России.

Потребность в экспертах, специализирующихся по конкретным подвидам СПТЭ, обусловливается большим количеством специализаций и недостаточным ресурсообеспечением СЭУ. С другой стороны, должен соблюдаться баланс затраченных сил и средств при реализации конституционного права граждан в рамках судопроизводства, которое заключается в объективности и полноте доказательной базы при вынесении решений по делам о пожарах, где СПТЭ во многих случаях является ключевым звеном в системе доказывания.

Концептуально по данной проблематике можно рассмотреть несколько вариантов решения. Во-первых, увеличить количество экспертов в СЭУ и, соответственно, равномерно распре-

лить сотрудников на конкретные специализации СПТЭ. Это решение повлечет увеличение штата сотрудников и повысит бюджетные затраты МЧС России. Во-вторых, с учетом практики производства СПТЭ уменьшить количество специализаций СПТЭ. В-третьих, для решения вопроса кадрового обеспечения необходимо разработать и утвердить методику, которая позволит государственным организациям с учетом специфики производства СПТЭ определять нужное количество экспертов. Оптимальную рабочую нагрузку экспертов можно спрогнозировать с учетом статистических данных и иных факторов с последующим использованием математического расчета (моделирования). В-четвертых, необходимо усовершенствовать методическое сопровождение экспертной деятельности СПТЭ, а также пересмотреть ряд вопросов, связанных с подготовкой (обучением) экспертов, т.е. подготовить универсальных экспертов, которые одновременно могут качественно выполнить экспертизу по любой из специализаций СПТЭ, что, по мнению авторов, трудновыполнимая задача.

Что касается уменьшения числа специализаций в СПТЭ, авторы согласны с высказываниями и предложениями ученых и экспертов, затрагивающих проблему видовой классификации СПТЭ⁵. Учитывая иные подходы к видовой классификации СПТЭ в разных ведомствах, например различие в количестве специализаций, их названии, авторы считают, что в рамках предметной области «классической» пожарно-технической экспертизы решаемые вопросы в общем остаются неизменными. Поэтому при производстве СПТЭ в отсутствие тех или иных компетенций у одного эксперта, в соответствии с действующим законодательством, проблема решается путем привлечения других экспертов (специалистов), которые будут решать отдельные частные вопросы и помогать таким образом

руководителю экспертной группы подготовить заключение эксперта (экспертов).

В судебно-экспертных учреждениях эффективнее формировать группы экспертов, которые будут специализироваться на конкретных видах исследований, а также совершенствоваться в работе по определенным типам экспертного оборудования (методикам исследования). При этом у каждого эксперта СЭУ должно быть достаточно компетенций для выполнения «классической» пожарно-технической экспертизы с применением большинства инструментальных методов исследования. То есть каждый эксперт в СЭУ должен концептуально разбираться во всех тонкостях и специфике производства СПТЭ, но минимум по двум направлениям иметь глубокие познания. Современный эксперт должен владеть компьютерными технологиями (программными продуктами), использовать имеющийся инструментарий (приборы, оборудование), а также владеть экспертными методиками (методами). Совершенствование методов (методик) подготовки пожарно-технических экспертов должно осуществляться с учетом научно-технического прогресса и анализа деятельности СЭУ.

Заключение

Вопросы комплектования СЭУ сотрудниками являются стратегически важными и формируют впоследствии качество экспертного заключения и своевременность выполнения СПТЭ. Повышение эффективности в деятельности по производству СПТЭ зависит от оптимального кадрового ресурсообеспечения и организационно-правового сопровождения работы эксперта. Унификация специализаций СПТЭ позволяет решить множество проблемных вопросов, возникающих сейчас на практике.

⁵ Шеков А. А., Кузнецов К. Л., Зырянов В. С. О видах пожарно-технической экспертизы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2007. № 1 (80). С. 65–71 ; Моисеева Т. Ф. Классификация судебных экспертиз: необходимость унификации // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 68–72 ; Россинская Е. Р. Проблемы производства родов и видов судебных экспертиз, не входящих в номенклатуру государственных судебно-экспертных учреждений // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 107–111.

В качестве рекомендаций авторы предлагают:

1) сократить количество специализаций СПТЭ в СЭУ ФПС МЧС России до трех:

— СПТЭ-1 «Исследование объектов пожара и установление обстоятельств его возникновения, развития и последствий» — круг решаемых задач специализации связан с использованием специальных знаний и инструментальных методов исследования вещественных доказательств при определении очага пожара и причины;

— СПТЭ-2 «Нормативно-техническое исследование нарушений требований пожарной безопасности и прогнозирование их последствий» — круг задач специализации связан с нарушением требований в области обеспечения пожарной безопасности;

— СПТЭ-3 «Исследование обстоятельств, влияющих на организацию и тушение пожара — пожарно-тактическая экспертиза» — круг задач специализации связан с действиями пожарных подразделений при тушении пожара, а также влиянием различных факторов на ход тушения пожара и наступивших последствий.

Сократив в МЧС России число специализаций СПТЭ, получаем определенный баланс по

вопросам деления СПТЭ на специализации в различных ведомствах и организациях, деятельность которых связана с производством пожарно-технических экспертиз;

2) в рамках совершенствования деятельности, связанной с производством СПТЭ, сформировать и на постоянной основе вести базу данных судебных пожарно-технических экспертов. Это нововведение позволит разрешить множество вопросов, например в части поиска для производства СПТЭ соответствующего эксперта с учетом территориальной привязки, а также уровня его квалификации. База данных позволит анализировать количественный и качественный состав экспертов, необходимость увеличения квот для подготовки специалистов, определять нагрузку экспертов и оптимальное распределение между ними СПТЭ и т.п.;

3) уменьшить административно-хозяйственную, организационную и иную нагрузку, не связанную с основным видом деятельности эксперта в СЭУ;

4) разработать для всех судебных пожарно-технических экспертов единые (типовые) аттестационные требования и программы подготовки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Богатищев А. И., Зернов С. И., Карпов С. Ю.* Методы решения задач пожарно-технической экспертизы : учеб. пособие для курсантов и слушателей по очной и заочной форме обучения. — М., 2009.
2. *Елисеев Ю. Н., Лобатова О. В., Теплякова Т. Д.* Организация профессиональной подготовки сотрудников судебно-экспертных учреждений Федеральной противопожарной службы // *Расследование пожаров : сборник статей / под общ. ред. И. Д. Чешко.* — СПб., 2019. — С. 18–25.
3. *Зернов С. И.* Проблемы совершенствования деятельности пожарно-технических лабораторий экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел // *Экспертная практика.* — 1992. — № 33.
4. *Моисеева Т. Ф.* Классификация судебных экспертиз: необходимость унификации // *Вестник экономической безопасности.* — 2016. — № 4. — С. 68–72.
5. *Понимаскин А. Я., Николаев С. Ю., Аносова Н. В., Михалев В. А.* Анализ деятельности судебно-экспертных учреждений федеральной противопожарной службы «Испытательная пожарная лаборатория» за 2022 г. // *Актуальные проблемы пожарной безопасности : материалы XXXV Международной научно-практической конференции.* — М., 2023. — С. 904–910.
6. *Понимаскин А. Я., Николаев С. Ю., Аносова Н. В., Михалев В. А.* Анализ деятельности судебно-экспертных учреждений федеральной противопожарной службы «Испытательная пожарная лаборатория» за 2021 г. // *Актуальные проблемы пожарной безопасности : материалы XXXIV Международной научно-*

практической конференции, посвященной 85-летию образования ФГБУ ВНИИПО МЧС России. — М., 2022. — С. 150–156.

7. Плахов С. И. О видовой классификации пожарно-технических и взрывотехнологических экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. — 2021. — № 3 (27). — С. 18–37.
8. Россинская Е. Р. Проблемы производства родов и видов судебных экспертиз, не входящих в номенклатуру государственных судебно-экспертных учреждений // Вестник экономической безопасности. — 2018. — № 1. — С. 107–111.
9. Таубкин И. С. О повышении качества судебных пожарно-технических экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. — 2019. — Т. 14. — № 4. — С. 98–116.
10. Шеков А. А., Кузнецов К. Л., Зырянов В. С. О видах пожарно-технической экспертизы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2007. — № 1 (80). — С. 65–71.
11. Чешко И. Д., Тумановский А. А., Принцева М. Ю. Пожарно-техническая экспертиза в системе Федеральной противопожарной службы МЧС России: экспертные специальности, технические возможности, подготовка экспертов // Судебная экспертиза. — 2019. — № 4 (60). — С. 33–41.

Материал поступил в редакцию 4 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bogatishchev A. I., Zernov S. I., Karpov S. Yu. Metody resheniya zadach pozharно-tekhnicheskoy ekspertizy: ucheb. posobie dlya kursantov i slushateley po ochnoy i zaочноy forme obucheniya. — М., 2009.
2. Eliseev Yu. N., Lobatova O. V., Teplyakova T. D. Organizatsiya professionalnoy podgotovki sotrudnikov sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniy Federalnoy protivopozharnoy sluzhby // Rassledovanie pozharov: sbornik statey / pod obshch. red. I. D. Cheshko. — SPb., 2019. — S. 18–25.
3. Zernov S. I. Problemy sovershenstvovaniya deyatel'nosti pozharно-tekhnicheskikh laboratoriy ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniy organov vnutrennikh del // Ekspertnaya praktika. — 1992. — № 33.
4. Moiseeva T. F. Klassifikatsiya sudebnykh ekspertiz: neobkhodimost unifikatsii // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. — 2016. — № 4. — S. 68–72.
5. Ponomaskin A. Ya., Nikolaev S. Yu., Anosova N. V., Mikhalev V. A. Analiz deyatel'nosti sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniy federalnoy protivopozharnoy sluzhby «Ispytatel'naya pozharnaya laboratoriya» za 2022 g. // Aktualnye problemy pozharnoy bezopasnosti: materialy XXXV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — М., 2023. — S. 904–910.
6. Ponomaskin A. Ya., Nikolaev S. Yu., Anosova N. V., Mikhalev V. A. Analiz deyatel'nosti sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniy federalnoy protivopozharnoy sluzhby «Ispytatel'naya pozharnaya laboratoriya» za 2021 g. // Aktualnye problemy pozharnoy bezopasnosti: materialy XXXIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 85-letiyu obrazovaniya FGBU VNIIPО MChS Rossii. — М., 2022. — S. 150–156.
7. Plakhov S. I. O vidovoy klassifikatsii pozharно-tekhnicheskikh i vzryvotekhnologicheskikh ekspertiz // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. — 2021. — № 3 (27). — S. 18–37.
8. Rossinskaya E. R. Problemy proizvodstva rodov i vidov sudebnykh ekspertiz, ne vkhodyashchikh v nomenklaturu gosudarstvennykh sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniy // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. — 2018. — № 1. — S. 107–111.
9. Taubkin I. S. O povyshenii kachestva sudebnykh pozharно-tekhnicheskikh ekspertiz // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. — 2019. — Т. 14. — № 4. — S. 98–116.
10. Shekov A. A., Kuznetsov K. L., Zyryanov V. S. O vidakh pozharно-tekhnicheskoy ekspertizy // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. — 2007. — № 1 (80). — S. 65–71.
11. Cheshko I. D., Tumanovskiy A. A., Printseva M. Yu. Pozharно-tekhnicheskaya ekspertiza v sisteme Federalnoy protivopozharnoy sluzhby MChS Rossii: ekspertnye spetsialnosti, tekhnicheskije vozmozhnosti, podgotovka ekspertov // Sudebnaya ekspertiza. — 2019. — № 4 (60). — S. 33–41.

Генезис и современное состояние теории судебно-экспертного прогнозирования

Аннотация. Прогностическая деятельность в области судебной экспертизы представляет собой одно из наиболее актуальных практико-ориентированных направлений исследований в рамках судебной экспертологии. Предсказание тенденций развития любого предмета, процесса, системы на основе уже имеющейся информации о них и достигнутого уровня науки позволяет получать опережающее знание, актуальное с учетом высокой скорости возникновения, обработки и использования информации в современном обществе. Процесс цифровизации обуславливает появление новых объектов и новых задач экспертных исследований, изменения в их методах и методологии, что значительно влияет на формирование и развитие новых родов и видов судебных экспертиз. Теория судебно-экспертного прогнозирования должна стать фундаментом для научно обоснованных прогнозов в этой области. В работе подробно рассмотрен генезис данной теории, ее тесная связь с научным прогнозированием в иных науках уголовно-правового цикла; особое внимание уделено ее связи с криминалистическим прогнозированием. В статье констатируется относительно низкий уровень разработки теории судебно-экспертного прогнозирования, выделены факторы, затрудняющие прогнозирование в области судебно-экспертной деятельности. Отмечена актуальность дальнейших разработок в указанной области; указано, что своевременная организация методических разработок, актуализация профессиональных и образовательных требований к экспертам и другие практически значимые мероприятия требуют теоретической прогностической информации для своего планирования.

Ключевые слова: судебная экспертология; теоретические основы судебной экспертизы; генезис частной судебно-экспертной теории; теория судебно-экспертного прогнозирования; цифровизация; судебная экспертиза; новые роды и виды судебных экспертиз; научное прогнозирование; специальные знания; прогноз.

Для цитирования: Чистилина А. С. Генезис и современное состояние теории судебно-экспертного прогнозирования // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 156–166. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.156-166.

Genesis and Current State of the Forensic Prediction Theory

Anastasia S. Chistilina, Postgraduate Student, Department of Forensic Expertise,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
anastasiacistilina7@gmail.com

Abstract. Predictive activities in the field of forensic science are one of the most relevant practice-oriented areas of research within the framework of forensic science. Predicting development trends of any subject, process, and system based on existing information about them and the achieved level of science allows us to obtain advanced knowledge that is relevant given the high speed of emergence, processing and use of information in modern society.

© Чистилина А. С., 2024

* Чистилина Анастасия Сергеевна, аспирант кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
anastasiacistilina7@gmail.com

The digitalization process causes the emergence of new objects and new tasks of expert research, changes in their methods and methodology, which significantly affects the formation and development of new types of forensic examinations. The theory of forensic forecasting should become the foundation for scientifically based forecasts in this area. The work scrutinizes the genesis of this theory, its close connection with scientific forecasting in other sciences of the criminal legal cycle. Particular attention is given to its connection with forensic forecasting. The paper states the relatively low level of development of the theory of forensic forecasting, and identifies factors that complicate forecasting in the field of forensic activity. The relevance of further developments in this area is noted. It is indicated that the timely organization of methodological developments, updating of professional and educational requirements for experts and other practically significant activities require theoretical predictive information for their planning.

Keywords: forensic science; theoretical foundations of forensic examination; genesis of private forensic theory; theory of forensic prediction; digitalization; forensic analysis; new types of forensic examinations; scientific prediction; special knowledge; prediction.

Cite as: Chistilina AS. Genesis and Current State of the Forensic Prediction Theory. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):156-166. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.156-166.

В условиях общемирового тренда на глобализацию и цифровизацию прогнозирование основных направлений научно-технологического и социально-экономического развития отдельных сфер деятельности выступает особо перспективным направлением исследований. Предсказание тенденций развития любого предмета, процесса, системы на основе уже имеющейся о них информации и достигнутого уровня науки позволяет получать опережающее знание. Кроме того, прогноз, наряду с описанием и объяснением явлений действительности, в целом входит в базовую функциональную триаду любой науки. В случае с науками уголовно-правового цикла прогнозная функция представляется особенно востребованной с учетом значительного публичного интереса.

Стремительное развитие информационных технологий, внедрение инноваций сопровождают как преступную деятельность, так и корреспондирующую этому правоохранительную практику. Эти процессы не могли не затронуть и сферу судебно-экспертной деятельности. Переход к взаимодействию с преимущественно цифровой информацией и общая необходимость адекватно приспосабливаться к модернизации всех сфер жизни общества готовят новые вызовы для судебных экспертов. Нельзя

не отметить и присущие нынешнему времени внешне обусловленные коренные изменения политического и экономического уклада жизни, служащие значительным фактором неопределенности. Это обостряет потребность в исследованиях прогностического характера, направленных на выявление перспектив развития судебно-экспертной деятельности как в целом, так и ее отдельных составляющих. Среди них можно отметить: появление новых объектов и новых задач экспертного исследования, перспективы развития методов и методологии судебных экспертиз, ориентированных на работу с цифровыми следами, а также сопутствующие указанному процессы формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз.

Согласно сложившемуся в науке подходу к системе частных экспертных теорий экспертное прогнозирование включено в число теорий, входящих в состав общей теории судебной экспертологии наряду с идентификацией, диагностикой и профилактикой. Как отмечается в литературе, «положения этих частных теорий в равной степени распространяются как на процесс экспертного исследования в целом, так и на экспертные исследования отдельных родов экспертиз»¹. Вместе с тем судебно-экспертное прогнозирование остается одним из наименее теоретически разработанных и практически

¹ Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2023. С. 65.

реализуемых направлений указанной системы, оставляя широкое пространство для исследования.

С учетом специфики исторического развития и места судебной экспертологии в системе наук представляется необходимым рассматривать генезис и современное состояние частной теории судебно-экспертного прогнозирования сквозь призму прогностических исследований в иных сферах, а первую очередь в области криминологии и криминалистики, прогностические разработки в которых во многом определили развитие этого направления в судебной экспертологии, а также внесли значительный вклад в терминологический и методологический аппарат научного прогнозирования в уголовно-правовой сфере в целом.

В отечественной науке интерес к научному предвидению, т.е. научно обоснованному предположению о тенденциях развития того или иного процесса, явления, уходит корнями в 1960–1970-е гг. (следует отметить, что потребности народно-хозяйственного планирования в СССР в сугубо прикладном аспекте интересовали советских ученых уже в 20–30-е гг.). С 1960-х гг., в условиях бурной научно-технологической революции, начинает складываться теоретический базис прогнозов развития управляемых явлений. Во многом этот процесс обусловлен политическими потребностями теории и практики социалистического строительства. В странах социалистического блока научное предвидение стало предметом интереса ученых, оно испытывало значительное влияние марксизма-ленинизма и было тесно связано с потребностями народно-хозяйственного планирования. В частности, после XXIII съезда КПСС по линии Академии наук СССР (1966 г.) в различных ведомствах и учреждениях были созданы специализированные группы, секторы и отделы, занимающиеся научным прогнозированием.

Для объединения усилий ученых при Академии наук СССР были образованы различные организации при научных советах и ассоциациях, в частности при Советской социологической ассоциации Академии наук СССР был образован Исследовательский комитет по социальному прогнозированию.

В западных странах это же направление развивалось в рамках футурологии — совокупности представлений о возможном будущем. Терминологические различия с прогностикой у футурологии носили скорее идеологический, нежели содержательный характер.

Общие и философские проблемы прогнозирования в разных аспектах в те годы затрагивали В. Г. Виноградов, А. Г. Никитина, В. Н. Пилипенко, В. А. Лисичкин, Г. М. Добров и другие ученые².

Становилась очевидной необходимость прогностических исследований не только в области естественных (что логично, с учетом плановой экономики того периода), но и в рамках общественных наук. Появление первых специальных научных исследований по теоретическим проблемам конкретного прогнозирования социальных явлений обусловило потребность в формировании общего категориального аппарата. Одним из первых общие понятия прогностики и прогнозирования обозначил И. В. Бестужев-Лада в фундаментальной Большой советской энциклопедии, отметив, что на тот момент это направление было сравнительно развито только в нескольких естественных науках (комплекс агрогидрометеорологии), в ряде технических наук, в науковедении, демографии, экономических науках и криминологии³.

И. В. Бестужев-Лада считается основоположником социальной прогностики, т.е. прогнозирования развития разного рода общественных явлений⁴. В 1980-е гг. И. В. Бестужев-Лада совместно с С. А. Саркисяном, Е. Н. Мельниковой

² См.: Виноградов В. Г. Научное предвидение : (гносеологический анализ) : учеб. пособие для вузов. М. : Высшая школа, 1973 ; Никитина А. Г. Сила научного предвидения. М. : Знание, 1963 ; Пилипенко Н. В. Необходимость и случайность. М. : Высшая школа, 1965 ; Лисичкин В. А. Теория и практика прогностики. М. : Наука, 1972 ; Добров Г. М. Прогнозирование науки и техники. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1977.

³ Большая советская энциклопедия : в 30 т. 3-е изд. М. : Совет. энциклопедия, 1969–1986.

⁴ См.: Бестужев-Лада И. В. Окно в будущее: современные проблемы социального прогнозирования. М., 1970.

и другими крупными советскими учеными того периода подготовили «Рабочую книгу по прогнозированию», обобщающую понятийный аппарат прогнозирования, его методы и методики как в целом, так и применительно к отдельным сферам. В содержание книги был включен переработанный проект понятий общей терминологии прогностики, подготовленный в 1975 г. Комитетом научно-технической терминологии Академии наук СССР⁵. Так, прогнозирование в указанной работе определяется как «специальное научное исследование, предметом которого выступают перспективы развития явления»⁶.

Научный интерес к прогнозированию в сфере права как одному из наиболее значимых элементов общественной жизни наиболее ярко начал проявлять себя в криминологии. Довольно долгое время прогнозы, относимые к вопросам юридического характера, развивались именно в этой области, что, безусловно, связано со значительным государственным интересом к эффективному противодействию преступности, а также высоким уровнем отечественной криминологической школы. На прогнозирование в криминологии обращали внимание В. Н. Кудрявцев, Ю. Г. Антонян, Г. А. Аванесов и другие ученые⁷. Как отмечал разработчик теории криминологического прогнозирования Г. А. Аванесов, внесший наиболее значимый вклад в эту проблему, «для управления процессом борьбы с преступностью нужна информация не только о прошлом и настоящем, но и о будущем. Именно криминологическое прогнозирование дает возможность получить такую информацию. Прогнозирование — это своеобразный инструмент, с помощью которого можно составить опти-

мальный и эффективный перспективный план, направленный на то, чтобы система мер борьбы с преступностью (цели, средства, методы и т.д.) и ее внутренняя координация соответствовали интересам и потребностям не только настоящего, но и будущего»⁸.

Обращая внимание на широту диапазона криминологических прогностических исследований, ученый выделил следующие значимые группы прогнозов:

а) прогнозирование преступности как системы с учетом всех ее внутренних и внешних связей (сюда входит и прогнозирование отдельных элементов, составляющих эту систему);

б) прогнозирование развития системы органов, осуществляющих борьбу с преступностью (и всех ее подсистем в отдельности);

в) прогнозирование результатов работы, рассчитанной на перспективу (сюда входит прогнозирование результатов выполнения планов, исхода процесса управления — все то, что называется «прогнозом стратегии»);

г) прогнозирование индивидуального антиобщественного поведения;

д) прогнозирование перспектив развития самих прогностических исследований, масштабов и темпов этой работы (сюда входят определение потребностей прогнозов, специальных лабораторий, институтов, техники, кадров и др.)⁹.

Г. А. Аванесовым было предложено общепринятое в науке определение понятия «прогноз»: «Прогноз — это результат научного прогнозирования, вывод о возможном наступлении явлений, процессов, событий, основанный на анализе соответствующих данных, характеризующий тенденции и закономерности развития

⁵ См.: Рабочая книга по прогнозированию / отв. ред. И. В. Бестужев-Лада. М. : Мысль, 1982.

⁶ Рабочая книга по прогнозированию. С. 8.

⁷ См.: Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии : монография М. : Норма : Инфра-М, 2016. (первую одноименную работу «Причинность в криминологии. О структуре индивидуального преступного поведения» В. Н. Кудрявцев написал в 1968 г.) ; Антонян Ю. М., Блувштейн Ю. Д. Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М. : Академия МВД СССР, 1974 ; Аванесов Г. А. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью : учеб. пособие. М. : НИИРИО МВШ МВД СССР, 1972.

⁸ Аванесов Г. А. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью. С. 4.

⁹ Аванесов Г. А. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью. С. 13–14.

прогнозируемого объекта от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему»¹⁰.

В общем виде, безотносительно специфики предмета науки, в рамках которой нас интересует прогнозирование, указанное определение представляется универсальным.

Предмет науки не случайно имеет особое значение для прогностических исследований. Справедливо говорить о том, что четкое определение круга закономерностей, включаемых в предмет науки, является необходимой предпосылкой научного прогнозирования, позволяет предвидеть тенденции развития, обусловленные этими закономерностями явлений. Таким образом, развитие судебно-экспертного прогнозирования тесно связано с уровнем общего теоретического сопровождения судебно-экспертной деятельности в самых разных ее аспектах.

Как точно заметил А. Г. Китайгородский, «в принципе, предсказание есть строгое логическое или математическое рассуждение, с помощью которого детали интересующего нас явления или структуры выводятся из некоторой совокупности аксиом или законов, справедливых для широкого круга явлений. Чем шире круг явлений, охватываемых теорией, чем точнее и сложнее делаемые ею предсказания, тем выше мы ценим теорию»¹¹.

Применительно к криминалистике на это обратил внимание Р. С. Белкин, по праву считающийся основоположником криминалистического прогнозирования. Придя к выводу, что прогнозирование в криминалистике должно стать естественным дополнением криминалогических прогнозов, он предпринял попытку сформулировать основные положения новой частной криминалистической теории — теории криминалистического прогнозирования. В 1970 г. вопрос нашел свое первое теоретическое обоснование в его работе «Ленинская тео-

рия отражения и методологические проблемы советской криминалистики», в гл. 8 «Теория отражения и криминалистическое прогнозирование».

Обратив внимание на неразработанность вопросов прогнозирования в криминалистике в сравнении с иными юридическими науками (в частности, криминологией), Р. С. Белкин указывал: «...научное предвидение становится возможным при познании объективно действующих закономерностей возникновения и развития предметов, явлений, процессов и фактически является результатом отражения наукой этих закономерностей. Из этого следует, что научное предвидение становится доступным только той науке, которая от изучения явлений перешла к изучению сущности своего предмета, к изучению закономерностей, определяющих явления, то есть обладает общей теорией. Такая теория выражает результаты познания, отражения этих закономерностей и позволяет предсказать тенденции их дальнейшего развития и проявления. Вот почему определение предмета криминалистики только через приемы и средства расследования и предотвращения преступлений закрывает путь научному прогнозированию в этой области знания, ибо лишает прогностическую деятельность ее основы — познания закономерностей явлений, позволяющего предсказать процесс их будущего изменения и результаты этого процесса»¹². Именно этим в указанной работе обуславливалось отсутствие должного внимания к криминалистическому прогнозированию в тот период, хотя, как отмечал сам автор, упоминание о некоторых возможностях прогнозирования в криминалистике было сделано еще в 1930-е г. Б. М. Шавером¹³.

На этом же этапе Р. С. Белкин определил возможные направления прогнозирования в криминалистике: «Первое направление — это

¹⁰ Аванесов Г. А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький, 1975. С. 126.

¹¹ Цит. по: Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М.: Высшая школа МВД СССР, 1970. С. 108–109.

¹² Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 109.

¹³ См.: Шавер Б. М. Предмет и метод советской криминалистики // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 74.

прогнозирование научных исследований и их результатов. В этом смысле прогнозирование в криминалистике равнозначно прогнозированию развития науки вообще, то есть определению путей и возможных последствий ее развития. Исходными данными для такого прогнозирования являются сведения о современном состоянии науки и потребностях практики, а основанием — общая теория советской криминалистики, позволяющая проследить вероятное развитие отраслей этой науки. Второе направление — прогнозирование преступности в криминалистическом аспекте этого явления, средств, форм и методов борьбы с нею¹⁴. Им же были описаны основные методы научного прогнозирования, использование которых возможно в криминалистике.

Стоит отметить, что в последующем Р. С. Белкин неоднократно возвращался к различным проблемам криминалистического прогнозирования в иных работах конца XX — начала XXI в.¹⁵

Идеи, высказанные Р. С. Белкиным, в дальнейшем разрабатывались рядом известных ученых-криминалистов. О криминалистическом прогнозировании писали А. П. Сапун, Г. Л. Грановский, В. Е. Афанасович, И. Я. Фридман и др.¹⁶ В частности, А. П. Сапуном еще в 1971 г. была отмечена перспективность прогнозирования для деятельности экспертных криминалистических учреждений и теории экспертизы: «...Прогнозирование экспертной деятельности, ее основных форм и конкретных видов, технических средств и научных методов ее осуществления позволило

бы правильно планировать развитие этой деятельности, своевременно предвидеть возможность возникновения тех или иных ее “узких мест” и заблаговременно готовиться к решению тех задач, которые в соответствии с прогнозом могут возникнуть перед судебной экспертизой в будущем. Таким образом, разработка теории криминалистического прогнозирования имеет самое непосредственное практическое значение и должна быть активизирована»¹⁷. В тот же период Г. Л. Грановский, выступая с тезисами в работе «О криминалистическом прогнозировании», упоминает о теории экспертного прогнозирования как части криминалистического прогнозирования¹⁸. Однако эти идеи так и остались декларациями. Несмотря на интерес ученых того периода, значительных концептуальных изменений и качественного развития теория криминалистического прогнозирования не получила.

Первое обособленное исследование сущности и содержания криминалистического прогнозирования было проведено только в 1990-е гг. одним из учеников Р. С. Белкина — Л. Г. Горшевым. В 1993 г. вышла в свет его монография «Основы теории криминалистического прогнозирования», а в 1994 г. была защищена докторская диссертация по той же теме («Теория криминалистического прогнозирования»).

Ученый предложил определение предмета частной криминалистической теории прогнозирования — «общие принципы построения методов прогнозирования развития объектов

¹⁴ Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 114–115.

¹⁵ См., например: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М. : Юрид. лит., 1987 ; Он же. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : Норма : Инфра-М, 2001.

¹⁶ См.: Сапун А. П. Роль общей теории советской криминалистики в развитии теоретических основ криминалистической экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 8. Киев, 1971 ; Афанасович В. Е. Некоторые вопросы прогнозирования в процессе расследования // Теоретические и практические проблемы программирования процесса расследования преступлений. Свердловск, 1989 ; Фридман И. Я. Судебная экспертиза и вопросы предупреждения правонарушений. Киев, 1972 ; Грановский Г. Л. О криминалистическом прогнозировании // Рефераты научных сообщений на теоретическом семинаре — криминалистических чтениях. М., 1976.

¹⁷ Сапун А. П. Указ. соч. С. 116.

¹⁸ Грановский Г. Л. Указ. соч. С. 3–4.

криминалистики и закономерности процесса разработки криминалистических прогнозов»¹⁹. Из определения следует (и справедливо), что речь идет не о прогнозировании конкретных, единичных явлений, а о более общих закономерностях, присущих научному прогнозированию, что отличает его от эмпирического предвидения.

Однако в дальнейшем самим Г. Л. Горшениным было допущено смешение этих понятий: «Необходимость в криминалистических прогнозах ощущается практически во всех сферах деятельности правоохранительных органов на местах. Например, в деятельности по расследованию преступлений. Криминалистические прогнозы могут оказать существенную помощь работникам следствия и дознания в установлении и розыске лица, совершившего преступление, розыске похищенного, обнаружении следов преступной деятельности, определении дальнейшего поведения подозреваемого на следствии, установлении свидетелей и предвидении их поведения на допросах и т.д.»²⁰. Указанное свидетельствует о некоторой непоследовательности подхода ученого к сущности криминалистического прогнозирования (вопрос однозначного и последовательного разграничения научного криминалистического прогнозирования и эмпирического предвидения в итоге был решен Р. С. Белкиным).

Указанное не умаляет ценности работы Г. Л. Горшенина в части внесения значительных уточнений в структуру основных элементов научного криминалистического прогнозирования. По мнению ученого, методика криминалистиче-

ского прогнозирования следовало делить две стадии: подготовительную, включающую в том числе определение объекта прогнозирования, и собственно прогнозирующую²¹. Первая попытка пристального рассмотрения теории криминалистического прогнозирования в рамках отдельного научного труда, по сути, осталась единственной. И хотя криминалистические прогностические исследования в конкретных сферах (прогнозирование дорожно-транспортных происшествий и др.) эпизодически появлялись среди работ ученых конца 1990-х — начала 2000-х гг.²², говорить о дальнейшей систематической прогностической работе в области криминалистики не приходится. В продолжение линии, намеченной еще Р. С. Белкиным, наиболее значимые теоретические исследования проблем прогнозирования на современном этапе встречаются в работах таких криминалистов, как К. В. Бугаев, В. В. Бирюков, С. В. Дубровин²³.

Влияние теории криминалистического прогнозирования особенно важно в контексте генезиса теории судебно-экспертного прогнозирования. Исторически, по мере того как судебная экспертиза в силу своей междисциплинарной природы становилась самостоятельным, отличным от криминалистики объектом научного знания, развивались и концептуальные основы общей теории судебной экспертизы, а также ее частные составляющие. Относительно прогнозирования произошла фактическая рецепция теоретических наработок теории криминалистического прогнозирования применительно к прогнозам развития судебной экспертизы. При обоснованной годами развития науки

¹⁹ Горшенин Л. Г. Основы теории криминалистического прогнозирования. М., 1993. С. 21.

²⁰ Горшенин Л. Г. Указ. соч. С. 120.

²¹ Горшенин Л. Г. Указ. соч. С. 105–108.

²² См., например: Трошкин А. А. Криминалистическое прогнозирование дорожно-транспортных происшествий : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994 ; Дементьев А. Ю. Криминалистическое прогнозирование в процессе собирания и фиксации доказательств по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. Екб., 2003.

²³ См.: Бугаев К. В. Методология криминалистического прогнозирования (на примере экспертных подразделений ОВД) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 2 ; Бирюков В. В. Криминалистическое прогнозирование, его значение в криминалистике и практике расследования преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43); Дубровин С. В. Концептуальные основы учений о криминалистической прогностике и криминалистических версиях (криминалистической версииологии) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 3 (21).

и практики самостоятельности судебной экспертологии, значимые работы, посвященные судебно-экспертному прогнозированию, долгое время так и не были написаны, несмотря на включение прогнозирования в структуру общей теории судебной экспертизы, отмеченное крупнейшими учеными в этой области, в частности Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской, А. М. Зининым. Лишь в 2021 г. появилось диссертационное исследование И. В. Устиновой, предпринявшей первую попытку комплексно рассмотреть теорию и практику экспертного прогнозирования, определить сущность и структурные элементы этой частной теории²⁴.

Судебно-экспертное прогнозирование, безусловно, наследует достижения криминалистического прогнозирования и только встает на путь наполнения их новым специфическим содержанием. Как справедливо отмечено Е. В. Ивановой, частная теория судебно-экспертного прогнозирования «воспроизводит основные положения теории криминалистического прогнозирования, сформулированные Р. С. Белкиным»²⁵. Действительно, свой категориальный аппарат, как и основные методы — экстраполяцию, моделирование, метод экспертных оценок, — теория заимствует. Принципиально новый инструментальный или теоретический базис в этой области требует своего обоснования. Такая преемственность естественна не только в силу исторической связи двух наук, но и по причине сущностного сходства — в обоих случаях прогнозирование относится к явлениям и процессам, носящим преимущественно общественный характер и развивающимся в правовом поле (или из оппозиции к нему).

Теоретическая неразработанность судебно-экспертного прогнозирования, на наш взгляд, объясняется рядом факторов.

В первую очередь относительной «молодостью» теории судебной экспертизы в сравнении с криминалистикой и иными науками уголовно-правового цикла, что не может не отражаться

на широте прогнозного фона. Количество статистической и иной значимой для построения качественных прогнозов информации относительно мало, в частности из-за отсутствия централизованной правовой статистики в области судебно-экспертной деятельности. Затруднителен и систематический анализ данных практики, это сопряжено со сложным, междисциплинарным характером судебной экспертизы, неоднородностью развития этого института в рамках различных судебных процессов, а также спецификой организации государственной и негосударственной судебно-экспертной деятельности.

Во-вторых, научная прогностическая деятельность требует системной аналитической работы, сопряженной с четким определением конкретного объекта прогнозирования; предполагает участие компетентных специалистов, обладающих не только специальными знаниями в отдельных областях, но и достаточно глубоким пониманием теоретической базы судебно-экспертной деятельности. Безусловно, организация таких исследований выходит за рамки рутинной практики экспертов и специалистов.

Вместе с тем частная теория судебно-экспертного прогнозирования представляет собой ценный инструмент для поступательного развития судебно-экспертной деятельности. Своевременная организация методических разработок, актуализация профессиональных и образовательных требований к экспертам и многие другие практически значимые мероприятия могут быть спланированы на основе теоретической прогностической информации. Опережающее научно обоснованное знание может быть получено и использовано во всех охватываемых предметом судебной экспертологии областях.

Так, одним из наиболее передовых направлений, прогнозирование в отношении которого представляется первостепенным, является формирование и развитие новых родов и видов судебных экспертиз в свете трансформаций их

²⁴ Устинова И. В. Судебно-экспертное прогнозирование: теоретические и прикладные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. Тула, 2021.

²⁵ Иванова Е. В. Задачи экспертного прогнозирования в судебной экспертизе наркотических средств // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2021. № 1. С. 30.

объектов, методологии и методик под влиянием процесса цифровизации, а также в свете перспектив внедрения в экспертную практику новейших научно-технических достижений, в частности технологий машинного обучения и искусственного интеллекта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аванесов Г. А.* Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью : учеб. пособие. — М. : НИИРИО МВШ МВД СССР, 1972. — 60 с.
2. *Аванесов Г. А.* Криминология. Прогностика. Управление. — Горький, 1975. — 423 с.
3. *Антонян Ю. М., Блувштейн Ю. Д.* Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. — М. : Академия МВД СССР, 1974. — 54 с.
4. *Афанасович В. Е.* Некоторые вопросы прогнозирования в процессе расследования // Теоретические и практические проблемы программирования процесса расследования преступлений. — Свердловск, 1989. — С. 52–56.
5. *Белкин Р. С.* Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. — М., 1970. — 118 с.
6. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. — М. : Юрид. лит., 1987. — 272 с.
7. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации : в 3 т. — Т. 3. — М. : Юристъ, 1997. — 480 с.
8. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. — М. : Норма : Инфра-М, 2001. — 240 с.
9. *Бестужев-Лада И. В.* Окно в будущее: современные проблемы социального прогнозирования. — М., 1970. — 268 с.
10. Рабочая книга по прогнозированию / отв. ред. И. В. Бестужев-Лада. — М. : Мысль, 1982. — 430 с.
11. *Бирюков В. В.* Криминалистическое прогнозирование, его значение в криминалистике и практике расследования преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2018. — № 1 (43). — С. 17–22.
12. Большая советская энциклопедия : в 30 т. — 3-е изд. — М. : Совет. энциклопедия, 1969–1986.
13. *Бугаев К. В.* Методология криминалистического прогнозирования (на примере экспертных подразделений ОВД) // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2011. — № 2. — С. 37–41.
14. *Виноградов В. Г.* Научное предвидение: (гносеологический анализ) : учеб. пособие для вузов. — М. : Высшая школа, 1973. — 186 с.
15. *Горшенин Л. Г.* Основы теории криминалистического прогнозирования. — М., 1993. — 103 с.
16. *Грановский Г. Л.* Криминалистическое прогнозирование : тезисы. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 135 с.
17. *Дементьев А. Ю.* Криминалистическое прогнозирование в процессе собирания и фиксации доказательств по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екб., 2003. — 28 с.
18. *Добров Г. М.* Прогнозирование науки и техники. — 2-е изд., доп. — М. : Наука, 1977. — 208 с.
19. *Дубровин С. В.* Концептуальные основы учений о криминалистической прогностике и криминалистических версиях (криминалистической версиологии) // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2015. — № 3 (21). — С. 66–71.
20. *Иванова Е. В.* Задачи экспертного прогнозирования в судебной экспертизе наркотических средств // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2021. — № 1. — С. 30–39.
21. *Кудрявцев В. Н.* Причинность в криминологии : монография. — М. : Норма : Инфра-М, 2016. — 176 с.
22. *Лисичкин В. А.* Теория и практика прогностики. — М. : Наука, 1972. — 224 с.
23. *Никитина А. Г.* Сила научного предвидения. — М. : Знание, 1963. — 48 с.

24. Пилипенко Н. В. Необходимость и случайность. — М. : Высшая школа, 1965. — 230 с.
25. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2023. — 368 с.
26. Сапун А. П. Роль общей теории советской криминалистики в развитии теоретических основ криминалистической экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза. — Вып. 8. — Киев, 1971.
27. Трошкин А. А. Криминалистическое прогнозирование дорожно-транспортных происшествий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1994. — 20 с.
28. Устинова И. В. Судебно-экспертное прогнозирование: теоретические и прикладные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. — Тула, 2021.
29. Фридман И. Я. Судебная экспертиза и вопросы предупреждения правонарушений. — Киев, 1972. — 167 с.
30. Шавер Б. М. Предмет и метод советской криминалистики // Социалистическая законность. — 1938. — № 6. — С. 56–82.

Материал поступил в редакцию 13 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avanesov G. A. Kriminologicheskoe prognozirovanie i planirovanie borby s prestupnostyu: ucheb. posobie. — М.: NiRIO MVSh MVD SSSR, 1972. — 60 s.
2. Avanesov G. A. Kriminologiya. Prognostika. Upravlenie. — Gorkiy, 1975. — 423 s.
3. Antonyan Yu. M., Bluvshcheyn Yu. D. Metody modelirovaniya v izuchenii prestupnika i prestupnogo povedeniya. — М.: Akademiya MVD SSSR, 1974. — 54 s.
4. Afanasovich V. E. Nekotorye voprosy prognozirovaniya v protsesse rassledovaniya // Teoreticheskie i prakticheskie problemy programmirovaniya protsessa rassledovaniya prestupleniy. — Sverdlovsk, 1989. — S. 52–56.
5. Belkin R. S. Leninskaya teoriya otrazheniya i metodologicheskie problemy sovetskoy kriminalistiki. — М., 1970. — 118 s.
6. Belkin R. S. Kriminalistika: problemy, tendentsii, perspektivy. Obshchaya i chastnye teorii. — М.: Yurid. lit., 1987. — 272 s.
7. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki: Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii: v 3 t. — Т. 3. — М.: Yurist, 1997. — 480 s.
8. Belkin R. S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnnye voprosy rossiyskoy kriminalistiki. — М.: Norma: Infra-M, 2001. — 240 s.
9. Bestuzhev-Lada I. V. Okno v budushchee: sovremennyye problemy sotsialnogo prognozirovaniya. — М., 1970. — 268 s.
10. Rabochaya kniga po prognozirovaniyu / otv. red. I. V. Bestuzhev-Lada. — М.: Mysl, 1982. — 430 s.
11. Biryukov V. V. Kriminalisticheskoe prognozirovanie, ego znachenie v kriminalistike i praktike rassledovaniya prestupleniy // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. — 2018. — № 1 (43). — S. 17–22.
12. Bolshaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t. — 3-e izd. — М.: Sovet. entsiklopediya, 1969–1986.
13. Bugaev K. V. Metodologiya kriminalisticheskogo prognozirovaniya (na primere ekspertnykh podrazdeleniy OVD) // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. — 2011. — № 2. — S. 37–41.
14. Vinogradov V. G. Nauchnoe predvidenie: (gnoseologicheskiiy analiz): ucheb. posobie dlya vuzov. — М.: Vysshaya shkola, 1973. — 186 s.
15. Gorshenin L. G. Osnovy teorii kriminalisticheskogo prognozirovaniya. — М., 1993. — 103 s.
16. Granovskiy G. L. Kriminalisticheskoe prognozirovanie: tezisyy. — М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1976. — 135 s.

17. Dementev A. Yu. Kriminalisticheskoe prognozirovanie v protsesse sobiraniya i fiksatsii dokazatelstv po ugovolnomu delu: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Ekb., 2003. — 28 s.
18. Dobrov G. M. Prognozirovanie nauki i tekhniki. — 2-e izd., dop. — M.: Nauka, 1977. — 208 s.
19. Dubrovin S. V. Kontseptualnye osnovy ucheniy o kriminalisticheskoy prognostike i kriminalisticheskikh versiyakh (kriminalisticheskoy versiologii) // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2015. — № 3 (21). — S. 66–71.
20. Ivanova E. V. Zadachi ekspertnogo prognozirovaniya v sudebnoy ekspertize narkoticheskikh sredstv // Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. — 2021. — № 1. — S. 30–39.
21. Kudryavtsev V. N. Prichinnost v kriminologii: monografiya. — M.: Norma: Infra-M, 2016. — 176 s.
22. Lisichkin V. A. Teoriya i praktika prognostiki. — M.: Nauka, 1972. — 224 s.
23. Nikitina A. G. Sila nauchnogo predvideniya. — M.: Znanie, 1963. — 48 s.
24. Pilipenko N. V. Neobkhodimost i sluchaynost. — M.: Vysshaya shkola, 1965. — 230 s.
25. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I., Zinin A. M. Teoriya sudebnoy ekspertizy (sudebnaya ekspertologiya): uchebnik / pod red. E. R. Rossinskoj. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2023. — 368 s.
26. Sapun A. P. Rol obshchey teorii sovetskoy kriminalistiki v razvitii teoreticheskikh osnov kriminalisticheskoy ekspertizy // Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza. — Vyp. 8. — Kiev, 1971.
27. Troshkin A. A. Kriminalisticheskoe prognozirovanie dorozhno-transportnykh proisshestviy: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 1994. — 20 s.
28. Ustinova I. V. Sudebno-ekspertnoe prognozirovanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty: dis. ... kand. jurid. nauk. — Tula, 2021.
29. Fridman I. Ya. Sudebnaya ekspertiza i voprosy preduprezhdeniya pravonarusheniy. — Kiev, 1972. — 167 s.
30. Shaver B. M. Predmet i metod sovetskoy kriminalistiki // Sotsialisticheskaya zakonnost. — 1938. — № 6. — S. 56–82.

Единство и борьба противоположностей концепций о праве наций на самоопределение В. И. Ленина и В. Вильсона

Аннотация. В статье речь идет о противостоянии концепций самоопределения по В. И. Ленину и В. Вильсону, которые определили становление нового миропорядка с начала XX в. и вплоть до окончания Второй мировой войны — на основе политико-правовой идеи самоопределения.

Концепция самоопределения, выдвинутая Владимиром Лениным в 1914 г. в статье «О праве наций на самоопределение» (была посвящена противостоянию «угнетающей» и «угнетенной» нации с правом отделения последней и «образования национального государства»), была подхвачена американским президентом Вудро Вильсоном и взята за основу «Четырнадцати пунктов» при обращении к Конгрессу США в 1917 г. как политическая формула и правовое обоснование вступления США в Первую мировую войну, дробление Европы на национальные государства и наращивание политического влияния.

Автор приходит к заключению, что принцип самоопределения, разработанный Лениным и развитый далее Вильсоном, базировался на различных идеологических предпосылках и первоначально имел диаметрально противоположное значение. Если в работе Ленина акцент был сделан на создании суверенного государства вплоть до отделения (сецессии) и/или присоединения к другому государству, но под защитой международного права, то для Вильсона самоопределение было практически идентично «народному правительству» или «правительству по согласию», с возможностью оказания политического влияния на самоопределившуюся нацию и оправдания военных конфликтов с участием США в Латинской Америке.

Исследуя концептуальную составляющую идей, внешнеполитические документы советской и американской дипломатии, автор на основе анализа сложившегося после Первой мировой войны миропорядка и стремительного процесса национально-освободительных движений и деколонизации делает вывод об ошеломляющем влиянии именно ленинской формулы на возникновение новых государств в Европе, Азии и других регионах мира, а также на возврат утраченных по результатам Брестского мира национальных окраин бывшей Российской империи.

Ключевые слова: право и принцип на самоопределение; международное право; принципы международного права; Лига наций; ООН; мировой порядок; народ; нация; территориальная целостность; Ленин; Вильсон.

Для цитирования: Каграманов А. К. Единство и борьба противоположностей концепций о праве наций на самоопределение В. И. Ленина и В. Вильсона // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 167–176. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.167-176.

© Каграманов А. К., 2024

* Каграманов Азер Каграман оглы, кандидат юридических наук, докторант кафедры международного права, преподаватель кафедры практической юриспруденции Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
gg.azaro@gmail.com

The Unity and Struggle of Opposites in Concepts of the Right of Nations to Self-Determination Developed by V.I. Lenin and V. Wilson

Kagramanov Azer Kagraman oglu, Cand. Sci. (Law), Doctoral Candidate, Department of International Law, Lecturer, Department of Practical Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
gg.azaro@gmail.com

Abstract. The paper deals with the conflict between the concepts of self-determination stated by V.I. Lenin and V. Wilson, which determined the formation of a new world order from the beginning of the 20th century until the end of the Second World War, which is based on the political and legal idea of self-determination.

In 1914, Vladimir Lenin put forward the concept of self-determination in the article «On the right of nations to self-determination», which was dedicated to the confrontation between the «oppressive» and «oppressed» nation with the right to secede the latter and «form a national state». This concept was taken up by American President Woodrow Wilson. He used it as a basis for the «Fourteen Points» when addressing the US Congress in 1917 as a political formula and legal justification for the US entry into the First World War, the fragmentation of Europe into nation states and the increase in political influence.

The author concludes that the principle of self-determination, developed by Lenin and further developed by Wilson, was based on various ideological premises and initially had a diametrically opposite meaning. Whereas in Lenin's work the emphasis was on the creation of a sovereign state up to the point of secession and/or annexation to another state, but under the protection of international law, then for Wilson self-determination was almost identical to «government of the people» or «government by consent», with the possibility of exerting political influence on a self-determined nation and justifying military conflicts with the participation of the United States in Latin America.

Exploring the conceptual component of ideas, foreign policy documents of Soviet and American diplomacy, the author, based on an analysis of the world order that emerged after the First World War and the rapid process of national liberation movements and decolonization, concludes about the stunning influence of the Leninist formula on the emergence of new states in Europe, Asia, and others regions of the world, as well as for the return of the national outskirts of the former Russian Empire lost as a result of the Brest-Litovsk Treaty.

Keywords: right and principle of self-determination; international law; principles of international law; League of nations; UN; world order; people; nation; territorial integrity; Lenin; Wilson.

Cite as: Kagramanov AK. The Unity and Struggle of Opposites in Concepts of the Right of Nations to Self-Determination Developed by V.I. Lenin and V. Wilson. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):167-176. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.167-176

Подобно Пандоре, вскрывающей сосуд Эпитемея, переполненный болезнями, смертью и иными напастями, которые были выпущены в мир, точно так же самоопределение на протяжении всей своей истории существования служило инструментом для передела колониального мира, наращивания влияния, столкновения этнических групп, а порой и целых стран. Лидеры антиколониальных движений после закрепления этого принципа в Уставе ООН связывали определенные ожидания с реализацией соответствующего права: для них это означало право на создание независимых,

суверенных государств на территориях, контролируемых колониальными державами. В действительности же возникли сложности, связанные с сепаратизмом и локальными конфликтами, где каждая социальная, этническая и национальная группа требовали создания своего собственного суверенного государства.

Представители международно-правовой науки обсуждали сферу охвата и важность права на самоопределение, а некоторые даже опасались, что ввиду отсутствия определений и имплементационных положений можно представить себе редукцию до абсурда, где каждая

группа может создать свое собственное суверенное государство¹.

Хотя право на самоопределение получило широкое международное распространение после Первой мировой войны и, наконец, стало (хотя и спорной) частью международного права после Второй мировой войны, оно едва ли использовалось представителями США на международной арене. Можно вспомнить лишь период между вступлением Соединенных Штатов в Первую мировую войну в апреле 1917 г. и непосредственно послевоенный период, получивший в американской внешнеполитической доктрине название «Вильсоновский момент». После того, как Вильсон открыл «ящик Пандоры», последующие президенты, министры иностранных дел и дипломаты не решались использовать этот термин². Интересно, что принцип самоопределения не использовался ни во внутренней дипломатической переписке, ни в средствах массовой информации американской внешней политики. После инсульта Вильсона в октябре 1919 г., который сделал президента недееспособным, принцип самоопределения стал практически табу в американской дипломатии. Даже Ф. Рузвельт, который неоднократно публично выступал за права человека, демократию и интернационализм, использовал этот термин крайне редко и никогда публично. Характер этой нормы до сих пор оспаривается в американской литературе³. Американская делегация на конференции ООН в Думбартон-Оксе не вводила этот термин в переговоры.

Именно СССР настаивал на включении права на самоопределение в Устав ООН⁴. С момента возникновения Советского государства право на самоопределение народов и наций считалось одним из основных постулатов внешней политики СССР. Советский Союз активно поддерживал борьбу за независимость и освобождение колониальных и зависимых территорий, а также за права национальных меньшинств.

Концепция самоопределения Вильсона была неоднозначной, но широко признанной в качестве рационального продолжения развития международно-правовой системы в условиях Первой мировой войны. «Народы не должны передаваться от одного суверена другому на международной конференции или на основе взаимопонимания между соперниками и антагонистами, — утверждал Вильсон. — Национальные устремления должны уважаться; народы могут теперь доминировать и управляться только с их собственного согласия. “Самоопределение” — это не просто фраза. Это императивный принцип действий, которые отныне государственные деятели будут игнорировать на свой страх и риск»⁵.

В. Вильсон, будучи профессором политологии и профессиональным политиком, знал об ошеломляющей важности и силе концепции самоопределения. Задуманный Вильсоном во время Первой мировой войны, этот инструмент для создания прочного мира в конце войны раскрыл аспекты и проблемы, которые Вильсон не мог предусмотреть. С учетом ожесточенных спо-

¹ *Eagleton C.* Self-Determination in the United Nations // *The American Journal of International Law*. 1953. Vol. 47.1. P. 88–93.

² *Steiner Z.* *The Lights That Failed* // *European International History*. Oxford, 2015. P. 4.

³ См. подробнее: *Anghie A.* *Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law*. Cambridge, 2004 ; *International Law and the Rise of Nations. The State System and the Challenge of Ethnic Groups* / R. J. Beck, T. Ambrosio (Hrsg.). New York, 2002 ; *Castellino J.* *International Law and Self-Determination. The Interplay of the Politics of Territorial Possession with Formulations of Post-Colonial National Identity*. The Hague, 2000 ; *Self-Determination in International Law* / R. McCorquodale (Hrsg.). Aldershot, 2000 ; *Hobe S., Kimminich O.* *Einführung in das Völkerrecht*. 8, vollständig neu bearbeitete u. erweiterte Auflage. Tübingen, 2004. P. 111–119. URL: www.un.org/aboutun/charter/.

⁴ См.: *Крылов С. Б.* История создания Организации Объединенных Наций. Разработка текста Устава Организации Объединенных Наций (1944–1945). М., 1960. С. 17.

⁵ *The Papers of Woodrow Wilson*. Vol. 46 (January 16 — March 12, 1918) / A. S. Link et al. (Hrsg.). Princeton, 1984. P. 321.

ров между Вильсоном и союзниками в Париже и различных конкурирующих притязаний европейских политиков вряд ли можно удивляться тому, что возникли антагонистические настроения, связанные с правом на самоопределение. В этом контексте выглядит весьма уместной знаменитая фраза премьер-министра Франции Жоржа Клемансо: «Какое незнание Европы и как трудно находить с [Вильсоном] общий язык! Он верит, что всё можно решить по теоретическим формулам и его четырнадцати пунктам. Сам Господь Бог удовлетворился десятью заповедями. Вильсон милостиво одарил нас сразу четырнадцатью пунктами... четырнадцатью заповедями самой пустой теории»⁶.

Заявление Вильсона о том, что он понимает под самоопределением, оставалось расплывчатым и подлежащим обсуждению с союзниками на крупной мирной конференции. Во многом Вильсон подходил к принципу не как юрист, а как историк и политик. Он понимал право на самоопределение как явление политической философии — связывал принцип самоопределения с политической системой и демократией.

Вопреки распространенному мнению, Вильсон вообще не использовал этот термин в своих знаменитых «Четырнадцати пунктах», и его замечания о балансе интересов колонизированных и колониальных держав или максимальной автономии для народов Европы (за сохранение которых он выступал) не содержат положений о принципе самоопределения. В будущем мировом порядке, по мнению президента, следует уважать «национальные устремления», народы должны управляться только с их согласия. На основании этих утверждений Вильсон выдвинул требование о том, что любое территориальное урегулирование, связанное с войной, может осуществляться только в интересах и на благо соответствующего населения. В своем выступлении в Конгрессе он говорил об основополагающих условиях, которые имеют для него значение в применении принципа самоопределения. Под «правительством по согласию» он понимает

демократию; его ссылка на государственных деятелей, которые могут игнорировать право на самоопределение только на свой страх и риск, означает стандарт международного сообщества, который еще предстоит установить; нерешенные территориальные вопросы были для него проблемой европейского, а не глобального порядка. Кроме того, Вильсон считал, что демократии не будут воевать друг с другом, потому что информированное общественное мнение и преобладающий интерес к мирному обмену и торговле не позволят этого⁷. В этой связи, как представляется, проявляется то значение, которое Вильсон придает принципу самоопределения. Это было политическое видение, которое он почерпнул из истории, особенно англо-американской, опирающейся на три принципа: расширение прав и возможностей США, управление и влияние, а также формирование новой политической правовой системы, ориентированной на западную демократию. Вильсон противопоставил радикальной программе Ленина всеобъемлющее видение новой дипломатии, установление свободного доступа к морям и создание Лиги Наций.

Акцент на «автономное развитие» народов, а не на их отделение от существующих государственных структур полностью соответствовал политическим взглядам Вильсона. Его интересовала главным образом демократическая реформа авторитарных многоэтнических империй, а не их расчленение в соответствии с национально-этническими критериями. Поэтому упор делался на сообщество граждан, состоящее из самостоятельных индивидуумов, с целью обеспечения достоинства личности и удовлетворения ее стремления к свободе. Вильсон представлял себе новый международный порядок, поддерживаемый альянсом свободных наций, отвергающим тайную дипломатию, гонку вооружений и военные союзы.

Идеи Вильсона были тесно связаны с его представлениями и предрассудками о личности, народах и нациях. Он был первым южным де-

⁶ *MacMillan M. Paris 1919: Six Months That Changed the World* : [англ.] / foreword by R. Holbrooke. 1st US ed. Random House, 2003.

⁷ *The Papers of Woodrow Wilson*, Vol. 46 (January 16 — March 12, 1918). P. 321.

мократом, который переехал в Белый дом после гражданской войны, убежденным в иерархии этнических групп и культур. Как и многие его современники, он находился под влиянием социальной дарвинистской мысли, хотя и пронизанной идеями американского прогрессивизма. Он постулировал общее развитие всех людей через образование, науку и технологию. Вильсон был убежден, что у афроамериканского населения США нет базовых образовательных, моральных и политических предпосылок для самоуправления. Как президент, он выступал за развитие расовой сегрегации среди федеральных служащих. Тем самым он способствовал институционализации расистской, глубоко несправедливой и дискриминационной сегрегации⁸. Отсталые народы нуждаются в руководстве, а их элита и лидеры должны следовать определенным нормам и практике. В книге 1893 г. «Старый Мастер и другие политические эссе» Вильсон писал, что суверенитет осуществляется не народом, а его лидерами⁹.

Для Вильсона право на самоопределение было не просто морально-теоретическим требованием, а элементом обоснования притязаний в отношении Мексики и Центральной Америки, которую он взял за основу своей внешней политики. Ни один другой президент так часто не вмешивался в дела южных соседей, как Вильсон. Вооруженные конфликты в Мексике (1913–1916), Гаити (1915) и Доминиканской Республике (1916) были карательными экспедициями. Вильсон хотел заменить лидеров — наказать их за то, что они правят коррумпированными и неэффективными методами, нарушают рыночные принципы, игнорируя неприкосновенность частной собственности, не заботятся о сбалансированности бюджетов и не используют кредиты. Базируясь на идее самоопределения, он ввел

широкую автономию на Филиппинах. Однако это самоуправление осуществлялось под американским контролем и руководством, что должно было помочь филиппинцам усвоить демократические нормы, которые, в свою очередь, позволили им обрести независимость. Филиппинский эксперимент, по мнению президента, также может быть перенесен в другие колониальные территории и, таким образом, интернационализирован. Принцип доверия и мандат Лиги Наций, который президент пропагандировал на Парижской мирной конференции, соответствовали его идее благого колониального управления, но никак не предоставления независимости народам, проживающим на этих территориях. Таким образом, Вильсон в первые годы своего срока рассматривал вмешательство как проверенное средство смены режимов с целью установления американского порядка в соседних государствах¹⁰. Его аргументами были освобождение и демократизация, ими он оправдывал интервенцию в Мексику, а затем и вступление в войну Соединенных Штатов в качестве ассоциированной силы союзников в войне против авторитарных империй. В конечном счете только демократии могут гарантировать «благое управление» в США и за его пределами. Интересно, что эти идеи предвосхищают основные положения теории демократического мира, которая была разработана американскими политологами после Второй мировой войны и предполагает, что глобальный мир будет наилучшим образом гарантирован всемирной установкой демократических принципов по образцу США¹¹.

«Четырнадцать пунктов» затрагивали различные аспекты будущего мирового порядка. Первая группа целей, провозглашенных Вильсоном, касалась общих принципов послевоенного порядка, таких как свободная торговля,

⁸ *Bowden B.* In the Name of Progress and Peace: The Standard of Civilization and the Universalizing Project // *Alternatives*. 2014. 29. P. 43–68.

⁹ *Wilson W.* An Old Master and Other Political Essays. New York, 1893. P. 80.

¹⁰ *Clements K. A., Cheezum E. A.* Woodrow Wilson. Washington, 2003. P. 130–134.

¹¹ См. подробнее: *Gowa J.* Ballots and Bullets: The Elusive Democratic Peace. Princeton, 1999; *Reiter D., Stam A. C.* Democracies at War. Princeton, 2012; *Snyder J.* From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict. New York, 2000; *Walt S. M.* Revolution and War. Ithaca, 1996; *Weart S. R.* Never at War: Why Democracies Will Not Fight one Another. New Haven, 1998.

свободное судоходство, «новая дипломатия», разоружение и скорейшая деколонизация. Вторая — создание Лиги Наций, которая должна гарантировать политическую независимость и территориальную целостность как больших, так и малых государств. Наконец, третья группа вопросов касается конкретных территориальных договоренностей. Они были в значительной степени сформированы группой экспертов Вильсона, а также британскими союзниками и сформулированы на фоне силовых отношений между альянсами. На Парижских мирных конференциях осуществление права на самоопределение носило в достаточной степени условный и случайный характер. Тем не менее Вильсону удалось пролоббировать интересы США в Чехословакии, повлиять на территориальные споры в Европе (Южный Тироль, Судет, Эльзас-Лотарингия, Королевство Сербов, хорватов и словенцев, Польша, территории Османской империи) и занять сдержанную позицию в отношении охваченной гражданской войной России, которая не была представлена на конференции¹².

Таким образом, как мы видим, основой концепции самоопределения, по Вильсону, было навязывание интересов США в Европе и на американском континенте. По сути, Вильсон был первым американским президентом, начавшим процесс экспансионизма интересов США в другие страны и континенты. Он мало думал об универсальном действии принципа и позиционировал себя как стойкого защитника «благотворительного управления» в соответствии со стандартами, которые он определил сам, и как президента, который в первые годы своего пребывания в должности считал вмешательство эффективным средством смены режима.

Концепция самоопределения Ленина. Отстаивание Вильсоном принципа самоопреде-

ления было связано как с обоснованием войны, так и с идеей Ленина и большевиков использовать право на самоопределение в качестве «боевого клича» для угнетенных народов (и классов) для освобождения от оков самодержавия, для мировой революции пролетариата, а также воссоединения национальных окраин бывшей Российской империи с СССР, отколовшихся от нее в результате Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны.

На протяжении длительного времени в литературе (досоветского периода) доминировала концепция принципа национальностей, основанная на требованиях воссоединения каждой нации в отдельное государство независимо от исторических и других условий¹³. Между тем в Декрете о мире — одном из первых документов Советской власти — обращалось внимание на необходимость предоставить народам «право свободным голосованием при полном выводе войск присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования». Ленин выдвинул требование о том, чтобы мировая война прекратилась путем справедливого демократического мира на основе трех принципов: «никакого военного возмещения, никаких аннексий и регулирования территориальных отношений и исключительно на основе права народов на самоопределение»¹⁴. Нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин писал В. И. Ленину: «Наша международная программа должна вводить в международную схему все угнетенные колониальные народы. За всеми народами должно признаваться право на отделение или на гомрули...»¹⁵. Эти принципиальные положения неукоснительно проводились на практике при заключении договора с Персией (26 февраля 1921 г.), Турцией (16 марта 1921 г.), Китаем (31 мая 1924 г.) и другими странами.

¹² The Inquiry: American Preparations for Peace 1917–1919 / Vgl. L. E. Gelfand. New Haven, 1963 ; Riga L., Kennedy J. Mitteleuropa as Middle America? «The Inquiry» and the Mapping of East Central Europe in 1919 // *Ab Imperio*. 2006. 4. P. 271–300.

¹³ См.: *Старушенко Г. Б.* Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике Советского государства. М., 1960. Гл. I.

¹⁴ *Документы внешней политики СССР*. Т. 1.

¹⁵ См.: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 36.

Суть подхода В. И. Ленина вкратце состояла в следующем:

а) право на самоопределение наций не является самоцелью, а должно служить жизненным потребностям ее социально-экономического и культурного развития;

б) право на самоопределение вплоть до отделения не предопределяет, в противовес концепции принципа национальностей, обязательного возникновения отдельного государства независимо от конкретных исторических и других условий и рассматривается как «исключение из нашей общей посылки централизма»;

в) право на самоопределение признается за большими и малыми нациями независимо от уровня развития («все нации суверенны и все нации равны»), но степень развитости в экономике и культуре, территориальное расположение и компактность проживания, исторические условия оказывают влияние на формы национально-государственного устройства¹⁶.

Как видится, подход Ленина, в отличие от концепции Вильсона, носил более социальный характер, был свободен от предрассудков, расовых и дискриминационных предубеждений, давал право выбора и действий. «Хочешь отделиться, — писал В. И. Ленин, — проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь, или, вернее, гнет и трение “сожительства” таковы, что они портят и губят дело экономической связи. Не хочешь отделяться? Тогда извини, за меня не решай, не думай, что ты имеешь “право” на федерацию»¹⁷. Любая нация может обратиться с просьбой о приеме в федерацию, но право на просьбу об объединении отнюдь не равнозначно праву на объединение. Выступая против расширительного толкования права на самоопределение, В. И. Ленин заявлял: «Ничего, абсолютно ничего, кроме права на отделение здесь нет и быть не должно»¹⁸. Разумеется, такая постановка вопроса, явно в полемическом плане, не исключала и не может исключать выбор других (помимо сепаратизма) форм самоопределения, но в границах одного

(«родительского») государства, в соответствии с его конституцией и другими законами.

Советское государство с первых дней существования провозгласило право народов России на самоопределение (Декларация прав народов России), чем, в частности, сразу же воспользовались Польша и Финляндия, отделившись и образовав самостоятельные государства. Федеративный характер Российской Республики был установлен Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа (январь 1918 г.), получивший развитие в последующих документах — Конституции РСФСР 1918 г., Договоре об образовании Союза ССР 1922 г. и Конституции СССР 1924 г., ставшей фундаментом всех последующих конституций советского периода.

Согласно плану В. И. Ленина, необходимо было устранить неравноправие по отношению к РСФСР республик, входивших в новый союз, предоставив им всем одинаковые права. Не вполне корректную интерпретацию событий того времени можно встретить как в современной научной литературе, так подчас и в публичных выступлениях политиков. В последние годы стало своего рода модой упрекать В. И. Ленина за предоставление равных прав всем советским республикам, объединявшимся в СССР. При этом приоритет отдается принципу автономизации, предлагавшемуся И. В. Сталиным, который оставался на тот период сторонником выдвинутой им еще в 1913 г. идеи областной автономии. Именно исходя из конкретно-исторической ситуации, В. И. Ленин считал необходимым переломить складывавшуюся веками тенденцию доминирования одной нации над другими и основанного на этом национального угнетения, преследовал цель привлечь на добровольной основе к строительству основ социализма бывшие национальные окраины Российской империи, отколовшиеся от нее в ходе Первой мировой войны, Октябрьской революции и последовавшей затем Гражданской войны. Будучи последовательным марксистом, В. И. Ленин исходил из желательности унитар-

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 27. С. 255, 271; Т. 30. С. 9; Т. 31. С. 439; Т. 48. С. 235.

¹⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 48. С. 235.

¹⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 48. С. 235.

ного государства при победе социалистической революции. Однако реальная ситуация привела к необходимости пересмотра этого, казалось бы, устоявшегося положения.

Как было отмечено ранее, идея самоопределения, задуманная Вильсоном, была направлена и ограничена европейским континентом. Вильсон был первым президентом США, который с официальным визитом посетил Европу (для участия в работе Парижской мирной конференции) и поддержал возникновение национальных государств в Европе после распада Австро-Венгрии, Российской и Османской империй. В этой связи многие националисты в колониях и странах, чьи суверенные права были ограничены европейцами, изначально ассоциировали принцип самоопределения не столько с Вильсоном, сколько с Лениным, который трактовал принцип шире и адаптировал под конкретные исторические условия. Обращаясь к истории, Ленин подчеркивал, что борьба за национальное освобождение всегда была частью борьбы за социальное освобождение. Он ссылаясь на пример Ирландии, которая боролась за свое освобождение от британской колониальной власти, и утверждал, что только через борьбу за национальное освобождение можно добиться социальной справедливости. Позиция Ленина вызвала большой резонанс в мировой политике и стала одним из важнейших документов в истории борьбы за национальное освобождение. Она оказала влияние на многих лидеров национально-освободительных движений, в том числе на Ганди в Индии, Мао Цзэдуна в Китае и Хо Ши Мина во Вьетнаме.

Выводы. Как следует из настоящей статьи, повестка Вильсона в большей степени носила либеральный характер, призывала к развитию национального языка и культуры в рамках существующих границ. Акцент на «автономное развитие» народов, а не на их отделение от существующих государственных структур полностью соответствовал политическим взглядам Вильсона. Его интересовала главным образом демократическая реформа авторитарных многоэтнических империй, а не их расчленение в соответствии с национально-этническими критериями. Поэтому упор делался на сообщество граждан, состоя-

щее из самостоятельных индивидуумов, с целью обеспечения достоинства личности и удовлетворения ее стремления к свободе. Однако проект Вильсона не был принят в Соединенных Штатах. Сенат отказал в ратификации соглашения о Лиге Наций, и США не присоединились к ней. Главное противоречие заключалось в ограничении объявления войны Конгрессом в случае вступления в Лигу. Это событие стало одним из главных фиаско в карьере Вильсона. В итоге задуманная им организация не справилась со своими миротворческими функциями и была распущена.

Ленинская идея заключалась в фундаментальных социальных, политических и экономических изменениях с созданием независимых национальных государств. Более того, отсутствие у США к началу XX в. серьезного опыта в международных отношениях и незнание особенностей регионов в Европе и Азии делали предложения Вильсона абсолютно бесперспективными с точки зрения их реализации. После утверждения власти большевиков и укрепления позиций Ленина стало очевидным, что либеральный (вильсоновский) вариант принципа самоопределения не получает признания. Таким образом, в международной системе появился универсальный инструмент достижения государственной независимости и суверенитета по ленинскому образцу, получивший распространение по всему миру и продолжавшийся вплоть до 1960-х гг.

По своей модели и базовым правам, предоставленным субъектам федерации, образованный в 1922 г. СССР опережал все иные федеративные государства. Стоит отметить, что Декларация о создании СССР также была основана на принципе самоопределения. В современной интерпретации принято осуждать Ленина за широкие права, предоставленные присоединявшимся сторонам. Однако, как показывает жизнь, современная федеративная Россия и бывшие республики СССР сохранили тесные политические, экономические и добрососедские отношения (за некоторыми исключениями) именно благодаря тем процессам, которые были заложены Лениным и продолжены его последователями вплоть до распада Союза. Более того, начатая Лениным и доведенная до логического завершения Сталиным работа

над определением административных границ республик, входящих в состав Советского государства, послужила основой для образования суверенных государств, реализовавших принцип *uti possidetis juris*.

Ленин подчеркивал, что только признание права наций на самоопределение может при-

вести к настоящей свободе и равенству. Он был убежден, что нации имеют право на создание независимых государств и должны иметь возможность самостоятельно определять свою политическую, экономическую и культурную жизнь, что нашло отражение в том числе в ст. 1 Устава ООН.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Иванян Э. А.* «Четырнадцать пунктов» Вильсона // Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. — М. : Международные отношения, 2001. — 696 с.
2. *Крылов С. Б.* История создания Организации Объединенных Наций. Разработка текста Устава Организации Объединенных Наций (1944–1945). — М., 1960.
3. *Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение [архивная копия от 19.12.2014 на Wayback Machine] // Полное собрание сочинений. — Т. 25. — С. 255–320.
4. *Старушенко Г. Б.* Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике Советского государства. — М., 1960.
5. *Anghie A.* Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law. — Cambridge, 2004.
6. *Bowden B.* In the Name of Progress and Peace: The Standard of Civilization and the Universalizing Project // Alternatives. — 2014. — 29. — P. 43–68.
7. *Castellino J.* International Law and Self-Determination. The Interplay of the Politics of Territorial Possession with Formulations of Post-Colonial National Identity. — The Hague, 2000.
8. *Clements K. A., Cheezum E. A.* Woodrow Wilson. — Washington, 2003.
9. *Eagleton C.* Self-Determination in the United Nations // The American Journal of International Law. — 1953. — Vol. 47.1. — P. 88–93.
10. *Gowa J.* Ballots and Bullets: The Elusive Democratic Peace. — Princeton, 1999.
11. International Law and the Rise of Nations. The State System and the Challenge of Ethnic Groups / R. J. Beck, T. Ambrosio (Hrsg.). — New York, 2002.
12. *MacMillan M.* Paris 1919: Six Months That Changed the World : [англ.] / foreword by R. Holbrooke. — 1st US ed. — Random House, 2003.
13. *Riga L., Kennedy J.* Mitteleuropa as Middle America? «The Inquiry» and the Mapping of East Central Europe in 1919 // Ab Imperio. — 2006. — 4. — P. 271–300.
14. Self-Determination in International Law / R. McCorquodale (Hrsg.). — Aldershot, 2000.
15. *Snyder J.* From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict. — New York, 2000.
16. *Steiner Z.* The Lights That Failed // European International History. — Oxford, 2015.
17. The Inquiry: American Preparations for Peace 1917–1919 / Vgl. L. E. Gelfland. — New Haven, 1963.
18. The Papers of Woodrow Wilson, Vol. 46 (January 16 — March 12, 1918) / A. S. Link et al. (Hrsg.). — Princeton, 1994.
19. *Walt S. M.* Revolution and War. — Ithaca, 1996.
20. *Weart S. R.* Never at War: Why Democracies Will Not Fight one Another. — New Haven, 1998.
21. *Wilson W.* An Old Master and Other Political Essays. — New York, 1893.

Материал поступил в редакцию 27 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ivanyan E. A. «Chetyrnadsat punktov» Vilsona // Entsiklopediya rossiysko-amerikanskikh otnosheniy. XVIII–XX veka. — M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2001. — 696 s.
2. Krylov S. B. Istoriya sozdaniya Organizatsii Obedinennykh Natsiy. Razrabotka teksta Ustava Organizatsii Obedinennykh Natsiy (1944–1945). — M., 1960.
3. Lenin V. I. O prave natsiy na samoopredelenie [arkhivnaya kopiya ot 19.12.2014 na Wayback Machine] // Polnoe sobranie sochineniy. — T. 25. — S. 255–320.
4. Starushenko G. B. Printsip samoopredeleniya narodov i natsiy vo vneshney politike Sovetskogo gosudarstva. — M., 1960.
5. Anghie A. Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law. — Cambridge, 2004.
6. Bowden B. In the Name of Progress and Peace: The Standard of Civilization and the Universalizing Project // Alternatives. — 2014. — 29. — P. 43–68.
7. Castellino J. International Law and Self-Determination. The Interplay of the Politics of Territorial Possession with Formulations of Post-Colonial National Identity. — The Hague, 2000.
8. Clements K. A., Cheezum E. A. Woodrow Wilson. — Washington, 2003.
9. Eagleton C. Self-Determination in the United Nations // The American Journal of International Law. — 1953. — Vol. 47.1. — P. 88–93.
10. Gowa J. Ballots and Bullets: The Elusive Democratic Peace. — Princeton, 1999.
11. International Law and the Rise of Nations. The State System and the Challenge of Ethnic Groups / R. J. Beck, T. Ambrosio (Hrsg.). — New York, 2002.
12. MacMillan M. Paris 1919: Six Months That Changed the World: [angl.] / foreword by R. Holbrooke. — 1st US ed. — Random House, 2003.
13. Riga L., Kennedy J. Mitteleuropa as Middle America? «The Inquiry» and the Mapping of East Central Europe in 1919 // Ab Imperio. — 2006. — 4. — P. 271–300.
14. Self-Determination in International Law / R. McCorquodale (Hrsg.). — Aldershot, 2000.
15. Snyder J. From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict. — New York, 2000.
16. Steiner Z. The Lights That Failed // European International History. — Oxford, 2015.
17. The Inquiry: American Preparations for Peace 1917–1919 / Vgl. L. E. Gelfland. — New Haven, 1963.
18. The Papers of Woodrow Wilson, Vol. 46 (January 16 — March 12, 1918) / A. S. Link et al. (Hrsg.). — Princeton, 1994.
19. Walt S. M. Revolution and War. — Ithaca, 1996.
20. Weart S. R. Never at War: Why Democracies Will Not Fight one Another. — New Haven, 1998.
21. Wilson W. An Old Master and Other Political Essays. — New York, 1893.

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.177-189

Н. И. Газина*

Международно-правовые подходы к вопросу о допустимости использования геномных технологий в медицине

Аннотация. Цель статьи — определить основные международные стандарты и позиции международных межправительственных и неправительственных организаций в отношении использования геномных технологий в медицине, которые нашли отражение в их документах. На универсальном уровне нет международного договора, содержащего единые правила в этой области, однако имеется множество документов международных организаций (таких как ВОЗ, ЮНЕСКО), в которых изложены соответствующие стандарты. На региональном уровне заметную роль играет опыт Совета Европы в области правового регулирования геномной медицины. Национальные подходы к правовому регулированию геномной медицины различаются. В таких условиях значительную роль играет практика международных неправительственных организаций в области биомедицины и генетических технологий. Они устанавливают стандарты и представляют позиции биомедицинского сообщества.

На основании анализа международных актов можно сделать вывод, что общая позиция международного биомедицинского сообщества заключается в том, что технологии редактирования генома могут широко использоваться в терапевтических и научных целях при условии отсутствия критерия передачи генов потомкам. Редактирование генома должно осуществляться в соответствии с международными профессиональными и этическими стандартами, включая принципы преимущества блага над вредом и информированного согласия. Дискуссии о допустимости наследственного редактирования генома продолжаются. Преобладающий подход международных организаций заключается в том, что в настоящее время отсутствуют разумные стандарты безопасности и эффективности применения этой технологии, при этом сами исследования поощряются.

Ключевые слова: геномная медицина; биоэтика; биомедицина и право; биоправо; медицинское право; осознанное согласие; ВОЗ; ЮНЕСКО; Совет Европы; МНПО.

Для цитирования: Газина Н. И. Международно-правовые подходы к вопросу о допустимости использования геномных технологий в медицине // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 177–189. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.177-189.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00422, <https://rscf.ru/project/19-18-00422/>.

© Газина Н. И., 2024

* Газина Наяна Игоревна, аспирант кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
nayana.gazina@mail.ru

International Legal Approaches to the Issue of Admissibility of the Use of Genomic Technologies in Medicine

Nayana I. Gazina, Postgraduate Student, Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
nayana.gazina@mail.ru

Abstract. The purpose of the paper is to determine the main international standards and positions of international intergovernmental and non-governmental organizations regarding the use of genomic technologies in medicine, which are reflected in their documents. At the universal level, there is no international treaty containing uniform rules in this area, but there are many documents of international organizations (such as WHO, UNESCO) that set out the relevant standards. At the regional level, the experience of the Council of Europe in the field of legal regulation of genomic medicine plays a significant role. National approaches to the legal regulation of genomic medicine vary. In such conditions, the practice of international non-governmental organizations in the field of biomedicine and genetic technologies plays a significant role. They set standards and represent the positions of the biomedical community.

Based on the analysis of international acts, it can be concluded that the general position of the international biomedical community is that genome editing technologies can be widely used for therapeutic and scientific purposes, provided that there is no criterion for transmitting genes to descendants. Genome editing should be carried out in accordance with international professional and ethical standards, including the principles of benefit over harm and informed consent. Discussions about the admissibility of hereditary genome editing continue. The prevailing approach of international organizations is that there are currently no reasonable standards for the safety and effectiveness of this technology, while research itself is encouraged.

Keywords: genomic medicine; bioethics; biomedicine and law; biolaw; medical law; informed consent; WHO; UNESCO; Council of Europe; INGOs.

Cite as: Gazina NI. International Legal Approaches to the Issue of Admissibility of the Use of Genomic Technologies in Medicine. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):177-189. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.177-189.

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00422, <https://rscf.ru/project/19-18-00422/>.

Введение

Поле применения новейших достижений биомедицины расширяется по всему миру, и становится очевидно, что сдержать развитие и использование геномных технологий вряд ли возможно, что обусловливается возможностью излечения от серьезных, в том числе наследственных, заболеваний. Тем не менее требуется определять границы допустимого в использовании биомедицинских технологий, в частности

редактирования генома человека. Очевидно, что механизмы международного регулирования не успевают адаптировать свое воздействие под стремительно возрастающие возможности науки, амбиции ученых и задачи стран. На настоящий момент есть только один юридически обязывающий международный документ в этой области — Конвенция о правах человека и биомедицине (Конвенция Овьедо)¹, которая принята на региональном уровне в рамках Совета Европы и действует в отношении 29 стран-участ-

¹ Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины : Конвенция о правах человека и биомедицине (СЕД № 164) — Овьедо 4 апреля 1997 г. Совет Европы.

ниц, а также дополнительные протоколы к ней. Возникает вопрос: какие существуют механизмы регулирования таких общественных отношений помимо международных договоров, действие которых в этой сфере довольно ограничено? В этой стремительно развивающейся сфере общественных отношений, где договорное регулирование недостаточно развито, большое значение имеет международное сотрудничество. Важно понимать, каких позиций придерживаются представители международного биомедицинского сообщества — субъекты международного сотрудничества в вопросе применения геномных технологий.

Международное сообщество быстро реагирует на экстраординарные события в науке. При наличии дифференцированных научных мнений есть общие представления о допустимом и недопустимом. Например, заявление в 2018 г. китайского ученого Хэ Цзянькуя о рождении детей с редактированным геномом вызвало волну осуждения в международном биомедицинском сообществе².

Для понимания общих стандартов и тенденций правового регулирования в рассматриваемой сфере необходимо анализировать не только международные договоры, но и практику международных органов и профессиональных сообществ, документы рекомендательного характера, научные дискуссии и позиции субъектов международного сотрудничества в сфере применения геномных технологий.

Деятельность международных организаций в сфере правового регулирования биомедицины и применения геномных технологий

Международно-правовые подходы относительно допустимости использования геномных технологий в медицине формируются международными организациями и выражаются прежде всего в принимаемых ими актах. Помимо государств и международных межправительственных организаций (ВОЗ, ЮНЕСКО, Международный комитет по биоэтике (МКБ), Совет Европы, Руководящий комитет по правам человека в области биомедицины и здравоохранения Совета Европы (CDBIO)) воздействие на формирование международно-правового регулирования использования геномных технологий в медицине оказывают международные неправительственные организации (МНПО).

Говоря о **международных межправительственных организациях**, которые участвуют в создании международно-правового регулирования в рассматриваемой сфере, нельзя не отметить в первую очередь *Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ)*. В ВОЗ действуют структуры, занимающиеся вопросами биоэтики: Глобальная сеть сотрудничающих центров ВОЗ по биоэтике³, Глобальный саммит национальных комитетов по биоэтике⁴. Под эгидой ВОЗ также функционируют несколько экспертных групп: Комитет экспертов по биологической стандартизации⁵, Консультативный комитет экспертов по разработке глобальных стандартов управления и надзора за редактированием генома человека⁶, Комитет по этике исследова-

² Chinese Scientist Claims to Use Crispr to Make First Genetically Edited Babies // The New York Times. November 26, 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/26/health/gene-editing-babies-china.html> (дата обращения: 20.09.2023).

³ Global Network of WHO Collaborating Centres for Bioethics // WHO official website. URL: <https://www.who.int/groups/global-network-of-who-collaborating-centres-for-bioethics> (дата обращения: 20.09.2023).

⁴ Global Summit of National Bioethics Committees // WHO official website. URL: <https://www.who.int/groups/global-summit-of-national-bioethics-committees> (дата обращения: 20.09.2023).

⁵ Expert Committee on Biological Standardization // WHO official website. URL: <https://www.who.int/groups/expert-committee-on-biological-standardization> (дата обращения: 20.09.2023).

⁶ Expert Advisory Committee on Developing Global Standards for Governance and Oversight of Human Genome Editing // WHO official website. URL: <https://www.who.int/groups/expert-advisory-committee-on-developing-global-standards-for-governance-and-oversight-of-human-genome-editing> (дата обращения: 20.09.2023).

ний⁷, Консультативная группа по этике общественного здравоохранения⁸, Рабочая группа по этике и управлению (ACT-Accelerator)⁹. В 2021 г. Консультативным комитетом экспертов по разработке глобальных стандартов управления и надзора за редактированием генома человека ВОЗ были разработаны значимые для правового регулирования применения геномных технологий в медицине акты мягкого права: Рекомендации по управлению в области редактирования генома человека и Рекомендации по редактированию генома человека, основная цель которых — предотвращение преждевременного и необдуманного использования редактирования генома человека¹⁰. Кроме того, ВОЗ активно взаимодействует с негосударственными организациями. Например, с крупной международной неправительственной организацией — Советом международных научно-медицинских организаций (Council for International Organizations of Medical Sciences, CIOMS).

В структуре *Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО)* находятся несколько подразделений, которые занимаются регулированием биомедицины и применения геномных технологий: Международный комитет по биоэтике (IBC, МКБ), Межправительственный комитет по биоэтике (IGBC, МПКБ), Всемирная комиссия по этике научных знаний и технологий (COMEST, КОМЕСТ).

Под эгидой ЮНЕСКО было разработано несколько важнейших актов в сфере биомедицинских технологий: Всеобщая декларация по биоэтике и правам человека, Международная декларация о генетических данных человека,

Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека. ЮНЕСКО также подготовила ряд докладов, касающихся биомедицинских технологий. Эти документы содержат руководство по этическому и ответственному использованию биомедицинских технологий, включая генную инженерию, клонирование и исследования стволовых клеток.

*Международный центр генной инженерии и биотехнологий (International Centre for Genetic Engineering and Biotechnology (ICGEB))*¹¹ является международной межправительственной организацией, одна из целей которой — служить площадкой для обмена информацией, опытом и ноу-хау между учеными и специалистами государств-членов. Россия входит в число участников данной организации.

На региональном уровне сотрудничество в сфере регулирования биомедицины, в частности применения геномных технологий, наиболее эффективно осуществляется на базе Совета Европы. Именно в рамках этой международной организации был создан международно-правовой договор в рассматриваемой области — Конвенция Овьедо, а также четыре дополнительных протокола к ней.

Руководящий комитет по правам человека в области биомедицины и здравоохранения Совета Европы (CDBIO) отвечает за пересмотр и оценку актуальности положений Конвенции Овьедо, может запрашивать Европейский Суд по правам человека о вынесении консультативных заключений по вопросам, касающимся толкования Конвенции Овьедо, проводит межправительственную работу Совета Европы в области

⁷ Research Ethics Review Committee (ERC) // WHO official website. URL: <https://www.who.int/groups/research-ethics-review-committee> (дата обращения: 20.09.2023).

⁸ Public Health Ethics Consultative Group // WHO official website. URL: <https://www.who.int/groups/public-health-ethics-consultative-group> (дата обращения: 20.09.2023).

⁹ ACT-Accelerator Ethics & Governance Working Group // WHO official website. URL: <https://www.who.int/groups/accelerator-ethics-governance-working-group> (дата обращения: 20.09.2023).

¹⁰ Human genome editing: position paper / WHO Expert Advisory Committee on Developing Global Standards for Governance and Oversight of Human. World Health Organization, 2021 // URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240030404> (дата обращения: 20.09.2023).

¹¹ International Centre for Genetic Engineering and Biotechnology. Official website. URL: <https://www.icgeb.org/about-us/who-we-are/> (дата обращения: 20.09.2023).

прав человека в свете применения достижений биомедицины.

В международном сотрудничестве активно участвуют и **международные неправительственные организации** (МНПО), НКО, профессиональные союзы. Их роль в формировании правового регулирования биомедицины можно назвать значительной. МНПО выпускают рекомендации и экспертные заключения в своих областях, устанавливают профессиональные стандарты, которые хотя и не являются правом, но напрямую влияют на регулирование рассматриваемой сферы через согласие ученых и врачей с их положениями и применением. Кроме того, на акты МНПО ссылаются в своих решениях международные судебные органы¹².

Профессор Эдуардо Ссаси пишет: «МНПО являются субъектами права в той же мере, в какой межправительственные организации... МНПО не конкурируют с государствами. Они представляют собой бюрократические структуры, созданные в соответствии с официальными договоренностями для выполнения конкретной тематической задачи»¹³. Х. М. Джантаев отмечает, что неправительственные организации «...всё заметнее претендуют на роль активных участников разработки политики и подготовки многосторонних соглашений, деклараций, регулирующих отношения в самых разных областях человеческой деятельности»¹⁴.

Многие МПНО в сфере правового регулирования биомедицины и геномных технологий изначально созданы при поддержке международных межправительственных структур, учреждений ООН (ВОЗ, ЮНЕСКО) или взаимодействуют с ними на регулярной основе. Например, *Комитет неправительственных организаций по редким заболеваниям (The NGO Committee for Rare Diseases)* активно взаимодействует с ООН¹⁵. Комитет представлял ООН экспертное заключение «Право на здоровье применительно к редким заболеваниям» (The «Right to Health» in Rare Diseases)¹⁶.

Всемирная медицинская ассоциация (ВМА) в июне 1964 г. на 18-й Генеральной Ассамблее ВМА приняла Хельсинкскую декларацию «Этические принципы проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта»¹⁷.

Крупной международной неправительственной организацией в сфере регулирования биомедицины является также *Совет международных научно-медицинских организаций (Council for International Organizations of Medical Sciences, CIOMS)*. Он был создан по совместной инициативе ВОЗ и ЮНЕСКО в 1949 г. CIOMS разрабатывает авторитетные руководства по исследованиям в областях здравоохранения. В результате сотрудничества CIOMS с ВОЗ был подготовлен важный документ — *Международные этические*

¹² См.: постановление ЕСПЧ по делу «Паррилло против Италии» ; постановление ЕСПЧ от 05.04.2005, жалоба № 54825/00 (II секция) «Невмержицкий против Украины» (Nevmerzhitsky v. Ukraine).

¹³ Szazi E. NGOs: legitimate subjects of international law. Leiden University Press, 2012. P. 277. URL: <https://hdl.handle.net/1887/27376> (дата обращения: 20.09.2023).

¹⁴ Актуальные проблемы современного международного права : материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции, г. Москва, 8–9 апреля 2011 г. : в 2 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселева. М., 2012. Ч. 2. С. 405.

¹⁵ NGO Committee for Rare Diseases. Official website. URL: <https://www.ngocommitteerarediseases.org/> (дата обращения: 20.09.2023).

¹⁶ The «Right to Health» in Rare Diseases: A Practical Contribution to Implementing and Achieving the Sustainable Development Goals / NGO Committee for Rare Diseases. Submission to the United Nations High Commissioner for Human Rights (February 2018) // URL: https://www.ngocommitteerarediseases.org/wp-content/uploads/2018/05/NGO-CfRDs-Submission-The-Right-to-Health-in-Rare-Diseases_Feb-15-2018.pdf (дата обращения: 20.09.2023).

¹⁷ Medical Ethics Manual. Manual for physicians about the role of ethics in medicine. 3rd Ed. 2015. URL: <https://www.wma.net/what-we-do/education/medical-ethics-manual/> (дата обращения: 20.09.2023).

ские руководящие принципы для исследований в области здоровья с участием людей¹⁸.

Европейское общество генетики человека выпускает профессиональные рекомендации, справочные документы, готовит экспертные заключения к проектам нормативных правовых актов. *Международная федерация обществ генетики человека* организует площадку для сотрудничества ученых-генетиков. *Проект человеческого вариома (Human Variome Project)* — глобальная инициатива по сбору и хранению всех человеческих генетических вариаций, влияющих на здоровье человека. *Организация по изучению генома человека (The Human Genome Organization, HUGO)* занимается разными вопросами в сфере исследования генома человека, имеет в своем составе Комитет по номенклатуре генов (HUGO Gene Nomenclature Committee), который определяет уникальные, единые символы и названия для человеческих генов, благодаря чему обеспечивает однозначную научную коммуникацию, облегчает взаимодействие между учеными по всему миру. В составе организации есть Комитет по этике, праву и обществу (HUGO Committee on Ethics, Law and Society, CELS), который делает заявления по важным вопросам в области применения геномной медицины¹⁹.

Позиции относительно допустимости редактирования генома человека в документах международных организаций

Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека 2005 г.²⁰ содержит 15 нормативных положений, которые называет принципами и которые являются ориентирующими для принятия решений или практических действий отдельными лицами, группами, общинами, учреждениями и корпорациями, как государственными, так и частными, в сфере биомедицины, которая естественным образом включает в себя применение геномной медицины. К этим принципам, помимо прочих, относятся уважение человеческого достоинства и прав человека, превалирование блага над вредом, обязательное согласие участника биомедицинского исследования или медицинского вмешательства.

*Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 г.*²¹ не содержит запрета на редактирование генома человека, но указывает, что такие исследования «не должны превалировать над уважением прав человека, основных свобод и человеческого достоинства отдельных людей или, в соответствующих случаях, групп людей».

Большинство стран, имеющих нормативно-правовую базу по регулированию биомедицинских разработок, либо запрещают, либо строго ограничивают применение технологий наследственного редактирования генов человека²².

¹⁸ Международные этические руководящие принципы для исследований в области здоровья с участием людей / Совет международных научно-медицинских организаций (СМНМО). 4-е изд. Женева, 2016. URL: <https://cioms.ch/wp-content/uploads/2017/01/WEB-CIOMS-EthicalGuidelines.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

¹⁹ HUGO Ethics Committee — Statement on Gene Therapy Research // Eubios Journal of Asian and International Bioethics. 2001. Vol. 11. P. 98–99. URL: <https://www.eubios.info/GENTHER.htm> (дата обращения: 20.09.2023); HUGO Ethics Committee — Statement on cloning // Eubios Journal of Asian and International Bioethics. 1999. Vol. 9. P. 70. URL: <https://www.eubios.info/HUGOCLON.htm> (дата обращения: 20.09.2023).

²⁰ Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. Принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения: 20.09.2023).

²¹ Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека. Принята 11 ноября 1997 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 20.09.2023).

²² Isasi R., Kleiderman E., Knoppers B. M. Genetic technology regulation. Editing policy to fit the genome? // Science. 2016. DOI: 10.1126/science.aad6778. PMID: 26797999.

В настоящее время в мировой медицинской практике применяются технологии генетической терапии, не влекущие изменения генома потомков. Управлением по контролю за продуктами и лекарствами США одобрено несколько продуктов генной терапии для рака и редких заболеваний²³.

Несмотря на это, как уже было сказано, китайский ученый Хэ Цзянькуй в 2018 г. заявил о рождении близнецов с модификацией гена, которая предполагает передачу следующим поколениям. Уже через месяц после заявления в рамках ВОЗ был создан Консультативный комитет экспертов по разработке глобальных стандартов управления и надзора за редактированием генома человека (далее — Консультативный комитет по редактированию генома), призванный принимать документы, обеспечивающие консультативную функцию, и рекомендации по институциональным, национальным, региональным и глобальным механизмам управления редактированием генома человека.

В 2021 г. Консультативным комитетом по редактированию генома были подготовлены два документа: *Рекомендации по управлению в области редактирования генома человека* и *Рекомендации по редактированию генома человека*²⁴, основная цель которых — предотвращение преждевременного и необдуманного использования редактирования генома человека (далее — Рекомендации).

Основные выводы по указанным документам можно обозначить следующим образом:

1. Рекомендации подтвердили актуальность представленной ранее временной рекомендации о том, что «в данный момент было бы безответственно проводить клинические исследования технологий редактирования генома зародышевой линии человека», и предложили органам регулирования и комитетам по этике воздержаться от выдачи разрешений в отно-

шении заявок на клиническое применение результатов работы, связанной с редактированием генома зародышевой линии человека.

2. Дана рекомендация Генеральному директору ВОЗ после консультации с его новым Научным советом выступить с программным заявлением о том, что исследования по изучению редактирования генома соматических и зародышевых линий должны проводиться только в юрисдикциях, обладающих соответствующим внутренним регулированием и надзорными механизмами. Отсутствие национального регулирования редактирования генома человека должно препятствовать проведению таких исследований в этой стране.

3. ВОЗ и другим организациям, в частности ЮНЕСКО, следует оказывать по мере необходимости помощь государствам-членам в разработке или адаптации национального регулирования, в том числе в тех случаях, когда страна хотела бы участвовать в исследованиях по редактированию генома, но не имеет соответствующего законодательства.

4. Для улучшения сбора данных о том, какие исследования по редактированию генома человека проводятся или планируются, ВОЗ создала Реестр клинических испытаний по редактированию генома человека с использованием платформы Международного регистра клинических испытаний. Клинические испытания с использованием редактирования генома человека должны рассматриваться и утверждаться соответствующим комитетом по этике исследований, а затем включаться в Реестр.

В соответствии со ст. 13 *Конвенции Овьедо* вмешательство, направленное на модификацию генома человека, может быть осуществлено только в профилактических, диагностических или терапевтических целях и только если оно не ставит своей целью изменение генома потомков данного человека. Иными словами, Конвенция

²³ How Gene Therapy Can Cure or Treat Diseases. U.S. Food and Drug Administration // URL: <https://www.fda.gov/consumers/consumer-updates/how-gene-therapy-can-cure-or-treat-diseases> (дата обращения: 20.09.2023).

²⁴ Human genome editing: position paper / WHO Expert Advisory Committee on Developing Global Standards for Governance and Oversight of Human. World Health Organization, 2021 // URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240030404> (дата обращения: 20.09.2023).

Овьедо допускает вмешательство в геном человека с целью модификации, но ограничивает его целями профилактики, диагностики и терапии.

В 2021 г. особенно остро встал вопрос о пересмотре данной статьи Конвенции Овьедо, который уже ранее обсуждался на заседаниях Руководящего комитета. В названной статье указаны случаи, при которых допустимо проводить модификацию генома человека, однако ничего не говорится про научные исследования, без проведения которых невозможно терапевтическое использование технологии.

Выводы и разъяснения по вопросу пересмотра ст. 13 Конвенции о правах человека и биомедицине, принятые Руководящим комитетом по биоэтике на первом пленарном заседании (31 мая — 3 июня 2022 г.), содержат следующие положения: «Принимая во внимание технические и научные аспекты этих разработок, а также этические вопросы, которые они поднимают, комитет счел, что условия для изменения положений ст. 13 не наступили. Вместе с тем комитет признал необходимостью дать разъяснения, в частности, в отношении терминов “профилактические, диагностические и терапевтические”, и избегать неправильного толкования применимости этого положения к “исследованиям”»²⁵. Разъяснения состоят в том, что положение ст. 13 Конвенции Овьедо, позволяющее проводить модификацию генома человека, применяется к вмешательствам, проводимым в научных исследованиях, так же как и в клинической практике. Таким образом, в научных исследованиях возможно вмешательство в геном человека, однако такие исследования

должны служить целям профилактики, диагностики, терапии заболеваний.

В *Рекомендации 2115 Парламентской Ассамблеи Совета Европы 2007 г. «Использование новых генетических технологий применительно к человеку»* подчеркивается: «Преднамеренное редактирование зародышевой линии в человеке пересекло бы черту, считающуюся этически неприкосновенной»²⁶.

Статья 6 *Директивы ЕС о правовой защите биотехнологических изобретений* исключает из патентоспособности «процессы изменения генетической идентичности зародышевой линии человека» как технологию, коммерческое применение которой противоречило бы общественному порядку или нравственности²⁷.

Учитывая значительные потенциальные преимущества соматической генной терапии в лечении заболеваний, *Комитет по этике HUGO в своем Заявлении по генно-терапевтическим исследованиям 2001 г.* поощряет продолжение исследований в области соматической генной терапии и вместе с тем рекомендует, чтобы все исследования проходили строгий контроль качества и безопасности и соответствовали международным этическим нормам²⁸.

По итогам Третьего Международного саммита по редактированию генома человека, организованного Королевским обществом, Академией медицинских наук Соединенного Королевства, Национальной академией наук и медицины США и Всемирной академией наук, было принято *Заявление Организационного комитета Третьего Международного саммита по редактированию генома человека*, которое содержит

²⁵ Intervention on the Human Genome. Re-examination process of article 13 of the Oviedo Convention. Conclusion and clarifications / Steering Committee for Human Rights in the field of Biomedicine and Health (CDBIO). June 2022 // URL: <https://rm.coe.int/cdbio-2022-7-final-clarifications-er-art-13-e-2777-5174-4006-1/1680a87953> (дата обращения: 20.05.2023).

²⁶ Parliamentary Assembly of the Council of Europe in Recommendation 2115 (2017). The use of new genetic technologies in human being. Text adopted by the Assembly on 12 October 2017 (35th Sitting) // URL: <https://assembly.coe.int/> (дата обращения: 20.09.2023).

²⁷ Directive 98/44/EC of the European Parliament and of the Council of 6 July 1998 on the legal protection of biotechnological inventions // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A31998L0044> (дата обращения: 20.09.2023).

²⁸ HUGO Ethics Committee — Statement on Gene Therapy Research // Eubios Journal of Asian and International Bioethics. 2001. Vol. 11. P. 98–99. URL: <https://www.eubios.info/GENTHER.htm> (дата обращения: 20.09.2023).

ряд положений, отражающих самые актуальные позиции представителей биомедицинского сообщества относительно использования технологий геномного редактирования в медицине:

1. Дальнейшие исследования, направленные на диверсификацию и повышение эффективности, специфичности и безопасности систем редактирования, необходимы для улучшения потенциальных вариантов лечения и обеспечения справедливого доступа к ним.

2. Системы здравоохранения и мировое сообщество в области здравоохранения должны быть готовы предоставить пациентам экономически эффективные, доступные и проверенные методы лечения. Терапия, основанная на соматическом редактировании генома, которая может помочь удовлетворить эти потребности, должна быть приоритетом для инвестиций в исследования.

3. Необходимо продолжить фундаментальные исследования с использованием редактирования генома человеческих эмбрионов.

4. Наследственное редактирование генома человека не должно применяться, если оно как минимум не отвечает разумным стандартам безопасности и эффективности, не санкционировано законом, не разработано и протестировано под строгим контролем при ответственно осуществляемом руководстве. В настоящее время эти условия не выполнены.

5. Был сделан призыв к продолжению диалога и международного сотрудничества в этой области²⁹.

Как докладывают авторы статьи Human germline gene editing: Recommendations of ESHG and ESHRE в журнале European Journal of Human Genetics, точка зрения *Европейского общества генетики человека и Европейского общества репродукции человека и эмбриологии* состоит в том, что общепринятая позиция о запрете наследственного редактирования должна под-

вергаться научной дискуссии: «Общества рекомендуют проводить дальнейшие исследования в этой области, поскольку данный подход обладает потенциалом для помощи людям с наследственными заболеваниями. Однако это внесет необратимые изменения в генетический состав потомства, поэтому любые исследования такого метода редактирования генов должны проходить под тщательным контролем и наблюдением. Только после того, как исследования подтвердят безопасность и эффективность метода, его можно будет использовать в клинической практике для помощи людям с наследственными заболеваниями. Необходимо предусмотреть возможность проведения дальнейших исследований, а также надлежащего общественного обсуждения»³⁰.

В связи с тем, что на настоящий момент ни одна страна не разрешила напрямую проводить редактирование зародышевой линии (наследственное редактирование), с учетом Конвенции Овьедо и актов мягкого права можно констатировать наличие международного консенсуса по запрету на репродуктивное редактирование зародышевой линии.

Исследования и применение геномных технологий должны быть ориентированы на благополучие и защиту интересов участников исследования. Любые медицинские исследования и использование медицинских технологий, в том числе геномных, должны соответствовать принципам преимущества блага над вредом и информированного согласия, которые указываются практически во всех актах в рассматриваемой сфере.

В медицинской этике *принцип преимущества блага над вредом* часто лаконично обозначают как принцип «не навреди». Этот принцип может формулироваться и через соотношение риск-польза. Принцип уходит корнями в профессиональную этику врача, еще в Клятве

²⁹ Statement from the Organising Committee of the Third International Summit on Human Genome Editing (8 March 2023) // URL: <https://royalsociety.org/news/2023/03/statement-third-international-summit-human-genome-editing/> (дата обращения: 20.09.2023).

³⁰ Wert G. de, Pennings G., Clarke A. et al. Human germline gene editing: Recommendations of ESHG and ESHRE // European Journal of Human Genetics. 2018. Vol. 26. P. 445–449. URL: <https://doi.org/10.1038/s41431-017-0076-0>.

Гиппократы содержались такие слова: «В какие бы дома я ни входил, я пойду в них на благо больных и буду воздерживаться от всякого добровольного акта зла»³¹. Женевская декларация Всемирной медицинской ассоциации, содержащая текст международной клятвы врачей, включает следующие слова: «Здоровье моего пациента будет моей первой заботой»³².

Нюрнбергский кодекс 1947 г. закрепил принцип преимущества блага над вредом сразу в нескольких статьях:

Статья 2: «Эксперимент должен приносить обществу положительные результаты, недостижимые другими методами или способами исследования; он не должен носить случайный, необязательный по своей сути характер».

Статья 5: «Ни один эксперимент не должен проводиться в случае, если а priori есть основания предполагать возможность смерти или инвалидизирующего ранения испытуемого».

Статья 6: «Степень риска, связанного с проведением эксперимента, никогда не должна превышать гуманитарной важности проблемы, на решение которой направлен данный эксперимент».

Хельсинкская декларация 1964 г. очень подробно раскрывает принцип преимущества блага над вредом в ст. 3, 4, 6, 17, 18, 21, 31, 32, 35. Такое внимательное отношение к содержанию данного принципа связано с тем, что документ посвящен этическим принципам проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта, где, естественно, важнейшее правило — предпринять все возможные меры, чтобы не навредить участнику исследования.

Роберто Андорно в работе «Принципы международного биоэтики» утверждает следующее:

«Цель взаимодействия врача и пациента — лечить, если это возможно, и обеспечить комфорт и заботу, когда излечение невозможно. Сложно определить должный уровень приносимого блага, т.к. это зависит от различных обстоятельств... Но ясно, что самый низкий уровень блага — это не-злонамеренность, то есть обязательство не причинять вред. В случае медицинских исследований, которые не выполняют терапевтической или профилактической функции для конкретного субъекта, предотвращение вреда становится доминирующим императивом»³³.

Международные этические руководящие принципы для исследований в области здоровья с участием людей Совета международных научно-медицинских организаций описывают руководящий принцип «Потенциальная индивидуальная польза и риски научных исследований» следующим образом:

«В случае, если изучаемые вмешательства или используемые процедуры могут принести пользу участникам, то риски являются приемлемыми при условии, что они сведены к минимуму и компенсируются перспективой потенциальной индивидуальной пользы, а имеющиеся доказательные данные свидетельствуют о том, что с учетом предвидимых рисков и пользы эффект данного вмешательства будет по меньшей мере таким же положительным, как и эффект любой общепринятой действенной альтернативы».

В случае, если изучаемые вмешательства и используемые процедуры не обещают участникам никакой потенциальной индивидуальной пользы, риски должны быть сведены к минимуму и должны быть надлежащими в сопоставлении с социальной и научной ценностью знаний, которые предполагается получить (ожидаемая

³¹ Hippocratic oath // Encyclopedia Britannica. 29 April 2023. URL: <https://www.britannica.com/topic/Hippocratic-oath> (дата обращения: 20.09.2023).

³² Принята 2-й Генеральной Ассамблеей Всемирной медицинской ассоциации, Женева, Швейцария, сентябрь 1948 г.; дополнена 22-й Всемирной медицинской ассамблеей, Сидней, Австралия, август 1968 г., 35-й Всемирной медицинской ассамблеей, Венеция, Италия, октябрь 1983 г. и 46-й Всемирной медицинской ассамблеей, Стокгольм, Швеция, сентябрь 1994 г.

³³ Andorno R. Principles of International Biolaw. Bruylant, 2013. P. 21. URL: https://www.academia.edu/4063596/Principles_of_international_biolaw (дата обращения: 20.05.2023).

польза для общества от знаний, представляющих всеобщий интерес)»³⁴.

Роберт Левин пишет: «Очевидно, что нетерапевтические процедуры не могут быть оправданы с точки зрения их ожидаемой пользы для пациента. Вместо этого они должны оправдываться теми благами, которые, как мы надеемся, будут приносить обществу. Объем риска, который может быть представлен уязвимым субъектам в результате применения невыгодных процедур, ограничивается так называемыми пороговыми стандартами»³⁵.

Принцип информированного согласия, также являющимся важнейшим в рассматриваемой сфере, кратко можно описать так: участники исследования должны быть полностью информированы о целях, методах и возможных рисках, связанных с исследованием, и должны добровольно соглашаться на участие.

На международном уровне данный принцип закреплен в ст. 5–9 Конвенции Овьедо, в п. 1 Нюрнбергского кодекса 1947 г., в ст. 6–7 Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека, в п. 9–11 Хельсинкской декларации 1964 г.

В 1999 г. Джесси Гелсингер, страдавший редким генетическим заболеванием, участвовал в клинических испытаниях новых методов геномной терапии. Он подписал согласие на участие в исследовании, которое в итоге привело к его смерти. Этот случай существенно повлиял на развитие принципа добровольного информированного согласия в области использования геномной медицины. FDA выяснило, что исследователи не раскрыли Джесси информацию о серьезных побочных эффектах у предыдущих пациентов и смертельных исходах у лаборатор-

ных обезьян. Это привело к серьезным нарушениям принципа информированного согласия, несмотря на то что Д. Гелсингер формально, через подписание документов, согласился на участие в исследовании геномной терапии³⁶. Этот случай привел к изменениям в организации исследований и более строгим требованиям к информированному согласию в различных странах. В США требования к информированному согласию подробно определены в ст. 50.25, 50.27 разд. 21 свода федеральных нормативных правовых актов (Code of Federal Regulations)³⁷. В России порядок дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства утверждается приказом Министерства здравоохранения РФ³⁸.

На основе приведенного обзора международных актов можно сделать вывод, что международное биомедицинское сообщество поддерживает использование технологий геномного редактирования в профилактических, диагностических, терапевтических и исследовательских целях при соблюдении нескольких условий:

- 1) редактирование генома не должно быть наследуемым;
- 2) технологии редактирования генома человека должны осуществляться в юрисдикциях, обладающих соответствующим внутренним регулированием и надзорными механизмами. Отсутствие национального регулирования редактирования генома человека должно препятствовать проведению таких исследований в этой стране;
- 3) технологии редактирования генома человека должны применяться в соответствии с

³⁴ Международные этические руководящие принципы для исследований в области здоровья с участием людей. С. 19.

³⁵ Biomedical Research Ethics: Updating International Guidelines: A Consultation / The Council for International Organizations of Medical Sciences (CIOMS). 2000. P. 9 // URL: <https://cioms.ch/publications/product/biomedical-research-ethics-updating-international-guidelines-a-consultation/> (дата обращения: 20.09.2023).

³⁶ Steinbrook R. The Gelsinger case // The Oxford Textbook of Clinical Research Ethics / ed. by J. E. Ezekiel. Oxford University Press, 2008. P. 110–119.

³⁷ Sec. 50.25, 50.27. Title 21. Code of Federal Regulations // Electronic Code of Federal Regulations (eCFR). URL: <https://www.ecfr.gov/> (дата обращения: 20.09.2023).

³⁸ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. № 263. 23.11.2011.

международными стандартами, в частности с учетом принципа преимущества блага над вредом и при обязательном соблюдении принципа информированного согласия.

Выводы

Субъектами, формирующими международные стандарты в сфере использования геномных технологий в медицине, являются не только государства и международные организации, но и международные неправительственные организации, которые активно участвуют в формировании нормативного регулирования применения геномных технологий на международном уровне.

Из приведенного обзора можно сделать вывод, что в биомедицинском сообществе — как в международных документах, так и в работах

ученых — превалирует позиция о необходимости поощрения геномных исследований и допустимости использования проверенных геномных технологий в медицине. Так, технологии редактирования генома могут широко применяться в терапевтических и научных целях при условии отсутствия критерия передачи соответствующих геномных изменений наследникам. Эта деятельность должна осуществляться в соответствии с международными профессиональными и этическими стандартами, в том числе при соблюдении принципов преимущества блага над вредом и информированного согласия. Дискуссии относительно допустимости наследственной модификации генома человека продолжаются. Превалирует идея о необходимости проведения исследований, но неприменения такой технологии, т.к. на данный момент она не отвечает разумным стандартам безопасности и эффективности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы современного международного права : материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции, г. Москва, 8–9 апреля 2011 г. : в 2 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселева. — Ч. II. — М., 2012. — 508 с.
2. *Andorno R.* Principles of International Biolaw. Bruylant, 2013. — URL: https://www.academia.edu/4063596/Principles_of_international_biolaw (дата обращения: 20.05.2023).
3. *Wert G. de, Pennings G., Clarke A.* et al. Human germline gene editing: Recommendations of ESHG and ESHRE // *European Journal of Human Genetics* 26. 2018. — P. 445–449. — URL: <https://doi.org/10.1038/s41431-017-0076-0>.
4. *Isasi R., Kleiderman E., Knoppers B. M.* Genetic technology regulation. Editing policy to fit the genome? // *Science*. — 2016. — DOI: 10.1126/science.aad6778. PMID: 26797999.
5. *Kolata G., Wee S.-L., Belluck P.* Chinese Scientist Claims to Use Crispr to Make First Genetically Edited Babies // *The New York Times*. — November 26, 2018. — URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/26/health/gene-editing-babies-china.html> (дата обращения: 20.09.2023).
6. *Steinbrook R.* The Gelsinger case // *The Oxford Textbook of Clinical Research Ethics*. ed. by J. E. Ezekiel. — Oxford University Press, 2008. — P. 110–119.
7. *Szazi E.* NGOs: legitimate subjects of international law. Leiden University Press, 2012. — URL: <https://hdl.handle.net/1887/27376> (дата обращения: 20.09.2023).

Материал поступил в редакцию 26 декабря 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aktualnye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava: materialy ezhegodnoy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Moskva, 8–9 aprelya 2011 g: v 2 ch. / otv. red. A. Kh. Abashidze, E. V. Kiseleva. — Ch. II. — M., 2012. — 508 s.
2. Andorno R. Principles of International Biolaw. Bruylant, 2013. — URL: https://www.academia.edu/4063596/Principles_of_international_biolaw (data obrashcheniya: 20.05.2023).
3. Wert G. de, Pennings G., Clarke A. et al. Human germline gene editing: Recommendations of ESHG and ESHRE // European Journal of Human Genetics 26. 2018. — P. 445–449. — URL: <https://doi.org/10.1038/s41431-017-0076-0>.
4. Isasi R., Kleiderman E., Knoppers B. M. Genetic technology regulation. Editing policy to fit the genome? // Science. — 2016. — DOI: 10.1126/science.aad6778. PMID: 26797999.
5. Kolata G., Wee S.-L., Belluck P. Chinese Scientist Claims to Use Crispr to Make First Genetically Edited Babies // The New York Times. — November 26, 2018. — URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/26/health/gene-editing-babies-china.html> (data obrashcheniya: 20.09.2023).
6. Steinbrook R. The Gelsinger case // The Oxford Textbook of Clinical Research Ethics. ed. by J. E. Ezekiel. — Oxford University Press, 2008. — P. 110–119.
7. Szazi E. NGOs: legitimate subjects of international law. Leiden University Press, 2012. — URL: <https://hdl.handle.net/1887/27376> (data obrashcheniya: 20.09.2023).

Позитивные и негативные обязательства по защите прав человека: вопросы классификации

Аннотация. Понятия «позитивные обязательства» и «негативные обязательства» прочно вошли в оборот межгосударственных органов по защите прав человека. Анализ международных документов показывает, что ряд обязательств несут в себе черты как позитивных, так и негативных обязательств. Классификация, в основе которой лежит разграничение между невмешательством государства и принятием мер, имеет ряд недостатков, на которые указывают исследователи, предлагающие свои, более сложные виды классификации обязательств, основанные на иных критериях. В результате исследования выявлен ряд противоречий между классификациями и толкованием содержания обязательств договорными органами, что объясняет нецелесообразность использования данных классификаций в качестве инструмента для предоставления государствам руководства в вопросе выбора наиболее эффективных способов выполнения своих обязательств по международным договорам о правах человека. На основе системного и сравнительно-правового анализа Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, а также связанных с ними актов договорных органов автор делает вывод о том, что обязательства по защите прав человека могут иметь смешанный (или комплексный) характер.

Ключевые слова: международное право; права человека; международная защита прав человека; Международный пакт о гражданских и политических правах; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах; позитивные обязательства; негативные обязательства; смешанные обязательства; тройная классификация; дихотомия; невмешательство; принятие мер.

Для цитирования: Бородина Е. А. Позитивные и негативные обязательства по защите прав человека: вопросы классификации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 190–199. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.190-199.

Positive and Negative Obligations for Human Rights Protection: Classification Issues

Elizaveta A. Borodina, Deputy Director, Institute of Public Law and Management, Senior Lecturer, Department of English, Postgraduate Student, Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
elizaveta.borodina@gmail.com

Abstract. The concepts of «positive obligations» and «negative obligations» have come into usage in interstate bodies for the protection of human rights. An analysis of international documents shows that a number of obligations contain features of both positive and negative obligations. The classification, which is based on the distinction between state non-intervention and its taking measures, has a number of shortcomings, which are

© Бородина Е. А., 2024

* Бородина Елизавета Андреевна, заместитель директора Института публичного права и управления, старший преподаватель кафедры английского языка, соискатель кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
elizaveta.borodina@gmail.com

pointed out by researchers who propose their own, more complex types of classification of obligations based on other criteria. The study revealed a number of contradictions between the classifications and interpretation of the content of obligations by treaty bodies, which explains the inappropriateness of using these classifications as a tool to provide guidance to states in choosing the most effective ways to fulfill their obligations under international human rights treaties. Based on a systematic and comparative legal analysis of the International Covenant on Civil and Political Rights and the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, as well as related acts of treaty bodies, the author concludes that obligations to protect human rights may have mixed (or complex) nature.

Keywords: international law; human rights; international protection of human rights; International Covenant on Civil and Political Rights; International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights; positive obligations; negative obligations; mixed obligations; triple classification; dichotomy; non-interference; taking action.

Cite as: Borodina EA. Positive and Negative Obligations for Human Rights Protection: Classification Issues. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):190-199. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.190-199.

Теоретические и юридические представления об обязательствах государства по защите прав человека развивались и детализировались под эгидой Организации Объединенных Наций в рамках универсальной системы защиты прав человека.

В процессе разработки международных пактов, посвященных правам человека, западные капиталистические государства и социалистические государства разошлись во мнении относительно юридического характера обязательств государств по реализации различных категорий прав человека. В связи с этим в 1966 г. было принято два международных документа: Международный пакт о гражданских и политических правах¹ (далее — МПГПП) и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах² (далее — МПЭСКП). Данные акты составляют Международный билль о правах человека и являются нормативной основой универсальной системы защиты прав человека³.

Ключевые положения МПГПП и МПЭСКП, устанавливающие всеобъемлющие юриди-

ческие обязательства государств-участников, существенно различаются.

Юридические обязательства государств — участников МПГПП определены в п. 1 ст. 2, которая предусматривает обязательство не только уважать, но и обеспечивать всем лицам, находящимся «в пределах его территории и под его юрисдикцией права, признаваемые в настоящем Пакте, без какого бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства». Требование, таким образом, категорическое и обязательное к немедленному исполнению, и его несоблюдение не может быть оправдано государствами какими бы то ни было внутренними соображениями политического, социального, культурного или экономического характера⁴. Напротив, положения МПЭСКП предоставили государствам-участникам большую гибкость в обеспечении экономических, социальных и

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) ГА ООН (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 13.01.2023).

² Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) ГА ООН (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 13.01.2023).

³ Абашидзе А. Х. Юридический характер обязательств государств — участников международных пактов о правах человека // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2009. № 5. С. 209–210.

⁴ Замечание общего порядка № 31 «Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участники Пакта», принятое КПЧ (26 мая 2004 г.). CCPR/C/21/Rev.1/Add.13 // URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom31.html> (дата обращения: 12.11.2022).

культурных прав, предусматривая их «постепенное осуществление» с учетом специфики правовых и административных систем каждого государства. При этом возможность «постепенного осуществления» не меняет сам характер юридических обязательств государств, требующих предпринять некоторые шаги немедленно, а другие — как можно скорее⁵.

В доктрине выделяют два вида обязательств государства по защите прав человека: негативные — обязательства по невмешательству в осуществление права (например, не подвергать человека пыткам) и позитивные — обязательства по принятию мер, способствующих реализации права (например, принятие закона об образовании)⁶. Данная классификация используется договорными органами ООН и международными судебными органами по защите прав человека. Традиционно считается, что юридические обязательства, налагаемые МПГПП и МПЭСКП, тоже могут быть негативными и позитивными.

Целью статьи является анализ позитивных и негативных обязательств, налагаемых на государства-участников указанными документами, и исследование вопроса, насколько четко они отграничены друг от друга и насколько возможно наличие смешанных, позитивно-негативных, или переходных, обязательств. Это необходимо для более правильного понимания нормативного характера прав, поскольку, по мнению некоторых западных правоведов, многие из них охватывают целый спектр юридических обязательств, плавно переходящих от «негативных» к «позитивным»⁷. Анализ был выполнен на основе актов Комитета по правам человека (КПЧ) и Комитета по экономическим, социальным и

культурным правам (КЭСКП). Именно в актах, принимаемых договорными органами, детализируется содержание обязательств, отражается их применимость к ситуациям в конкретных государствах-участниках и содержится информация о том, как государства-участники выполняют свои обязательства по МПГПП и МПЭСКП. В связи с этим анализ применимой типологии обязательств необходим для понимания целесообразности ее использования в качестве аналитического инструмента для предоставления четкого и авторитетного руководства государствам для выбора наиболее действенных способов выполнения своих обязательств и обеспечения соответствия принимаемых мер нормам международных договоров по правам человека⁸.

Методологическую основу исследования составили диалектический метод, сравнительно-правовой и метод системного анализа.

Определение юридических обязательств в целом и позитивных обязательств в частности было дано Комитетом по правам человека в Замечании общего порядка № 31 «Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участников Пакта» (2004) к ст. 2 МПГПП, заменившем собой Замечание № 3 «Осуществление на национальном уровне» (1981).

КПЧ определил комплексный характер юридических обязательств государства, которые включают в себя и негативную, и позитивную составляющие: «Юридическое обязательство по пункту 1 статьи 2 является одновременно негативным и позитивным по своей природе...»⁹. Позитивные обязательства представляют собой комплекс мер (законодательных,

⁵ Маастрихтские руководящие принципы, касающиеся нарушений экономических, социальных и культурных прав (Маастрихт, 22–26 января 1997 г.). E/C.12/2000/13 // URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=4slQ6QSmIBEDzFEovLCuW1AVC1NkPsgUedPIF1vfPMKYgDHGeM4eb%2Fvmh1NjnScpCYH%2BsjupIVQ%2Bo5%2FT9w%2B2MzZOItxlfcM6CGBISnn204nZ2w9%2BXEAeA3WgpEGyLZfo> (дата обращения: 27.11.2022).

⁶ Droge C. Positive Verpflichtungen der Staaten in der Europäischen Menschenrechtskonvention. Heidelberg : Springer, 2003. P. 381–382.

⁷ Koch I. E. Dichotomies, trichotomies or waves of duties? // Human Rights Law Review. 2005. № 5. P. 81.

⁸ Солнцев А. М., Конева А. Е. Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах // Международное правосудие. 2013. № 4 (8). С. 82–93.

⁹ Замечание общего порядка № 31. П. 6.

судебных, административных), направленных на защиту прав человека от нарушений со стороны государства и частных лиц¹⁰. В общих чертах позитивные обязательства подразумевают обязанность государства что-то осуществлять, тогда как негативные — обязанность чего-то не допускать, воздерживаться от нарушения признаваемых прав.

Положение о том, что нарушение права может быть следствием поведения государства или частных лиц, а также может иметь причину, не вытекающую из непосредственного действия государства или частных лиц, поддерживается некоторыми исследователями¹¹. Так, К. Дроге классифицирует позитивные обязательства государств на две группы: обязательства по защите прав человека от нарушений, совершаемых частными лицами (как мы далее увидим, не только частными), и обязательства по эффективному осуществлению прав человека в социальной реальности, выполнение которых требует от государства содействия путем принятия мер¹². Первую группу обязательств можно, как представляется, охарактеризовать как лишь частично позитивную, поскольку она призвана также и «не допускать» нарушения.

Как негативные, так и позитивные черты присущи обязательствам государств по соблюдению принципа недискриминации, который, по мнению КПЧ, представляет собой основополагающий и общий принцип защиты прав человека¹³. Пункт 1 ст. 2 МПГПП, как уже сказано, закрепляет обязательство государств-участников уважать и обеспечивать права любого человека независимо от расы, национальности, религии, убеждений и т.д. Обязательство «обеспечивать права» является позитивным и подразумевает

принятие мер, которые государства-участники сочтут необходимыми для реализации соответствующих положений¹⁴, но вместе с тем имеет и черты негативного — «уважать права», т.е. не допускать дискриминации.

Обязательства государств по соблюдению принципа недискриминации также вытекают из ст. 26 МПГПП, которая закрепляет право на защиту законом без какой-либо дискриминации и принцип равенства всех людей перед законом. Как уточняет КПЧ в Замечании общего порядка № 18, данная статья содержит запрет формальной и фактической дискриминации во всех областях, подлежащих регулированию государственных органов¹⁵, и, таким образом, возлагает на государства-участников обязательство по приведению их законодательства в соответствие с принципом недискриминации. Устранение фактической дискриминации, как уточняет КПЧ, требует от государств-участников принятия активных практических мер, направленных на сглаживание или исправление условий, в которых лица подвергаются дискриминации¹⁶.

Вместе с тем статья 26 МПГПП также несет в себе элементы не только позитивного, но и негативного обязательства: «Всякого рода дискриминация должна быть запрещена законом, и закон должен гарантировать всем лицам равную и эффективную защиту против дискриминации по какому бы то ни было признаку...» Таким образом, налицо и позитивная составляющая — «гарантировать всем лицам равную и эффективную защиту» (что сложно представить без принятия активных мер), и негативная — «дискриминация должна быть запрещена законом» (не допускать дискриминации во всех областях государственного регулирования).

¹⁰ Замечание общего порядка № 31. П. 8.

¹¹ Lavrysen L. Human rights in a positive state. Cambridge : Intersentia, 2016. P. 4.

¹² Droge C. Op. cit. P. 382.

¹³ Замечание общего порядка № 18 «Недискриминация», принятое КПЧ (1989 г.) // URL: <http://humanrights.unhcr.org/russian/gencomm/Rhrcom18.html> (дата обращения: 13.01.2023).

¹⁴ Замечание общего порядка № 20 (2016) об осуществлении прав ребенка в подростковом возрасте. П. 4 // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g16/404/48/pdf/g1640448.pdf?token=Lfc82h3jYluOo3ghrh&fe=true>.

¹⁵ Замечание общего порядка № 18. П. 12.

¹⁶ Замечание общего порядка № 18. П. 10.

Нарушение государством-участником своих обязательств по соблюдению принципа недискриминации было установлено КПЧ в Соображениях, принятых относительно сообщения № 2348/2014¹⁷, по делу «Туссен против Канады». Н. Туссен утверждала, что государство-участник не выполнило своих обязательств по ст. 2 (п. 1 и 3а), 6 (право на жизнь) и 26 (запрет дискриминации) МПГПП, отказавшись предоставить ей доступ к медицинской помощи, необходимой для защиты ее жизни и здоровья, на основании ее неурегулированного иммиграционного статуса.

Нарушение государством-участником негативных обязательств — положений ст. 26 — было установлено в связи с неспособностью государства предотвратить формальную дискриминацию в сфере здравоохранения, подлежащей регулированию государственных органов. Государство не выполнило и своих позитивных обязательств, поскольку не предоставило заявительнице тот же уровень защиты, что и лицам, обладающим правовым статусом в стране, имея заключение федеральных судов о том, что ее жизнь подверглась серьезной угрозе в связи с отказом в предоставлении необходимого страхового покрытия. Негативные обязательства тесно переплетаются с позитивными, поскольку для выполнения тех и других от государства-участника требуются похожие действия — приведение своего законодательства в соответствие с принципом недискриминации. Таким образом, можно говорить о существовании обязательств, имеющих смешанный характер.

Следующим немаловажным аспектом, формирующим обязательства государств, является

вопрос предоставления средств правовой защиты. По мнению КПЧ, позитивные обязательства процессуального характера занимают центральное место в обеспечении эффективности реализации как гражданских и политических прав, так и экономических, социальных и культурных прав, а их невыполнение государством-участником может стать отдельным нарушением Пакта¹⁸.

В соответствии с п. 3 ст. 2 МПГПП, на государства-участников возложено обязательство предоставить любым лицам доступные и эффективные средства судебной защиты для восстановления нарушенных прав. Обязательство включает принятие ряда позитивных мер: создание надлежащих судебных и административных механизмов для рассмотрения жалоб на нарушение прав во внутреннем законодательстве; проведение тщательного и эффективного расследования с помощью независимых и беспристрастных судебных органов; обеспечение возмещения лицам, права которых были нарушены; принятие временных или промежуточных мер для недопущения продолжения нарушений, а также привлечение к судебной ответственности лиц, виновных в нарушениях прав человека¹⁹. Впрочем, и это обязательство носит некоторые черты негативного: по мнению КПЧ, его выполнение может потребовать от государств-участников предупреждения повторения подобных нарушений в будущем; это уже скорее негативное действие — недопущение нарушения права на защиту со стороны кого-либо.

Переплетение позитивных и негативных обязательств присутствует в деле «Брюханов против Российской Федерации»²⁰. КПЧ принял к сведению

¹⁷ Соображения, принятые КПЧ 24 июля 2018 г. относительно сообщения № 2348/2014, Туссен против Канады (CCPR/C/123/D/2348/2014) // URL: <https://juris.ohchr.org/Search/Details/2541> (дата обращения: 13.01.2023). п. 12.

¹⁸ Соображения, принятые КПЧ 14 июля 2020 г. относительно сообщения № 2367/2014, Брюханов против Российской Федерации // URL: <https://juris.ohchr.org/Search/Details/2823> (дата обращения: 13.01.2023).

¹⁹ Замечание общего порядка № 31. П. 15–18.

²⁰ Соображения Комитета по правам человека от 12.03.2020 по делу «Евгений Брюханов против Российской Федерации» (сообщение № 2367/2014) // Обзор практик межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека (подготовлен Верховным Судом РФ). 2020. № 9. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366877/5ab006cb07782e2dd9c13dba97a7ccff5d4ea1eb/ (дата обращения: 02.04.2023).

нию утверждения Брюханова о нарушении его права на вызов и допрос свидетелей, давших показания против него в ходе предварительного следствия. КПЧ счел, что были нарушены права, предусмотренные пунктом 3(е) ст. 14 МПГПП, и пришел к выводу, что государство-участник обязано предоставить заявителю адекватную компенсацию за совершенные нарушения, а также принять все необходимые меры для недопущения подобных нарушений в будущем. Таким образом, на государство-участника были наложены как однозначно позитивные (предоставить компенсацию), так и смешанные обязательства («принять меры» — формулировка, подходящая к позитивному обязательству, но продолжение — «для недопущения в будущем» — скорее можно трактовать как негативное).

Практика Комитета по экономическим, социальным и культурным правам имеет свои особенности толкования обязательств. В своих замечаниях общего порядка, посвященных конкретным правам, КЭСКП классифицирует все обязательства с точки зрения их содержания на общие, конкретные и основные²¹.

Конкретные обязательства государств (specific obligations) формулируются КЭСКП с учетом общепризнанной в международном праве прав человека тройной классификации обязательств государств: «обязательство уважать», «обязательство защищать» и «обязательство осуществлять». В соответствии с п. 6 Маастрихтских руководящих принципов, касающихся нарушений экономических, социальных и культурных прав (1997), «обязательство уважать» требует от государств воздерживаться от вмешательства в права человека, «обязательство

защищать» требует от государств принятия мер по предотвращению нарушения прав человека третьими сторонами, а «обязательство осуществлять» — принятия надлежащих законодательных, административных, бюджетных, судебных и иных мер, направленных на полное осуществление прав человека.

Эта классификация была предложена Г. Шу²² и получила развитие в работах специального докладчика по вопросу о праве на питание А. Эйде²³. А. Эйде предложил рассматривать обязательства государств по соблюдению прав человека на трех уровнях, начиная с «малозатратного» и пассивного «обязательства уважать», постепенно переходя к более активным и дорогостоящим «обязательству защищать» и «обязательству осуществлять»²⁴.

Отметим, что эта классификация обязательств государств была внедрена в практику договорных органов ООН в качестве замены спорной дихотомии «негативные/позитивные», вытекающей из традиционного отличия гражданских и политических прав (конкретных, недорогостоящих и подлежащих немедленному осуществлению) от экономических, социальных и культурных прав (расплывчатых, ресурсоемких и подлежащих постепенной реализации).

Некоторые западные правоведы указывают на то, что использование тройной классификации (вместо двойной), способствует более тонкому пониманию нормативного характера двух поколений прав, исходя из того, что оба охватывают целый спектр юридических обязательств, плавно переходящих от «негативных» к «позитивным»²⁵. Таким образом, данная классификация служит средством наведения мостов между двумя группами прав, подтверждая универсаль-

²¹ В английском варианте используются термины: general (общие), core (основные) и specific (конкретные).

²² Shue H. Basic Rights: Subsistence, Affluence, and U. S. Foreign Policy. Princeton : Princeton University Press, 1980. P. 52–60.

²³ Доклад «Право на достаточное питание как одно из прав человека», подготовленный А. Эйде. (7 июля 1987 г.) UN Doc. E/CN.4/Sub.2/1987/23 // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/139080> (дата обращения: 07.11.2022).

²⁴ Eide A. Realization of Social and Economic Rights and the Minimum Threshold Approach // Human Rights Law Journal. 1989. № 10. P. 35.

²⁵ Koch I. E. Op. cit. P. 81.

ность, неделимость и взаимозависимость всех прав человека²⁶.

Рассмотрим, как эти две классификации в теории соотносятся друг с другом.

Тогда как «обязательство уважать» является по своей природе преимущественно негативным — «не допускать вмешательства в права» (как и обязательство «не допускать дискриминации»), «обязательство защищать» часть авторов признает исключительно позитивным, но нам представляется, что это не совсем так. Как утверждает уже упомянутая нами К. Дроге, нарушение права может быть следствием поведения третьего лица. Исследователь классифицирует позитивные обязательства государств на две группы, одна из которых относится к горизонтальному измерению, т.е. защите прав человека от нарушений, совершаемых третьими лицами. Таким обязательствам присущ элемент обязательства негативного — «не допускать нарушений третьими лицами», поэтому эта группа обязательств представляется нам смешанной. Наконец, «обязательство осуществлять» права человека в социальной реальности относится к социальному измерению, выполнение его требует от государства принятия позитивных мер²⁷, поэтому оно носит полностью позитивный характер.

Несмотря на широкое применение в практике комитетов, тройная классификация подвергается критике, поскольку ее уровни не всегда можно четко разграничить, и ряд мер, принятие которых требуется от государств-участников, договорные органы относят одновременно к нескольким уровням²⁸.

Например, «обязательство уважать» в соответствии с первоначальной моделью, разработанной А. Эйде, касалось материальных ресурсов, доступных отдельному лицу, то есть ресурсов, принадлежащих этому лицу²⁹. Однако в замечаниях общего порядка КЭСКП действие этого обязательства распространяется и на государственные ресурсы и услуги, благодаря чему данное обязательство приобретает более «позитивный» характер, чем предполагалось изначально. Так, в Замечании общего порядка № 12 о праве на достаточное питание КЭСКП подчеркивает, что обязательство уважать существующий доступ к достаточному питанию требует от государств-участников не принимать никаких мер, препятствующих такому доступу³⁰. В этом контексте «обязательство уважать» имеет ярко выраженный негативный характер, но в Замечании общего порядка № 14 о праве на наивысший достижимый уровень здоровья похожее обязательство приобретает черты позитивного. КЭСКП формулирует «обязательство уважать» следующим образом: «государства несут обязанность уважать право на здоровье, в частности воздерживаясь от принятия мер, закрывающих или ограничивающих равный доступ всем»³¹. В Замечании общего порядка № 14 КЭСКП осторожно применяет глагол «воздерживаться», что, безусловно, может быть истолковано как формулировка, предполагающая «негативное» обязательство. Тем не менее приведенный отрывок может быть интерпретирован как означающий, что, по мнению КЭСКП, «обязательство уважать» требует от государств-участников поддерживать существующее снабжение и гарантировать всем

²⁶ Венская декларация и Программа действий, принятая на Всемирной конференции по правам человека (Вена, 25 июня 1993 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения: 13.01.2023). П. 5.

²⁷ Droge C. Op. cit. P. 382.

²⁸ Koch I. E. Op. cit. P. 90.

²⁹ Eide A., Krause C., Rosas A. Economic, Social and Cultural rights as Human Rights. Boston : M. Nijhoff Publishers, 1995. P. 23.

³⁰ Замечание общего порядка № 12 о праве на достаточное питание, принятое КЭСКП (12 мая 1999 г.). П. 15 // URL: <http://humanrts.umn.edu/russian/gencomm/Repcomm12s.html> (дата обращения: 09.10.2023).

³¹ Замечание общего порядка № 14 о праве на наивысший достижимый уровень здоровья, принятое КЭСКП (11 августа 2000 г.). П. 34 // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolNo=E%2FC.12%2F2000%2F4&Lang=en (дата обращения: 09.10.2023).

лицам равный доступ к праву в независимости от того, на каком уровне оно предоставляется. При таком рассмотрении «обязательство уважать» действительно приобретает «позитивный» и ресурсоемкий характер и уже отличается от традиционного «негативного» и «малозатратного» обязательства не вмешиваться в собственные ресурсы людей.

В Замечании общего порядка № 26 о земле и экономических, социальных и культурных правах к «обязательству уважать» КЭСКП относит обязанность государства по предоставлению всем людям разумной степени защиты прав владения и пользования землей, а также предоставление гарантий правовой защиты от принудительных выселений³². Таким образом, обязательство описывается как активное и «позитивное» усилие, направленное на защиту права населения на владение землей, как минимум требующее принятия соответствующего законодательства. Такие «позитивные» и ресурсоемкие меры имеют мало общего с невмешательством.

Продолжая описывать меры, относящиеся к «обязательству уважать» право на владение и пользование землей, КЭСКП уточняет, что соответствующие органы должны обеспечивать, чтобы выселение проводилось исключительно на основе законодательства, совместимого с Пактом, и с соблюдением общих принципов целесообразности и соразмерности законной цели выселения с последствиями выселения для затрагиваемых лиц³³. Для выполнения данного позитивного обязательства требуется: а) принятие соответствующего законодательства, б) создание институциональных механизмов для контроля за осуществлением права, что тоже, в свою очередь, является позитивными мерами. Таким образом, можно сделать вывод, что даже негативное «обязательство уважать» не всегда приравнивается к невмешательству и

в некоторых случаях требует позитивных мер, что подтверждается практикой КЭСКП.

Положение о том, что права человека порождают целый спектр обязательств, плавно переходящих от «негативных» к «позитивным», также прослеживается в практике Европейского Суда по правам человека, который имеет давнюю традицию давать расширенное толкование гражданским и политическим правам, закрепленным в Европейской конвенции о правах человека (ЕКПЧ), выделяя «позитивные» элементы в их нормативном содержании. В отличие от КЭСКП, ЕСПЧ не применяет тройную классификацию обязательств государств, но, как показывает практика, эти два органа имеют сходные представления о комплексном характере обязательств государств в области прав человека, и для сравнения стоит рассмотреть, каким образом ЕСПЧ решил проблему типологии и пересекающихся обязательств.

В деле «Кипр против Турции» ЕСПЧ рассмотрел вопрос нарушения ст. 2 Протокола № 1 в связи с непредоставлением турецко-кипрскими властями кипрским детям возможности получать среднее школьное образование на греческом (родном) языке в северной (турецкой) части Кипра³⁴. Средние учебные заведения, ранее доступные для детей киприотов-греков, были упразднены властями киприотов-турок, и введенные ими ограничения препятствовали тому, чтобы дети посещали школы в южной (греческой) части Кипра. Соответственно, их единственной возможностью продолжить образование стало посещение турецких или англоязычных школ на севере Кипра. ЕСПЧ постановил, что неспособность турецко-кипрских властей предоставить детям киприотов-греков возможности для продолжения образования на родном языке является отказом в удовлетворении рассматриваемого права. Соответственно, ЕСПЧ

³² Замечание общего порядка № 26 о земле и экономических, социальных и культурных правах, принятое КЭСКП (2022 г.). П. 23 // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2FC.12%2FGC%2F26&Lang=ru (дата обращения: 24.05.2023).

³³ Замечание общего порядка № 26. П. 23.

³⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 10.05.2001 «Кипр против Турции (Cyprus v. Turkey)» (жалоба № 25781/94) // URL: <https://base.garant.ru/12130017/> (дата обращения: 09.10.2023).

пришел к выводу, что имело место нарушение ст. 2 Протокола № 1.

Решение ЕСПЧ носит характер запрета вмешательства в пользование ранее доступным ресурсом — средним школьным образованием на греческом языке. С точки зрения тройной классификации обязательств, используемой КЭСКО, государство нарушило свое «обязательство уважать». Однако, поскольку практические последствия решения касаются возможностей турецко-кипрских властей свободно распоряжаться своим бюджетом, выполнение «негативного» обязательства в конечном итоге требует принятия «позитивных» мер. При этом в своем решении ЕСПЧ не относит обязательства государства к той или иной категории и просто признает, что обязательство включает в себя элементы обеих.

ЕСПЧ активно применяет дихотомическую терминологию³⁵, но в то же время соглашается, что некоторые обязательства не поддаются классификации на чисто «позитивные» и «негативные». Так, в деле «Пиберник против Хорватии», касающемся неспособности хорватских властей выполнить постановление о выселении, в результате чего заявительница была лишена возможности проживать в своем доме на протяжении нескольких лет, ЕСПЧ постановил следующее: принимая во внимание, что основной целью ст. 8 является защита лица от произвольного вмешательства властей, позитивные обязательства могут быть неотъемлемой частью эффективного уважения прав заявителя, защищаемых в соответствии со ст. 8. Однако границы между позитивными и негативными обязательствами, вытекающими из ст. 8, не всегда поддаются точному определению³⁶.

Приведенная практика доказывает, что ЕСПЧ признает существование и взаимосвязь «позитивных» и «негативных» обязательств, а

также тот факт, что границы между ними трудно-различимы и носят условный характер. Одновременно с этим при рассмотрении дел ЕСПЧ воздерживается от попыток категоризации обязательств, и отсутствие четких границ между двумя группами обязательств не становится препятствием для принятия решений.

Некоторые исследователи ставят под вопрос само существование негативных обязательств³⁷, указывая на то, что не бывает обязательств по невмешательству, не требующих принятия каких-либо «позитивных» мер. Как справедливо отмечают Холмс и Санстейн, все права человека «позитивны» в том смысле, что их реализация влечет за собой последствия для государственного бюджета³⁸. Для надлежащего выполнения своих обязательств по невмешательству государству нужно позаботиться о том, чтобы государственные служащие получили необходимую профессиональную подготовку и инструктаж в части содержания таких обязательств, а также создать механизмы для мониторинга и контроля за соблюдением прав человека, что непременно сказывается на государственных ресурсах. В ходе исследования практики КПЧ и КЭСКО, а также примеров из прецедентного права ЕСПЧ были выявлены случаи, когда реализация обязательства по невмешательству требовала принятия позитивных мер с выделением средств из государственного бюджета.

Представляется возможным сделать вывод о том, что деление обязательств государств — участников МПГПП и МПЭСКО исключительно на позитивные и негативные является упрощением, что существует ряд обязательств смешанного характера, несущих в себе черты негативных и позитивных, и что в некоторых случаях договорные органы и исследователи прямо или косвенно это признают.

³⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 11.05.2004 «Морсинк против Нидерландов (Morsink v. Netherlands)» (жалоба № 48865/99) // URL: <https://base.garant.ru/55022068/> (дата обращения: 09.10.2023).

³⁶ Постановление Европейского Суда по правам человека от 04.03.2004 «Пиберник против Хорватии (Pibernik v. Croatia)» (жалоба № 75139/01) // URL: <https://base.garant.ru/12130017/> (дата обращения: 09.10.2023).

³⁷ Koch I. E. Op. cit. P. 98.

³⁸ Holmes S., Sunstein Cass R. The Cost of Rights: Why Liberty Depends on Taxes. New York/London : W. W. Norton, 1999. P. 35–48.

Тройная классификация обязательств, предложенная Г. Шу и А. Эйде в качестве альтернативы дихотомии «позитивные/негативные», малоприменима для применения в качестве аналитического инструмента, поскольку лежащее в ее основе положение о том, что невмешательство в осуществление прав требует меньшего количества усилий и ресурсов от государств-участников, чем предоставление товаров и услуг, на сегодняшний

день является несостоятельным. Анализ практики КПЧ и КЭСКП показал, что негативное «обязательство уважать» не всегда приравнивается к невмешательству и в ряде случаев требует принятия позитивных мер. Так, создание институциональных механизмов для контроля за осуществлением прав человека — необходимое условие для надлежащего выполнения государством своих обязательств на каждом из трех уровней.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абашидзе А. Х.* Юридический характер обязательств государств — участников международных пактов о правах человека // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». — 2009. — № 5. — С. 209–222.
2. *Солнцев А. М., Конева А. Е.* Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах // Международное правосудие. — 2013. — № 4 (8). — С. 82–93.
3. *Droge C.* Positive Verpflichtungen der Staaten in der Europäischen Menschenrechtskonvention. — Heidelberg : Springer, 2003. — 434 p.
4. *Fredman S.* Human Rights Transformed: Positive Duties and Positive Rights. — New York : Oxford University Press, 2008. — 412 p.
5. *Hunt P.* Interpreting the International Right to Health in a Human Rights-Based Approach to Health // Health and human rights Journal. — 2016. — Vol. 18. — № 2. — P. 109–130.
6. *Koch I. E.* Dichotomies, trichotomies or waves of duties? // Human Rights Law Review. — 2005. — № 5. — P. 81–103.
7. *Shue H.* Basic Rights: Subsistence, Affluence, and U. S. Foreign Policy. — Princeton : Princeton University Press, 1980. — 227 p.

Материал поступил в редакцию 18 октября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Abashidze A. Kh.* Yuridicheskiy kharakter obyazatelstv gosudarstv — uchastnikov mezhdunarodnykh paktov o pravakh cheloveka // Vestnik RUDN. Seriya «Yuridicheskie nauki». — 2009. — № 5. — S. 209–222.
2. *Solntsev A. M., Koneva A. E.* Yuridicheskiy status aktov dogovornykh organov po pravam cheloveka v natsionalnykh pravovykh sistemakh // Mezhdunarodnoe pravosudie. — 2013. — № 4 (8). — S. 82–93.
3. *Droge C.* Positive Verpflichtungen der Staaten in der Europäischen Menschenrechtskonvention. — Heidelberg: Springer, 2003. — 434 p.
4. *Fredman S.* Human Rights Transformed: Positive Duties and Positive Rights. — New York: Oxford University Press, 2008. — 412 p.
5. *Hunt P.* Interpreting the International Right to Health in a Human Rights-Based Approach to Health // Health and human rights Journal. — 2016. — Vol. 18. — № 2. — P. 109–130.
6. *Koch I. E.* Dichotomies, trichotomies or waves of duties? // Human Rights Law Review. — 2005. — № 5. — P. 81–103.
7. *Shue H.* Basic Rights: Subsistence, Affluence, and U. S. Foreign Policy. — Princeton: Princeton University Press, 1980. — 227 p.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

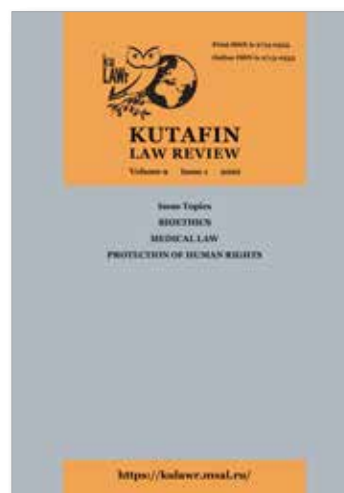
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 19 № 6 (163) июнь 2024

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002